РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ

М.: Наука, 1990. 336 с.

Редакционная коллегия: Б.С.ИТЕНБЕРГ, В.Я.ЛАВЕРЫЧЕВ, Н.М.ПИРУМОВА, В.А.ТВАРДОВСКАЯ
Рецензенты: кандидат исторических наук А.А.АЛАФАЕВ, доктор исторических наук В.М.ХЕВРОЛИНА

В сборнике, посвященном **100-летию со дня рождения Бориса Павловича Козьмина**, исследуются взаимоотношения революционеров и либералов - одна из коренных проблем общественного движения. Повествуется о различных течениях революционной мысли в этот период, об идейном разногласии в освободительном движении, о направленности русского утопического социализма. Для историков и всех интересующихся отечественной историей. Научное издание

СОДЕРЖАНИЕ

В.А.Твардовская, Б.С.Итенберг. За изучением революционного движения в России (К столетию со дня рождения Б.П.Козьмина)
***Б.С.Итенберг*. Революционеры и либералы в пореформенной России**
***Б.П.Балуев*. Либеральное народничество и Г.В.Плеханов (проблема интеллигенции)**
В.А.Твардовская. Революционная демократия и Ф.М.Достоевский
Н.М.Пирумова. «Русский социализм» А.И.Герцена
***Е.Л.Рудницкая*. «Общество Народного Освобождения» и его русские связи (кружок П.Г.Заичневского)**
В.И.Харламов. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-80-х годах XIX в.
В.Я.Гросул. Газета «Общее дело» о событиях в Юго-Восточной Европе (80-е годы XIX в.)
Е.А.Дудзинская. Общественно-политическая деятельность А.И.Кошелева в пореформенное время
А.С.Нифонтов. Письма русского посла Н.А.Орлова 1859-1865 гг.
***С.В.Мироненко*. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии**
***Т.В.Мальчикова*. Проблемы истории рабочего движения в исследованиях Б.П.Козьмина**
***О.В.Будницкий*. История «Народной воли» в идейной борьбе первой российской революции**
***Борис Михайлович Шахматов*. Журнал и газета «Набат» П.Н.Ткачева (указатель содержания)**
Дополнительный список научных трудов Б.П.Козьмина

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009. Размещенные у нас статьи выделены шрифтом в содержании.

Тематические материалы

Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/therm_condr.htm
М.Покровский. Очерки русского революционного движения XIX - нач. XX вв.	http://narod.ru/disk/9709843000/mpokrov_rus-rev.pdf.html
О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция (1830-е гг.)	http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#orlic
П.Ткаченко. Восприятие революционными разночинцами идей западноевропейского утопического социализма	http://vive-liberta.narod.ru/journal/narod_socialism.pdf
М.Домманже. Бланки	http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommang.pdf.html

Борис Самуилович ИТЕНБЕРГ

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ в ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Взаимоотношения революционеров и либералов начались еще в дореформенное время, хотя четкого размежевания революционно-демократического и либерального направлений в общественном движении тогда еще не произошло. Следует вспомнить, что одним из основоположников демократической тенденции в 1840-х годах был В.Г.Белинский, выступавший против либеральных воззрений К.Д.Кавелина, П.В.Анненкова, В.П.Боткина и др.

После поражения России в Крымской войне усилились оппозиционные настроения в обществе, обострилась критика правительственной политики царизма, всеобщее недовольство охватило страну. Особую роль в духовной жизни начала играть журналистика. В 1856 г. появились два либеральных журнала - западнический «Русский вестник» и славянофильский

«Русская беседа». В России революционно-демократическое направление представлял «Современник», во главе которого стояли Н.Г.Чернышевский и Н.А.Добролюбов. За рубежом революционную пропаганду начали А.И.Герцен и Н.П.Огарев: «Полярная звезда», «Колокол», «Голоса из России» становятся достоянием широких кругов передовой российской общественности. Так в духовной жизни страны возникли два направления - либеральное и революционно-демократическое. В конце 1850-х годов они находились в стадии консолидации, определения своих позиций, идейных споров, происходивших и внутри каждого из направлений, и между революционно настроенными и либеральными деятелями общественной борьбы. На начальном этапе развития их во многом объединяла единая цель - борьба против крепостничества. Этим и объясняется ряд совместных акций против реакционных действий правительства.

Но и при этом всякая попытка представителей революционно-демократического лагеря к решительным действиям вызывала тревогу у либералов. В ответ на появление «Колокола» Кавелин в августе 1857 г. поучал Герцена: «Заграничный орган для общественного мнения есть насущная потребность, как пища и питье для человека. Но орган должен быть непременно умеренный, который через это получил бы возможность входить во все интересы, служить органом для всех мнений». «Колокол» же, по взглядам Кавелина, таким органом не является; его программа «слишком строго исключительная». Отсюда следовал вывод: «Масса не может идти за твоим знаменем, хотя бы потому только, что оно слишком высоко поставлено»[1]. Две указанные тенденции, возникшие до реформы 1861 г., в дальнейшем получили более реальное очертание и стали играть важную роль в общественной борьбе.

Принципиальное методологическое значение для понимания деятельности революционеров и либералов, эволюции их взглядов и места в идейной жизни пореформенной России имеет высказывание В.И.Ленина: «Третья Дума, - писал он в 1912 г., - с новой стороны, в новой обстановке подтвердила то основное деление русских политических сил и русских политических партий, которое вполне определенно наметилось с половины XIX века, все больше оформлялось в 1861-1904 годах, вышло наружу и закрепилось на открытой арене борьбы масс в 1905-1907 годах, оставаясь таковым же и в 1908-1912 годах»[2].

Значит, расстановка русских политических сил «вполне определенно наметилась» в середине XIX в. Значит, с этого времени можно вести отсчет взаимоотношений революционеров и либералов, говорить об их роли в духовной жизни страны. Но для этого нам нужно выяснить важнейшее обстоятельство: какие же политические силы действовали в России в рассматриваемое время.

Таких сил, по мнению В.И.Ленина, было три. Самодержавная монархия, выражавшая интересы помещиков-крепостников, составляла правительственный лагерь, ставивший своей целью предотвратить крестьянскую революцию. Другой лагерь: революционная демократия. Ее цель - путем социальной революции освободить Россию от самодержавного деспотизма. Представленная разночинцами и передовыми дворянами, она защищала интересы закабаленного народа.

«Посередине между демократией, с одной стороны, - писал Ленин, - и абсолютизмом вместе с крепостническим землевладением - с другой», находился либерально-монархический буржуазный центр, наметившийся «вполне явственно в эпоху падения крепостного права»[3]. Российские либералы были идеологами буржуазии, объективно выражали ее экономические и политические интересы, выступали против произвола царизма. Они стремились установить в России конституционную монархию три сохранении основ теперешнего строя, без широкого народного движения»[4].

Эпоха падения крепостного права в России ознаменовалась борьбой двух тенденций - либеральной и демократической, четко сформулирована В.И.Лениным: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций», исход борьбы которых «за новую Россию» становился определяющим в общественной жизни[5].

Будучи представителем революционно-демократической тенденции, Чернышевский раскрыл сложность развития общественного движения, показал его зигзагообразность на пути восхождения. В комментариях к «Основам политической экономии» Милля, опубликованных в «Современнике» в 1860-1861 гг., он определил важную закономерность в чередовании революционных, либеральных и реакционных идей.

Чернышевский отметил, что общественно-политическое движение начинается с критики «заметных с первого взгляда» недостатков, что характерно для деятельности умеренных либералов. Но критическая мысль на этом не останавливается, она развивается дальше и подводит к выводу: необходимо устранить коренные причины недостатков, устранить принципы, на которых «построен весь общественный порядок». Это приводит к тому, что «умеренно либеральная критика переходит в радикальную; так за Монтескье явился Руссо; за Мирабо - Робеспьер».

Но вот что происходит дальше. В обществе замечают, что радикалы в своих требованиях ушли слишком далеко, что они «ниспровергают вещи», которыми оно «очень дорожит». «Тогда, - пишет Чернышевский, - начинается другое настроение мыслей: касаться оснований общественного устройства - это злодейство или безумие; довольно устранить второстепенные недостатки. Опять настает пора умеренного либерализма: за Конвентом следует Директория и Консульство».

Но и на этот раз на умеренном либерализме идейное развитие не останавливается, а продолжает развиваться: на смену либерализму приходит «период крайней реакции»6. Опять пример из Великой французской революции: «Конституционный порядок Директории, ставший почти только призраком во время Консульства, переходит в полный абсолютизм империи».

Обнаруженная закономерность позволяет Чернышевскому сделать фундаментальный вывод: «...реакция ведет к умеренной, потом к радикальной критике; радикализм ведет к умеренному, потом к реакционному консерватизму; и опять от этой крайности общественная мысль переходит в противоположную крайность через умеренный либерализм»[7].

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М., Наука, 1990
Б.С.Итенберг
В.Г.Вагуев
Е.Г.Рудницкая
О.В.Мальчикова
Г.В.Мальчикова
О.В.Будницкий
Б.М. Шахматов

Либералы и демократы в эпоху падения крепостного права выступали против абсолютизма, крепостнических порядков, разным путем пытались добиться политических свобод. Но при этом они были антиподами в принципиальном: демократы верили в силу народного движения, либералы его боялись, стремились не допустить революционного взрывав. Но имеющиеся точки соприкосновения приводили к характерному явлению, подмеченному Лениным: «...представители демократической тенденции идут к своей цели, постоянно колеблясь и попадая в зависимость от либерализма»[8].

В другом месте Ленин писал, что в природе и обществе все грани подвижны, в «известной степени условны, изменчивы, а не мертвы». Поэтому неизбежны переходные формы и колебания различных партий и групп, «стоящих "на границе" основных делений»[9].

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Это учитывал Ленин в оценке и общественного движения в целом и отдельных его деятелей. Вспомним для примера известную оценку А.И.Герцена, слова о его колебаниях между демократизмом и либерализмом, при которых «демократ все же брал в нем верх»[10]. Сложность своей деятельности в эпоху падения крепостного права хорошо понимал и сам Герцен. Он указывал в «Колоколе», что заграничный орган упрекают «либеральные консерваторы» за то, что он «слишком нападает на правительство», «красные демократы» - за то, что «Колокол хвалит Александра II, верит, что царь "хочет освобождения крестьян"». Более того, «нас упрекают славянофилы, - писал Герцен, - в западном направлении. Нас упрекают западники в славянофильстве»[11].

И все же, по верному наблюдению исследователя, стремление освободить народ от крепостного права, «на время объединившее демократические и либеральные общественные силы, задерживало их размежевание, и лишь решение крестьянского вопроса в определенном направлении ускорило этот процесс»[12].

Действительно, после 19 февраля 1861 г. во взаимоотношениях между революционерами и либералами происходят заметные перемены, вызванные рядом обстоятельств. На фоне резкого усиления крестьянского движения повысился авторитет «Современника», проводившего сквозь препоны цензуры идею крестьянской революции, утверждавшего решающую роль народа в борьбе с крепостническими порядками. Это вызвало бурную реакцию на страницах «Русского вестника», открывшего поход против разночинской идеологии. «В натиске на революционную демократию,- отмечает В.А.Твардовская, - объединились либералы всех оттенков». Теперь, несмотря на серьезные внутренние противоречия, либерально-монархический лагерь «выступил единым фронтом против революционно-демократического»[13].

Постепенно происходит поворот либерализма от оппозиционности к охранительству. Это было вызвано и тем, что возникло реальное ощущение «призрака» коммунизма, в стране резко усилились демократические тенденции, в основе которых лежали идеи утопического социализма, во многом скрытые в начале процесса размежевания либерального и революционно-демократического течений[14].

Началось наступление реакции, связанной с конкретными обстоятельствами общественной жизни России. Для современников это было вполне очевидно. Но вместе с тем процесс этот был не простым, изменение позиции либералов происходило сложным путем.

Обратимся к свидетельству профессора М.М.Стасюлевича - будущего редактора «Вестника Европы». 6 июня 1862 г. после известных пожаров в Петербурге он в письме к жене жаловался, что наступила правительственная реакция, в результате его «не утвердили в Академии, что год тому назад было бы немыслимо». Профессора возмущало и другое. «Снизу считают нас, - писал он,- ретроградами и почти что подлецами, а сверху на нас смотрят чуть ни как на поджигателей. Теперь люди благоразумные, попавшись между двумя фанатизмами, без сомнения, отойдут совершенно в сторону и составят, так сказать, партию воздержания»[15].

В последнем Стасюлевич оказался весьма проницательным. Действительно, после отмены крепостного права деятельность либералов, активно проявивших себя в подготовке реформы, теперь стала затухать, их оппозиционность глохнуть. И только в конце 1870-х годов возник новый подъем либерального движения, сменившийся в начале 1880-х годов (после 1 марта 1881 г.) периодом пресмыкательства и пассивного созерцания.

Правда, либерализм во время своего упадка не сошел, разумеется, с арены политической деятельности. В 1863 г. возникло Московское юридическое общество, на заседаниях которого обсуждались и некоторые злободневные вопросы жизни. Либералы сыграли свою роль и в буржуазном реформировании общественных порядков (судебная, земская и городская реформы). В 1866 г. появился новый либеральный орган - «Вестник Европы». Можно было бы назвать и некоторые другие факты из истории либерализма.

Но все это не могло сравниться с развитием революционно-демократического движения, которое, несмотря на значительные потери, все же последовательно набирало силы, переходило от одной фазы к другой, сочетало в себе легальную и подпольную деятельность, вовлекало в борьбу передовую молодежь. Важно еще и вот что: если либералы были полностью разобщены организационно, не имели в 60-70-х годах единой программы, то в подполье России возникли революционные централизованные организации, самоотверженно выступившие против самодержавного деспотизма.

Возникновение тайных обществ в России вызвало осуждение со стороны либеральной общественности. Известный публицист «Вестника Европы» К.К.Арсеньев, разбирая итоги политического процесса над участниками нечаевской организации, прямо заявил, что тайные общества «везде и всегда» представляются «обреченными на бессилие и бесплодие». Они являются плохой школой для «политического воспитания народа», так как действуют «против нетерпимости нетерпимостью, против фанатизма фанатизмом»[16].

Нужно, по мнению Арсеньева, искать другие пути для совершенствования в стране общественных отношений. Перед «трудящейся молодежью» следует широко раскрыть «мирный путь разносторонней деятельности на пользу народу, и чтобы сознание свободы, ожидающей ее на этом пути, служило для нее охраной против революционных стремлений»[17].

И все же, несмотря на явно обозначившееся размежевание между революционерами и либералами, имели место и попытки совместного обсуждения вопросов общественной жизни.

Знаменательным в этом отношении стало собрание, состоявшееся дома у петербургского профессора Н.С.Таганцева в декабре 1871 г. На нем присутствовали представители и радикальной и либеральной интеллигенции. Тут были и «чайковцы» (Д.Клеменц, Н.Чарушин, С.Перовская, Ф.Волховский) и такие общественные деятели, как Н.К.Михайловский, В.П.Воронцов (В.В.), В.И.Водовозов, В.Д.Спасович, Е.И.Утин и др. Обсуждался реферат сенатского чиновника С.Е.Шевича «О сущности конституции». Во время обсуждения возник вопрос: возможна ли конституция в России? Н.Чарушин так оценил отношение революционеров к возникшей проблеме: «Но кто же у нас будет бороться за конституцию? Наши привилегированные сословия - дворянство и буржуазия - слабы и бороться за конституцию не будут, а предпочтут защищать свои классовые интересы с заднего крыльца, что они с большим успехом для себя делают и в настоящее время». С другой стороны, куцая классовая конституция для народа ничего не может дать, она лишь усилила бы эксплуатацию трудового народа[18].

Так идея конституционного устройства в условиях России со стороны радикальной молодежи поддержки не получила, а само собрание у Таганцева никакого практического значения не имело.

Другое дело - теоретические поиски, направленные на выяснение коренных вопросов общественного движения. Укажем в этой связи, что проблема роли буржуазного либерализма в освободительной борьбе выплеснулась на страницы демократической печати. В «Отечественных записках» этот вопрос находился в центре внимания Н.К.Михайловского. Главным мотивом его политической публицистики являлась защита некапиталистического пути развития России. Для обоснования этой доктрины приходилось разоблачать сущность российского либерализма, выдвигавшего идею развития и утверждения капиталистических отношений в стране.

В 1872 г. Михайловский провел параллель между российским и западноевропейским либерализмом. В результате он пришел к выводу, что либерализм выработан «не нашею жизнью», а жизнью Западной Европы. Там он соответствует интересам буржуазии. У нас же не создалась почва для либерализма. За российскими либералами «нет той силы, тех интересов, какими обусловливается свобода мысли европейского либерала»[19].

С такой точкой зрения легального публициста далеко не во всем соглашались представители революционного народнического подполья. В программе зарубежного журнала «Вперед», составленной П.Л.Лавровым, допускались контакты с либералами в вопросах свободы слова, мысли, ассоциаций. Но при этом призывалось «не вступать в союз с либеральными партиями», так как цели революционеров и либералов, «безусловно, различны»[20].

Еще в более определенной форме эта же мысль была высказана Лавровым в передовой статье газеты «Вперед!», посвященной анализу либеральной прессы. В статье прямо говорилось, что социалисты-революционеры должны «клеймить презрением жалких лилипутов либеральной прессы наравне с органами жалкого правительства и воровского капитализма, которым сознательно или бессознательно служат все эти арлекины русского слова»[21].

И М.А.Бакунин говорил о российском «лакействующем либерализме», вредном для дела народного освобождения. Отмечая конституционные стремления этого общественного течения, он указал, что «республиканский либерализм», несмотря на свою внешнюю благовидность, представляется «еще более пагубным для народа»[22]. По мнению П.Н.Ткачева, либералы в России являются эксплуататорами, действующими заодно с капиталистами, попами и помещиками[23].

Такое отношение к российскому либерализму в принципе было характерно для идеологов не только революционного народничества, но и революционного подполья, для широких кругов демократической молодежи во время «хождения в народ». Интересна в этом отношении статья из рукописного журнала Черниговского революционного кружка, относящаяся к маю 1874 г. Отметив, что в России существуют три партии: консервативная, или дворянско-правительственная, либеральная и революционно-демократическая, журнал свидетельствовал, что либеральная партия «делает быстрые успехи». Они происходят вследствие заимствования «принципов и учреждений, выработанных западноевропейской буржуазией». О чем же речь? О республиканском или конституционно-монархическом парламенте, о свободе торговли и промышленности, о том, что «нужно завоевать политическую свободу, а затем можно будет приняться за постепенное преобразование быта народа»[24].

Такое программное заявление западного либерализма, воспринятое либералами же в России, в корне противоречило воззрениям революционных народников. Это и определило реплику черниговского журнала: «Старая песня, которую политические либералы, либералы Европы поют ее чуть не столетие»[25].

Правда, справедливость требует отметить, что среди революционных народников находились и такие, которые более терпимо относились к либералам и их публицистике. Характерна в этом отношении позиция О.В.Аптекмана, отмечавшего важную роль в общественной борьбе «либерально-прогрессивной литературы», среди которой он выделял «Вестник Европы». Именно в этом журнале группировались «выдающиеся ученые публицисты и либералы: Стасюлевич, Пыпин, Кавелин, Арсеньев, Головачев». «Вестник Европы», по словам Аптекмана, был органом «просвещенной либеральной буржуазии» и последовательно отстаивал свои взгляды, «непоколебимо» стоял на своем «гуманитарно-либеральном посту»[26].

В целом же в революционном подполье России робкие действия либералов, направленные на завоевание политических свобод, считались нереальными, далекими от практического осуществления. Наиболее четко эта мысль была выражена в рукописном документе «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.» Вот о чем там писалось: «Что делают либералы для завоевания политической свободы? Самое страшное - показывают правительству угрожающий кукиш в кармане, шепчутся между собою с боязливым оглядыванием вокруг и самодовольно подмигивают друг другу, что вот они ведут с правительством такую тонкую политику, что они его скоро проведут и ох! как славно проведут... Но зайцу не провести волка»[27].

Полемика революционеров с либералами, взаимные обвинения в ошибочности действий друг друга широко развернулись на страницах прессы. Либералы это делали в легальных органах печати, революционеры - в своих подпольных изданиях. Отвечая либеральной газете «Голос» в мае 1878 г., народнический орган «Начало» писал: «Вы бросаете грязью в молодежь и сами изгибаетесь под цензурным кнутом. Вы сознаете горькое до азиатского бесправия положение общества и вместе с тем, словословя "престол", вооружаетесь на тех, которые доказали вам свою способность жертвовать собою в борьбе за свободу народа; вы сами накладываете на себя руку; вы сами напрашиваетесь на насилие. Ваше положение поистине печально: вас бьют по щеке сверху, когда же народ восстанет, вас будут бить и снизу»[28].

Широко известно, с каким сарказмом высмеивал либералов в своих произведениях М.Е.Салтыков-Щедрин. В работе «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» Ленин напомнил читателям «метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала», начинающего с просьбы у начальства реформ «по возможности», продолжающего тем, что клянчит «хоть что-нибудь» и кончающего вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости»[29].

Взаимоотношения революционеров с либералами особенно наглядно проявлялись во время демократического подъема, когда наиболее обострялись социальные противоречия, когда недовольство правительственной политикой охватило все слои русского общества. Такой демократический подъем возник в России на рубеже 70-80-х годов XIX в., охарактеризованный Лениным как революционная ситуация[30].

Это было время когда революционеры вступили в открытую борьбу с самодержавием, а либералы начали сравнительно активную оппозиционную кампанию, заговорили о проектах конституционного переустройства России, ограничении царского деспотизма.

Призывая к борьбе с крайностями деспотического режима, либералы одновременно заявляли себя противниками революционных деятелей, методов их действия. Либеральные публицисты пытались найти пути к предотвращению революционного натиска, проявившегося в годы второй революционной ситуации.

С серией статей, обличающих русских революционеров, выступил в начале 1879 г. на страницах «Русской речи» А.Градовский. Он стремился доказать, что в Западной Европе действительно существует «организованная и многочисленная социальная партия». В России же это «горсть людей», находящихся в подполье или эмиграции. В результате получается, что несколько сот пропагандистов «стараются разогреть восьмидесятимиллионную массу», направить ее на разрушение старого и создание нового мира, основанного на доктрине М.Бакунина[31].

Но сам факт распространения социалистической пропаганды, активная деятельность молодежи не являются случайными. Это, по мнению Градовского, - «симптом известного общественного состояния», свидетельствующий о том, что в обществе не все в порядке, что атмосфера накалена, что недовольство заставляет молодых людей бросать семьи, школьные скамьи и отправляться «в народ», в крестьянскую среду[32].

Было над чем задуматься русскому либералу! Градовский пытается разобраться в происходящем, выявить характер общественной болезни, определить меры для ее устранения. «Несмотря на то, - рассуждает он, - что социализм в собственном смысле пока не имеет у нас "почвы", что программа наших социалистов явно несостоятельна, что длинные теоретические их рассуждения - суть вариации на европейские темы и по европейским материалам, учение это распространяется быстро, овладевает массою молодых умов, порождает энтузиастов, пропагандистов, фанатиков. Стало быть, в нем есть жизнь, и мы не прекратим этой жизни, доказав, что в России нет условий для социального движения. Мы "докажем" этим только, что наше "движение" не есть, в существе своем (т.е. по мотивам и условиям, его вызвавшим), движение социальное. Но это только отрицательная сторона работы. Остается еще и положительная: рассмотреть, какими другими причинами вызвано это движение, выкинувшее социалистическое знамя, и что оно есть в самом своем существе?»[33]

Установив, что мотивы увлечения социализмом среди молодежи в своей основе не вытекают из «социального вопроса», не имеющего в России почвы, Градовский приходит к выводу, что суть дела заключается в недостатках «скромно-юридических». Посмотрим, как этот термин понимал и раскрывал публицист. Оказывается, что сами либералы своей пассивностью способствуют распространению социалистических идей. Для убедительности и наглядности повествования слово в этом случае предоставляется молодому пропагандисту: «Вы жалуетесь на нас, но вам следовало бы жаловаться на себя. Мы делаем то, чего не хотите или не можете делать вы. В нас - жизнь, а в вас - сон или омертвение. У нас - характеры, а у вас - слова, слова и слова! Мы бросаем все выгоды жизни и идем в народ, где нас ожидают лишения и тысячи опасностей ... Мы люди слова и дела!»[34]

Так российский либерал сам показал разницу между активной деятельностью революционеров и пассивным, созерцательным отношением к жизненным проблемам своих единомышленников.

Для того, чтобы не допустить распространения социалистических идей в России, нужно, по мнению Градовского, не только призывать общество, молодежь к тому, чтобы люди не сочувствовали социализму. Нужно еще и другое: «...когда мы пожелаем указать обществу его прямую задачу, откроем ему все законные пути к ее осуществлению и обозначим ему возможность идти по этому пути, в сознании своих законных прав, наша цель будет достигнута. Мы создадим общество, крепкое в праве и отвращающееся от насилия, какую бы обольстительную форму оно ни принимало»[35].

И обозреватель «Внутреннего обозрения» «Вестника Европы» Л.А.Полонский считал, что расширение общественной деятельности в России вызвало бы к жизни «не разрушительные, а охранительные силы», общество стало бы более зрелым, и «улица замолчала бы перед ним»[36].

В этом же направлении высказался на страницах «Юридического вестника» С.Муромцев. Он писал, что если «протест подпольный и крамольный» распространяется в России, то это происходит потому, что «здоровая дума» не имеет возможности свободно высказываться и этим вскрыть существующие недостатки в общественной и государственной жизни страны. «Дайте свободу ей («здоровой думе». - *Б.И.*), - взывал Муромцев, - и всякая крамола потеряет смысл и силу, потому что не выдержит состязания с деятельностью свободною, здоровою и законною»[37].

Высказанная либеральная программа борьбы с революционной пропагандой не прошла мимо народнической прессы. С наиболее убедительной полемикой выступили участники «Земли и воли», заявившие своим идейным противникам: «Вы, господа, желаете просвещения, обеспечения свободы личности, слова, печати, желаете земского собора и т.д. Но поверьте, что только действительная сила, требующая и умеющая поддержать требование, достигает того, чего ей хочется. А вы боитесь даже договориться до конца. Вы очень хорошо понимаете, что только серьезное ограничение самодержавия может дать вам свободу, а между тем боитесь даже заикнуться об этом... Вы, например, жалуетесь на невозможность свободно говорить, писать. А как же социалисты говорят и пишут? Почему бы и вам не завести подпольную типографию? ... Социалисты, которых расстреливают, судят, ссылают сотнями, оказываются менее стесненными всеми этими внешними давлениями, чем вы своей собственной боязливостью! Ах, господа, можно ли сознаваться в таких вещах!»[38]

Понятное дело, ни о каких подпольных типографиях, ни о каких радикальных действиях не могло быть и речи - либералы являлись принципиальными противниками такого рода предприятий. Даже те, кто стоял на левом фланге либерализма, отстаивали мирный путь развития страны. И.С.Тургенев заявлял, что он не признает никакой другой реформы, кроме реформы, «исходящей сверху», и если такой реформы не совершается, то, по его мнению, «надо ждать, ждать и ждать - ибо революция у нас и немыслима и противна всему нашему историческому развитию»[39].

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М.: Наука, 1990
Б.С.Итенберг
Б.П.Балуев
Е.Л.Рудницкая
С.В.Мироненко
Г.В.Мальцикова
С.В.Будницкий
Б.М. Шахматов

Приведем свидетельство еще одного либерала. 24 октября 1880 г. Белоголовый писал Лаврову: «Ваша жизнь, без сомнения, пошла теперь полнее, потому что социалистическое движение за последние месяцы сильно оживилось, партии становятся в угрожающее положение и взрыв почти неизбежен: за кем останется победа? Готов пари держать, что не за вами; даже кратковременный ваш успех только больше сплотит против вас консервативные силы и сделает еще тяжелее гнет последующей реакции»[40].

Разумеется, выступая против революционных действий народников, либералы должны были противопоставить им свою не только политическую, но и социально-экономическую программу. Это и было сделано в уже указанном «Внутреннем обозрении» Л.А.Полонского. Сотрудник «Вестника Европы» стремился доказать, что насильственные перевороты не могут обеспечить прочной, стабильной общественной жизни. Другое дело - реформы, исходящие сверху <'из сознания самой власти». Об этом свидетельствует опыт иностранных государств, хотя в каждой стране реформирование должно определяться конкретными обстоятельствами. В русском обществе вполне созрела необходимость дальнейшего улучшения «экономического быта народной массы», упорядочения финансовой политики, укрепления кредитной системы. Народ, по мнению Полонского, имеет полное основание «доверять правительственному почину преобразований», так как только власть может определить «истинные потребности страны»[41].

Возникновение политического направления в народничестве, организация «Народной воли» несколько изменили взаимоотношения между революционерами и либералами. Борьба за политические свободы, признанная революционными народниками необходимой в условиях России, определила точки соприкосновения с либеральными деятелями. В программном документе «Подготовительная работа партии» народовольцы указывали, что при современной постановке задач партии «интересы наши и их (либералов. - *Б.И.*) заставляют совместно действовать против правительства». Документ рекомендовал, не скрывая «своего радикализма», но возможности «сходиться с местными либералами и конституционалистами»[42].

Такое направление в деятельности народовольцев не было безоговорочно принято революционным подпольем. Обращаясь к южным народникам осенью 1880 г., П.Б.Аксельрод доказывал, что в целях «самосохранения и самые либеральные элементы всегда готовы будут соединиться с бюрократией и войсками для подавления приверженцев народа»[43].

Еще более решительно возражал П.Л.Лавров, предостерегая своих товарищей-народовольцев: «Политические либералы не поверят вам, а будут всегда употреблять вас, когда можно, как орудие, держа против вас камень за пазухой. А своих вы можете оттолкнуть и отталкиваете иногда»[44].

И все-таки попытки заключить союз либералов с революционерами имели место. В конце 1878 г. известные земские деятели И.И.Петрункевич и А.Ф.Линдфорс решили вступить в переговоры с революционерами и убедить их приостановить террористические акты, чтобы либералы смогли активизировать легальную борьбу с правительством[45].

3 декабря 1878 г. такие переговоры состоялись в Киеве на квартире украинофила В.Л.Беренштама. В них участвовали И.И.Петрункевич и А.Ф.Линдфорс. М.П.Старицкий, И.А.Житецкий, В.Л.Беренштам, А.А.Русов и др. Со стороны революционных народников были: В.К.Дебогорий-Мокриевич. В.А.Осинский, М.П.Ковалевская, Л.А.Волкенштейн, И.Ф.Волошенко и др.[46]

Собрание началось речью земца, доказывавшего, что конституция будет полезна для всех участников общественной борьбы в России. Начать следует, по его мнению, с подачи петиций, организации мирных демонстраций и таким путем вовлечь в движение как можно больше людей. Но для этого следует приостановить террористические акты, к чему оратор и призывал революционеров. Последние отвергли такую либеральную программу действий[47].

Оценивая результаты переговоров в Киеве, Ленин писал: «Итак, вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего натиска (в форме демонстрации, отказа земств от исполнения обязательных расходов и т.п.) либералы опять начинают все с той же "тактичности": "не раздражать" правительство! добиваться "мирными средствами"... Понятно, что ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли»[48].

Революционная ситуация на рубеже 70-80-х годов XIX в. не привела к революции. Больше того, после нее наступила реакция, демократические издания оказались закрытыми. Единственной общественной трибуной оказалась либеральная пресса. Это были журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», газета «Русские ведомости» и др. В них-то и стали сотрудничать такие радикально настроенные публицисты, как М.Е.Салтыков-Щедрин, Г.И.Успенский, Н.В.Шелгунов, В.Г.Короленко и др. Таким образом, либеральная печать в конкретных условиях реакции объективно как бы способствовала распространению демократических идей в России.

Идейная жизнь продолжалась и в подполье, где мучительно шли поиски правильных путей борьбы с самодержавием.

В лагере же либералов в целом царили апатия и уныние, все больше и больше проявлялась организационная и идейная разобщенность, исчезали последние следы былой оппозиционности. Все это хорошо понимали не только революционеры, но и сами либералы. Н.А.Белоголовый признавался П.Л.Лаврову, что либералы не могут выступить с активным протестом против самодержавных порядков, так как «настоящая русская жизнь ни вас (революционеров. - *Б.И.*), ни нас знать не хочет, а потому и нам в пределах России приходится показывать свой кукиш в кармане»[49].

А за пределами России? В Женеве с 1877 г. выходил журнал «Общее дело», выражавший интересы левого крыла российских либералов и давший сравнительно объективную оценку деятельности своих единомышленников. Журнал в 1887 г. признавал, что трудно бороться с «грубой силой», но во имя общественного благополучия это следует делать обязательно. Между тем либеральная партия была мало «проникнута этой обязательностью», а занималась мелкими личными делами, лишенными «всякой коллективной энергии». Либералы безропотно подчинялись «обрушившимся на нее кулакам», за что вполне оправданно были обвинены «в трусости и в недостаточной стойкости за свои принципы». «Общее дело» прямо называло все прегрешения российских либералов: без всякого протеста дали возможность правительству закрыть передовые журналы, прекратить деятельность женских курсов, ввести новый университетский устав, передать народные школы в руки духовенства, «лишить гласный суд гласности» и т.д.

Конечно, плетью обуха не перешибешь, но ведь у либералов имелась «возможность, по крайней мере, протестовать против творимых в России беззаконий и насилий». Это было можно делать если не в России, то за границей. Нет, этого не сделали - либерального протеста не последовало[50].

Проблема отношения к либерализму во всей остроте встала перед группой «Освобождение труда» - первой российской марксистской организацией. Уже на начальном этапе своей деятельности, раскрывая несостоятельность теории и практики революционных народников, отвергая методы борьбы народовольцев, группа считала возможным объединить усилия различных общественных кругов России в борьбе против самодержавия. Плеханов и его товарищи допускали для этой цели сотрудничество и с народниками и с представителями оппозиционного либерализма. Но при этом группа оберегала революционную среду от проникновения в нее либеральных воззрений[51].

В 1888 г. в сборнике «Социал-демократ» Плеханов опубликовал статью «Как добиваться конституции?». В ней указывалось, что если бы российские либералы действительно хотели бороться за политическую свободу, то они «не могли бы придумать ничего лучше, как пристать к социалистам»[52]. Плеханов настойчиво доказывал: «Для того, чтобы добиться конституции, мы должны вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в нем симпатии к свободным политическим учреждениям»[53].

И все же к началу XX в. переоценка группой «Освобождение труда» потенциальных возможностей буржуазного либерализма в борьбе с российским самодержавием сказывалась все сильнее и сильнее. Участники группы считали, что интересы пролетариата и буржуазии сходны в одном: в свержении абсолютизма. Такая позиция во многом объяснялась догматическим подходом к марксизму, к его оценке западноевропейской буржуазии во время революций 1848 г. Не учитывалось, что тогда в Западной Европе буржуазия играла революционную роль в общественной борьбе; в России же она такой роли не играла.

Как бы подводя итог деятельности российских либералов в XIX в., Ленин в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901) писал: «Пора бы и либералам нашим освободиться от самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентерство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага»[54].

Ставя так вопрос и вскрывая ограниченный характер либеральной оппозиционности, Ленин одновременно считал нужным поддерживать всякое недовольство существовавшим режимом, исходящим из различных общественных кругов, в том числе и из либеральных. Об этом свидетельствовала его статья «Земский съезд», напечатанная в № 8 «Искры» от 10 сентября 1901 г. Отметив общественное оживление, охватившее Россию, Ленин указал, что даже робкие либералы в условиях полного бесправия начали действовать «без разрешения и ведома администрации», нарушая этим самодержавный порядок. Это вселяло некоторые надежды. «Нельзя, - писал он, - безнаказанно десятки лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать; надо грозить, требовать и, бросив игру в бирюльки, приняться за настоящую работу»[55].

Опубликовав в № 18 «Искры» статью «Письмо к земцам», в которой анализировалось письмо старых земцев, Ленин так отозвался об этом документе: «...оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать против самодержавного правительства»[56].

Ленин допускал компромиссы и даже временные политические соглашения революционных социал-демократов с буржуазными либералами. Он указывал, что старая редакция «Искры» заключила кратковременный политический союз с вождем буржуазного либерализма Струве, «умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния изнутри рабочего движения»[57].

В борьбе за создание революционной партии российского пролетариата Ленину пришлось вести споры в редакции «Искры» с Плехановым и его единомышленниками по вопросу отношения к либералам. Поводом послужила упомянутая статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Плеханов считал нетактичным ругать либералов, - нужно «от плохого либерала апеллировать к хорошему», в целом, полагал он, либерализм заслуживает уважения. Защищая либералов, Плеханов писал Ленину: «Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это - большая ошибка»[58].

Подчиняясь большинству редакции «Искры», Ленин смягчил отдельные выражения в статье и уточнил некоторые формулировки, но не отступил от своей принципиальной оценки либерализма[59].

Тактика Ленина во времена «Искры» по отношению к либералам основывалась на том, что в интересах революционного движения следует всемерно использовать любые недовольства (в том числе и либералов) самодержавным режимом и этим усиливать демократический натиск на царизм. Но вместе с тем нужно разоблачать половинчатость, трусость, нерешительность либеральных деятелей, доказывать необходимость целеустремленной борьбы с реакцией, с отжившими порядками, призывать народ к открытому выступлению против самодержавия.

1 Письма К.Д.Кавелина и И.С.Тургенева к А.И.Герцену. Женева, 1892. С.5-7.

2Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.21. С.171.

3 Там же. С.219—220.

4 Там же. Т.22. С.200.

5 Там же. Т.20. С.174-175.

6 Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.: В 16 Т.М. 1949. Т.9. С. 252-253.

7 Там же. С.254.

8 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.20. С.170.

9 Там же. Т.21. С.39.

10 Там же. С.259.

11 Колокол. 1858. 1 нояб. С.16—17.

12 Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С.129.

13 Твардовская В.А. Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850—1860-х годов // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып.4. С.72.

14 Подробнее см.: Твардовская В.А. Указ.соч. С.70; Китаев В.А. От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50—60-х годов XIX века. М., 1972. С.208.

15 Стасюлевич М, М. и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т.1. С.405.

18 Вестник Европы. 1871. № 11. Цит. по: Арсеньев К.К. За четверть века (1871—94). Пг., 1915. С.33, 35.

17 Там же. С.31.

18 Чарушин Н.А. Что было на собрании у профессора Таганцева // Каторга и ссылка. 1925. № 2(15). С.100—101. Об отношении народников к конституции свидетельствовал и С.Ф.Ковалик, утверждавший, что среди молодежи «до начала движения» («хождения в народ». — *Б.И.*) часто дебатировался вопрос о значении конституции, и большей частью она признавалась не только не необходимой, о даже вредной. Радикалы обыкновенно доказывали, что только социальные преобразования могут спасти Россию, политическая же программа их оставалась неясной» (Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С.54).

19 См.: Виленская Э.С. Н.К.Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С.182—183.

20 Вперед! Цюрих, 1873. Т.1. С.9. Симптоматично, что когда либерально настроенный Г.Н.Вырубов получил эту программу, он ответил Лаврову 6 апреля 1873 г.: «Программу еще не читал... Жалко мне только, что потратите ... убьете на бесполезную работу и время и силы» (ЦГАОР СССР. Ф. 762. Он.4. Д 96. Л.32-33).

21 Вперед! Лондон, 1875. 15 мая. С.264.

22 Бакунин М.А. Речи и воззвания. Б. м., 1906. С.231, 237.

23 См.: Ткачев П.Н. Соч. М., 1976. Т.2. С.91.

24 Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1964. Т. I. С.136—137.

25 Там же. С.137.

26 Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С.33-34.

27 Историко-революционный сборник. Пг., 1926. Т.3. С.111.

28 Революционная журналистика семидесятых годов. Paris, 1905. С.95.

29 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.1. С.268.

30 См.: Там же. Т.22. С.44; Т.17. С.297; Т.26. С.219.

31 Градовский А. Трудные годы (1876—1880). СПб., 1880. С.202-204.

32 Там же. С.211—213.

33 Там же. С.225.

34 Там же. С.264, 268.

35 Там же. С.276.

36 Вырезанное цензурой из I книги «Вестника Европы» «Внутреннее обозрение» (М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т.1. С.477).

37 Муромцев С.Статьи и речи. М., 1910. Вып.V. С.6. 10 марта (26 февраля) 1881 г. И.С.Тургенев писал К.Д.Кавелину, что на страницах «Вестника Европы» «пора нашей партии (если можно так выразиться) выступить с совершенно ясною, подробною и обстоятельною программой, чем мы отличаемся от славянофилов, и от революционеров, и даже от самого правительства» (Тургенев И.С. Собр.соч.: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1967. Т.XIII, кн.1. С.68).

38 8 марта 1879 г. из «Прибавления» к № 4 «Земли и воли» (Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т.II. С.80).

39 Тургенев И.С. Собр.соч. Письма. Л., 1967. Т.XII, кн. 2. С.174. Письмо И.С.Тургенева Я.П.Полонскому от 10 (22) ноября 1879 г.

40 ЦГАОР СССР. Ф.1762. Оп.4. Д.30. Л.33.

41 М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке. Т.1. С.481-482.

42 Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.II. С. 179-180.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М.: Наука, 1990
Б.С.Итенберг
Б.Н.Балуев
Е.П.Рудницкая
С.В.Мироненко
Г.В.Мальчикова
С.В.Будницкий
Б.М. Шахматов
Vive Libera и Век Просвещения, 2005

43 Там же. С.168.

44 Там же. С.327. 3(15) марта 1882 г. Ответ П.Л.Лаврова на письма И. К. «Народной воли».

45 Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С.401—402.

46 Подробнее об этом см.: Петров Ф.А. Из истории общественного движения в период второй революционной ситуации в России: Революционеры и либералы в конце 1870-х годов // История СССР. 1981. № 1. С.151—153; Пирумова Н.М. К вопросу о контактах революционеров с земскими либералами в годы второй революционной ситуации // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX — начале XX в. Рязань, 1981. С.54—68.

47 См.: Дебогорий-Мокриевич Вл. Воспоминания. СПб.. Б.г. С.373.

48 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.5. С.40.

49 ЦГАОР СССР. Ф.1762. Оп.4. Д.34. Л.78. Письмо Белоголового Лаврову из Висбадена в Париж от 1 сентября 1885 г.

50 Общее дело. 1887. № 97. С.5.

51 Подробнее см.: Лаверычев В.Я. Отношение членов группы «Освобождение труда» к буржуазному либерализму // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984. С.167—195.

52 Социал-демократ: Литературно-политический сборник. Женева, 1888. Кн.I. С.5.

53 Там же. С.8—9.

54 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.5. С.72.

55 Там же. С.93—94.

56 Там же. Т.6. С.355.

57 Там же. Т.41. С.56.

58 Ленинский сборник. М., 1925. Т.3. С.204.

59 См.: В.И.Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969. С.356-357.

Борис Петрович БАЛУЕВ

ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И.Г.В.ПЛЕХАНОВ
(ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

На рубеже XIX-XX вв. вопрос о социальной роли интеллигенции был одним из самых дискуссионных не только в социологии и публицистике, но также и в экономической, исторической и даже художественной литературе. Это нашло отражение не только в полемике между общественно-политическими журналами и газетами, но и в целом ряде книг, сборников, брошюр, романов, повестей, пьес[1]. В нашей научной литературе этот факт еще не освещен всесторонне, а между тем он исполнен глубокого социально-политического смысла, достойного обстоятельного исторического анализа. О нем имеются лишь упоминания. Так, советская исследовательница В.Р.Лейкина-Свирская в монографии, посвященной интеллигенции второй половины XIX в., ограничилась только констатацией самого этого факта: «В русской публицистике конца XIX - начала XX в. широко дебатировался вопрос, чем является интеллигенция в ряду различных классов, слоев и групп буржуазного общества, вопрос, имевший для того времени политическую остроту»[2]. Разумеется, мы вполне согласны с В.Р.Лейкиной-Свирской, что споры о социальной роли и назначении интеллигенции на рубеже XIX и XX вв. имели несомненную «политическую остроту». Чем же объяснялась эта острота? Ответ на этот вопрос можно найти, опираясь на труды В.И.Ленина. Согласно ленинской периодизации освободительного движения в России, в 1895 г. закончился разночинский его этап. К освобождению России от самодержавного гнета, от крепостнических пережитков он не привел. И не только потому, что передовая разночинная интеллигенция в лице революционных народников ставила несбыточную и слишком завышенную цель (избежать развития капитализма путем крестьянской социалистической революции или с помощью политического переворота, организованного нелегальной партией революционеров-интеллигентов), но и потому, что движение народников не нашло отклика в народе. Кризис народничества, начавшийся после 1 марта 1881 г., все острее ставил вопрос: что же такое, в конце концов, интеллигенция, какую роль она играет и призвана сыграть в истории России и в человеческом прогрессе вообще?

В нашей литературе, когда говорится о борьбе марксизма с либеральным народничеством, в основном фигурируют экономические категории. И это вполне оправданно. Но вряд ли оправданно не уделять при этом внимания социологическим аспектам развернувшейся идейной борьбы.

Прежде чем перейти к краткой характеристике сути либерально-народнических концепций роли интеллигенции в общественном движении, мы должны подчеркнуть, что не случайно говорим о них во множественном числе: единой концепции не была. Определяющие черты были свойственны всем концепциям. Главная общая черта отмечена В.И.Лениным в работе «От какого наследства мы отказываемся?»: игнорирование связи интеллигенции (как и государственных, политических учреждений) с материальными интересами определенных общественных классов[3]. Но каждая концепция отличалась своеобразием.

В наиболее полном виде система взглядов по данному вопросу была выражена такими представителями либерального народничества, как В.П.Воронцов (В.В.) и И.И.Каблиц (Юзов). Реже, но с определенной концептуальной последовательностью выражал свою точку зрения на роль интеллигенции Н.К.Михайловский. Рассмотрим, что было общего и особенного в позиции этих трех теоретиков народничества по указанной проблеме.

Свою концепцию роли интеллигенции в обществе В.П.Воронцов раскрыл в работе «Наши направления». Достаточно выразительны в этом плане названия глав книги: глава первая - «Сословный характер исторической интеллигенции»; глава вторая - «Характер русской интеллигенции»; глава третья - «Оживление буржуазной тенденции среди русской интеллигенции»; глава четвертая - «Социально-культурные силы русского общества».

Надо также отметить, что своему новому труду Воронцов придавал значение манифеста народничества. Он с неудовольствием констатировал, что «народниками» называют себя люди, «очень мало похожие, даже вовсе непохожие друг на друга», люди с определенными прогрессивными мнениями и люди, «проповедующие нечто, чрезвычайно близкое к обскурантизму». Воронцов считал, что происходило это во многом за счет непроясненносамого понятия «народничество»: действительно, на протяжении 12 предшествующих лет на страницах журналов и газет не утихала по этому поводу дискуссия[4]. Но еще больше он относил эту разноголосицу в истолковании «народничества» за счет того, «что публицисты этого направления не формулировали цельной системы миросозерцания»[5]. Своей работой Воронцов явно намеревался восполнить этот пробел и, что особенно важно для нашего исследования, определить сущность и роль интеллигенции в русском общественном движении.

Иногда может показаться, что при разработке своей концепции места и роли интеллигенции в жизни общества Воронцов вооружился марксизмом. Он неоднократно повторял тезис о связи духовной деятельности интеллигенции с интересами того или иного класса. Он утверждал, что характер разрабатываемых интеллигенцией систем для воздействия на социальную жизнь зависит от того, «интересы какого класса - отживающего или возникающего - она выражает», что преимущественно отмечается «связь проповедуемых интеллигенцией идей с интересами сильного класса», что она обыкновенно «вступала на путь примирения главнейших недостатков общественной организации», что «интеллигенция стремится обнять социальные сведения... в духе господствующего класса», и, наконец, что «интеллигенция как творческий агент обладает такими силами, какие имеет в жизни тот класс, к которому она принадлежит»[6]. Однако эти марксистские вкрапления в социологические построения Воронцова - лишь показатель того, что мы в данном случае имеем дело с народничеством именно на втором этапе его развития, когда его теория приобретала все более эклектичный, «лоскутный» характер, пока от старого цельного и последовательного учения не остались одни только клочья[7]. Либерально-народнической сути взглядов Воронцова эти вкрапления отнюдь не поколебали. Во всех концептуальных положениях, в том числе и по вопросу об интеллигенции, он - типичный либеральный народник, противник марксизма.

Тот класс, которому, как считал Воронцов, должна служить интеллигенция, - это «масса крестьянства» (в работе она чаще именуется просто «народом» или даже «массой населения»). При этом он призывал интеллигенцию строго учитывать в своей деятельности, что положение крестьянства коренным образом изменилось после реформы 1861 г. Налицо - один из признаков, по которому В.И.Ленин предлагал отделять либеральное народничество от революционного: «прикрашивание» реформы 1861 г.[8]

В отличие от революционных народников Воронцов утверждал: в результате реформы крестьяне получили какие-то демократические права, которые расширяли их возможности (следовательно, они существовали и раньше) влиять на «общее направление жизни». И совсем не в духе революционных народников он находит необходимым возблагодарить за это «власть», которая соблаговолила («нашла нужным») это сделать[9].

К 1893 г., когда уже позади остались контрреформы, казалось бы, стало ясно, каких крестьян и в какой степени допускало правительство к «заведованию уездным и губернским хозяйством», к заседаниям в судах присяжных, и тем не менее Воронцов возлагал на «новое начало», осененное «с высоты престола», большие надежды. Более того, он считал, что именно в этом направлении и открывается настоящее поле деятельности для народнической интеллигенции: просвещать народ, всячески помогать ему на новом поприще. Он приветствовал крестьян, представительствующих в земствах и судах присяжных, а также разночинцев-чиновников как нарождавшуюся новую общественную силу. «Несмотря на свою молодость, - писал он, - сила эта успела доказать, что ее недаром вызвали из забвения, и оправдала доверие власти»[10].

Г.В.Плеханов оставлял на полях многих книг из своей библиотеки пометы[11]. На полях книги Воронцова «Наши направления» он сделал немало помет. Напротив слов «оправдала доверие власти» он написал: «Власть и В.В.»[12] Восприятие государства, власти, юридико-политических учреждений как надклассовой силы было свойственно и многим революционным народникам. Но комплименты в адрес власти, апелляция к престолу с призывом сдержать наступление капитализма, помочь интеллигенции «тащить историю» в другом направлении - это было уже характерной чертой либерального народничества. И эта черта весьма заметно проступает во всех трудах Воронцова, в том числе и в книге «Наши направления», где он утверждал, что настоящим обладателем «богатства» в России являлось государство, а не привилегированные классы, что последние обязаны своей силой и влиянием только государству. Поэтому он считал, что демократическая интеллигенция при осуществлении своих практических требований «будет иметь успех, лишь насколько заинтересует в этих требованиях государство»[13]. Здесь Плеханов опять пометил на полях: «В.В. и правительство»[14]. Воронцов утверждал, что «оценка вопросов общественной жизни с точки зрения общей, государственной пользы» якобы «всегда составляла одну из главных задач интеллигенции», что для исполнения своей главной - просветительской - функции русской интеллигенции особой трибуны не требуется, «для этого достаточно деятельности печати». Он публично отрекался от метода «осуществления практических положений, требующего участия общественных, а не только умственных сил, которыми только и богата интеллигенция как таковая». Он заявлял, что прибегать к такому методу, т.е. к общественной борьбе, - «значит не только не понимать ни механизма прогресса, ни исторической роли интеллигенции, но и бесплодно растрачивать драгоценную силу, назначение которой - бороться с неустройствами жизни не путем физического насилия, а интеллектуальным влиянием мысли, вооруженной знанием»[15]. Ясно, что под «физическим насилием подразумевалась революция; поэтому на полях книги Воронцова напротив этого его выражения Плеханов написал: «Г.В.В. и революция»[16].

Следовательно, первая и основная функция интеллигенции, по Воронцову, культурно-просветительская - «распространение знаний и просветительных идей» в характерной для либерала последовательности: «сперва в среде привилегированного класса, а затем в массе населения». Вторая важная функция интеллигенции, по словам Воронцова, заключалась «в указании форм быта, отвечающих новым потребностям страны»[17].

Трактовка этой функции Воронцовым была полемически заострена против марксизма и - марксистов. Главные пункты обвинений марксистов - «безразборчивое перенимание чужих образцов», распространение скомпрометированных западноевропейских «форм быта», соответствующих «интересам буржуазии», игнорирование самобытности в развитии России.

Несмотря на заимствование у марксистов тезиса об отражении в деятельности интеллигенции интересов определенных классов, Воронцов оставался социологом-субъективистом. Он был убежден, что в развитии «форм быта» все зависит от позиции интеллигенции и правительства. Он напоминал: еще в прошлом народническая критика «доказывала, что с общефилософской точки зрения для России необязательно повторение форм, пройденных Европой, коль скоро (Плеханов написал на полях книги Воронцова с явной иронией: «Коль скоро?!»[18] - *Б.Б.*) в понятиях ее, интеллигенции, сложилось определенное представление о формах, более идеальных, и коль скоро в русской жизни наблюдается существование элементов ... могущих лучше служить прогрессивным целям исторического процесса, нежели принципы индивидуализма и нерегулируемой борьбы интересов, восторжествовавших на Западе»[19].

Поэтому Воронцов призывал «русскую интеллигенцию к построению самостоятельной схемы эволюции экономических отношений, соответствующей потребностям и условиям развития нашей страны», считая, что «такая работа, без сомнения, будет сделана в самом недалеком будущем»[20]. Отмечая, что русская «прогрессивная интеллигенция» в отличие от западной характеризуется «особенным демократизмом», «большим вниманием к нуждам народа», он рекомендовал ей быть «в интимнейшей связи с текущей действительностью», напоминал, что различные теории должны быть продуктом «столько же самой жизни, сколько и разума». Воронцов указывал, что интеллигенция «должна возможно осторожнее произносить суждение о предметах, затрагивающих отношения, выработанные народной жизнью для удовлетворения потребностей массы, которые не может защитить сам народ»[21].

Сверхзадача этой и многих других работ Воронцова - приостановить распространение влияния марксизма на русскую интеллигенцию. Для России эта теория, считал он, совершенно неприемлема, так как «не охватывает явлений земледельческой области»[22]. Он заявлял, что вопреки марксистской теории «земледельческий пролетариат» там, где он успел образоваться, якобы снова стремится «соединиться с землей». Он называл марксистскую теорию теорией «буржуазного строя», а социал-демократов - «течением буржуазно-демократическим» или «социал-буржуазией». Интеллигенция, которая «копирует» это западное учение, по его словам, действует так, как будто «народ по-прежнему остается несовершеннолетним и неполноправным членом общества». По мнению Воронцова, интеллигенция напрасно все еще теоретизирует на тему, что нужно дать народу, реформа давно устранила связывающие его путы, создала такие «перемены в чувствах и миросозерцании массы», которые превращают «прежнего раба в свободного гражданина»[23].

Вполне закономерно, что воронцовская модель народнических взглядов на роль интеллигенции беспрепятственно распространялась в подцензурной печати даже в пору реакции 80-х годов. Ее пропагандировали «почтенные», как их называет Плеханов, либеральные профессора с университетских кафедр, в заседаниях Вольного экономического общества. От нелегального журнала своего учителя П.Л.Лаврова «Вперед!» в период «действенного народничества» до либеральной профессорской науки в 90-е годы - таковой была эволюция Воронцова.

Считывая большую публицистическую и научную активность Воронцова, Плеханов уделил развенчанию его либерально-народнических концепций особое внимание, посвятив этой задаче большую работу «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.): Критический этюд», которая вышла легально в Петербурге в 1896 г. под псевдонимом «А.Волгин». Несколько иную концепцию роли интеллигенции в обществе выражал другой теоретик либерального народничества - И.И.Каблиц, выступавший в печати под псевдонимом «Юзов». Как и Воронцов, он претендовал на единственно правильное изложение народнической доктрины[24].

Выступление Каблица в роли истолкователя подлинного народничества, очищенного будто бы им от всяческих зловредных искажений, была встречена в народнической печати в штыки: его самого обвиняли в неверности учению. Между тем основа доктрины Каблица оставалась такой же, как и Воронцова, как и многих его оппонентов - либерально-народнической. В ней отчетливо выступали те же черты: «...это - прежде всего отказ от мысли поднять народ на революцию или осуществить ее силами одной интеллигенции; провозглашение необходимости неотложной помощи народу со стороны интеллигенции и правительства; пропаганда общинных и артельных форм хозяйствования»[25]. Показательны, например, размышления Каблица о якобинской диктатуре как предостережение всем, кто жаждет революционного переустройства общества: «Во имя свободы горсть энергичных, страстных, способных на самопожертвование людей стала господствовать над массою народонаселения; казнями и тюрьмами грозили всем, кто иначе понимал принципы свободы, нежели фанатики бюрократического насаждения принципов вольности»[26]. Результаты, по Каблицу, оказались более чем печальными: «Полное господство якобинцев над обществом приучало это последнее не к свободе, а к подчинению бюрократическому произволу»[27].

А вот программа для той интеллигенции, которую) представляет Каблиц: она многое могла бы сделать в плане «умственного и нравственного влияния» на народ, «лучшая часть интеллигенции могла бы многому научить крестьянина»[28]. Только это влияние не должно быть насильственным. Государство у Каблица - категория надклассовая; поэтому он считал возможным обратиться к правительству с целым рядом рекомендаций. Так выражалась традиционная вера либеральных народников, что государство, т.е. правительство, если прислушается к голосу самой передовой интеллигенции, приостановит развитие капитализма и «потащит» историю по другому пути.

Каблиц был типичным «самобытником». По его мнению, стремление к самоуправлению - исконная черта русского народа. Через призму традиционной тяги народа к самоуправлению присматривался Каблиц и к новому сословию - рабочему. Он считал, что не грех серьезно отнестись к тем формам самоорганизации рабочего сословия, которые сложились в его экономической борьбе с капитализмом на Западе. И опять - назидание государству: «Если само государство не возьмет на себя инициативу организации рабочего сословия, то ведь нельзя сомневаться, что в конце концов это сословие само будет делать попытки создать эту организацию; встретив же препятствие со стороны государства или хозяев, оно начнет организовываться втайне, как это и было в Англии»[29]. Такую перспективу Каблиц считал нежелательной.

Следовательно, в системе взглядов Каблица вообще и на интеллигенцию в частности наблюдались все основные постулаты либерального народничества. Оригинальным, чисто «юзовским» было откровенно враждебное отношение к основной массе интеллигенции вообще - и к буржуазной, и демократической, и социалистической. Жаловал он только самую небольшую часть интеллигенции - подлинно народническую (в том понимании народничества, как его трактовал он сам). Это не та интеллигенция, которая демагогически выступает как выразительница «интересов» народа, преследуя при этом свои корыстные политические интересы, а та, которая внимательно изучает, а затем выражает «мнения» народа, воздействуя на него умственным и нравственным способом, не стремясь к политическому господству над ним. Отсюда - задача номер один: «"Лучшая" часть интеллигенции должна помочь крестьянам избавиться от вредного влияния самой интеллигенции - это первое и самое важное ее дело»[30].

Отмечая, что единственным признаком интеллигенции является умственный труд, Каблиц хорошо видел весь спектр социальных групп, составлявших интеллигенцию. Он включал сюда литераторов, ученых, врачей, инженеров и техников, учителей, лиц духовного звания, военных, чиновников, «проповедников всякого рода идей». Главную социальную опасность он усматривал в деятельности тех псевдонародолюбивых «проповедников», которые представляли собой по существу «интеллигентных бюрократов, требующих вооружения интеллигенции бюрократической палкой, без помощи которой, по их мнению, прогресс будет двигаться чересчур медленно»[31].

Такие интеллигенты-«народолюбцы», по мнению Каблица, ничем не отличались от обыкновенных бюрократов. Разница лишь в том, что бюрократы делают это «просто в силу власти», а интеллигенты-«народолюбцы», прикрываясь «знаменем науки и прогресса»[32]. По этому признаку Каблиц нашел возможным объединить фальшивых народолюбцев и с консервативными и с буржуазно-либеральными интеллигентами в одну группу «просвещенных бюрократов», так как «все они относятся презрительно к "мнению" народа и берут под свое покровительство только его "интересы"»[33].

В образе русской интеллигенции (разумеется, исключая подлинных народолюбцев) Каблиц готов признать проявление своего рода отрицательной самобытности: русский интеллигент с давних времен страдает бюрократическими наклонностями. Когда все у него идет хорошо, он может «горячо и умело» защищать принципы самоуправления, «а случится что-нибудь, затрагивающее его за живое, и он инстинктивно хватается за привычное, унаследованное от отцов средство - бюрократизм»[34].

Случись, что «прогрессивная», т.е. либеральная, интеллигенция достигнет желаемых пределов власти, произойдет, по Каблицу, всего только замена одной бюрократии другой, более интеллигентной: «...общество и народ будут повиноваться, а интеллигенция под знаменем науки - командовать»[35]. Ничуть не лучше дело будет обстоять при достижении власти социалистической интеллигенцией. Уже добиваясь ее, эта интеллигенция действует бюрократическими методами, уподобляясь в этом консерваторам. Консерваторы, например, нуждаются в урядниках как в необходимом институте управления, а некоторые социалисты считают необходимым «организовать нечто вроде социалистических урядников, которые бы силою внушали народу, как ему жить, чтобы быть счастливым»[36]. В этом отношении, утверждал Каблиц, П.Л.Лавров ничуть не лучше М.Н.Каткова. «Разница только та, что г.Катков желает насадить на русской почве посредством урядника такие учреждения, какие измыслил он, г.Катков, а г.Лавров, изо всех сил стараясь этому помешать, утверждает, что урядник должен насаждать учреждения, которые считает наилучшими он, г.Лавров»[37].

Полное несогласие выражал Каблиц Н.К.Михайловскому, который стал иронизировать над категорией «мнение народа» и напомнил, что народ до сих пор думает, что земля держится на трех китах. «Почтенный, но несколько легкомысленный публицист», - замечал Каблиц, - забывает при этом, что Моисеи, Соломоны, Ликурги, Гракхи и т.п. люди тоже никакого понятия не имели о положении Земли в мировом пространстве, но их мысли «до сих пор останавливают на себе наше внимание»[38]. Нельзя выступать за расширение прерогатив суда присяжных, как это делает Михайловский, и одновременно третировать мнение народа, писал Каблиц: ведь в суде присяжных «мужик» тоже представлен со своим мнением. **Что касается образованности интеллигенции, то она «не ведет за собою непременно и нравственного развития»[39]. Не только в крестьянских избах, но и в среде интеллигенции бытует и пьянство, и знахарство, и расправа мужей с женами и родителей с детьми. Так что в ответ на обвинения в темноте и грубости народ, по словам Каблица, вправе сказать интеллигенции-врачу: исцелися сам!**

В своей народнической «нелегальной» юности Каблиц, как известно, исповедовал бакунизм. Вероятно все, что осталось у него от бакунизма в период легальной деятельности, - это ненависть к бюрократии и симпатии к народному самоуправлению. Бунтарский дух совершенно выветрился, забылись «Мысли революционера»- собственная рукописная книга, переходившая в 70-х годах из кружка в кружок, в которой он доказывал, что поскольку бунты воспитывают в народе чувство протеста, то они более эффективно, чем пропаганда, готовят его к социальной революции. Не без самоиронии Г.В.Плеханов вспоминал позднее в работе «О социальной демократии в России»: «Народники (общество “Земля и воля") подсмеивались над этой брошюрой, автор которой никогда не считался дельным революционером. Но это не мешало им видеть в бунтах лучшее воспитательное средство для народной массы»[40].

Ненависть к бюрократии в либерально-народнической доктрине Каблица приняла другую направленность - с государства перешла на интеллигенцию. Правительству этот поворот, конечно, импонировал. В конце жизни Каблиц трудился скромным чиновником Министерства государственного контроля.

В антимарксистских походах либеральных народников Каблиц активного участия не принял (он умер в августе 1893 г. на 45-м году жизни), хотя неприятие им марксизма логично вытекает из всего, что им было написано в «Основах народничества» и отмечалось некоторыми современниками в его устных выступлениях. Н.С.Русанов вспоминал, с каким азартом выступал Каблиц на диспутах против марксистов в Женеве[41].

В отличие от Воронцова и Каблица Н.К.Михайловский не отозвался на «проблему интеллигенции» научным трудом. И дело не только в том, что он считал себя лишь публицистом и выражал свои воззрения в журнальных публикациях. Для него эта проблема представлялась давно решенной в таких формулах, как «борьба за индивидуальность», «герои и толпа», «долг интеллигенции народу». Он не видел оснований для пересмотра этих формул так же, как и в силу своего мировоззрения не мог бы согласиться с утверждением, что ушел в прошлое тот этап освободительного движения, в котором разночинец-интеллигент был главным действующим лицом. Михайловский не воспринимал «проблему интеллигенции» как проблему конца разночинского этапа освободительной борьбы - так ее могли воспринимать только марксисты. Он объяснял ее возникновение как социолог-субъективист - упадком мысли, отходом нового поколения демократической интеллигенции от идейного «наследства отцов».

Поэтому ему казалось, что стоит воскресить «наследство», изобличить тех, кто его забыл или исказил, и «проблема интеллигенции» будет снята с повестки дня. Стоит пустить в ход забытые социологические категории, и марксизм как временное новомодное увлечение молодежи быстро сойдет со сцены. Именно с такой установкой и выступал Михайловский по «проблеме интеллигенции» на данном этапе. Выступал не часто, от случая к случаю, когда появлялся полемический повод. Прежде всего, говорил он, ему «совершенно неясны причины враждебного отношения народничества к "интеллигенции"»[42]. Такого общественного класса вообще нет, вполне справедливо замечал Михайловский. В России интеллигенция особенно немногочисленна, представляя собой всего лишь «горсть профессоров, студентов, ученых, литераторов и художников»! Другое дело - на Западе, но и там нападки имеют место «на представителей высших классов, но отнюдь не на "интеллигенцию" как таковую». Сразу бросается в глаза примечательная особенность «концепции интеллигенции» Михайловского: (он не включает в состав интеллигенции чиновников, служителей культа, армейских офицеров, инженеров и техников. Для него интеллигенция все та же, какой ее видели народники в 60-70-х годах: наиболее мыслящая часть общества. «Интеллигенция - это отвлеченный признак, объединяющий черты образованности и умственного труда в весьма различных общественных классах, - поясняет он и иронически добавляет:- враждебное отношение к этому общему признаку составляет характеристическую особенность русского народничества»[43].

Конечно, Михайловский имеет в виду прежде всего Каблица, его «концепцию интеллигенции», его протест против ее посягательства на выражение «интересов» народа при презрительном отношении к «мнениям» народа. Прочитав «Основы народничества», изобиловавшие неслыханными выпадами против него со стороны человека, выступающего от имени «лучшей части» народнической интеллигенции, Михайловский, несомненно, был потрясен. Его высказывания о книге в июньском номере «Русского богатства» за 1892 г. полны уничтожающего сарказма: «Есть книжка г.Юзова "Основы народничества". Это просто беспорядочный склад разного quasi-философского вздора, но с огромными претензиями, как видно уже из необыкновенной пышности заглавия»[44]. Более всего Михайловского задела попытка Каблица на основании статьи «Карл Маркс перед судом г.Жуковского» заключить, что Михайловский является одним «из многочисленных акушеров капитализма» и «одним из вреднейших марксистов». Обвинение было действительно нелепым, если вспомнить содержание статьи. Еще десять лет назад Михайловский писал: «...предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова - и, может быть,

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ России
М.: Наука, 1966
Е.С.Итенберг
В.П.Булдаков
Е.П.Будницкая
О.В.Муратова
Г.В.Мальчикова
О.В.Будницкий
Вл.И.Шахматов
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

русская буржуазия не съест русского народа, наложите на уста интеллигенции печать молчания - и народ будет, наверное, съеден»[45]. В октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 г. Михайловский снова возвращается к Каблицу, на этот раз в связи с выходом второго тома «Основ народничества». Большое внимание Михайловский уделяет «проблеме интеллигенции», как ее видит Каблиц, высмеивая обвинения его в адрес мнимых народолюбцев. «Если прибавить к этому, что из числа «интеллигентно-бюрократических народолюбцев» (ведь выдумает же человек этакое трехэтажное слово) г.Юзов с особенной яростью преследует меня, то получается замечательно комический эффект»[46]. Приняв почему-то почти все обвинения, высказанные Каблицем в адрес «интеллигентно-бюрократических народолюбцев» на свой счет, Михайловский не без обиды напоминает: «...я - писатель и только писатель, не имеющий в своем распоряжении никакого иного влияния, кроме "духовного", и то весьма ограниченного; никакой власти, никакой "палки" у меня в руках нет»; «ни в моих статьях, ни в статьях моих товарищей он (Каблиц. - *Б.Б.*) не может найти и следов какой-нибудь жажды "юридических привилегий" и права насильственного вторжения в народную жизнь»[47]. Он решительно отвергает попытку Каблица представить народ с его мирскими порядками сплошь альтруистичным (напоминает о «бабьих стонах» в деревне), а интеллигенцию - сплошь эгоистичной и безнравственной, и опять утверждает, что для правильного распределения «света и тени в народной жизни» необходимо опираться на идею выражения «интересов» народа.

В заметке «О народничестве г.В.В.», написанной несколько позже, Михайловский сообщал читателю, что Каблиц «на днях упокоился», но он, Михайловский, не раскаивается, что говорил о нем в таком резком тоне: «...я не для него писал, а для читателя, для неумирающего собирательного существа»[48]. Но все-таки чувствуя какое-то неудобство за допущенные полемические перехлесты в адрес покойного (заметим, что тираж книги Каблица был не более 1 тыс. экземпляров[49], а тираж «Русского богатства», следовательно, и антиюзовских статей Михайловского, - в несколько раз больше), Михайловский добавляет: «Но, он, покойник, он безоружен, притом из тех обезоруженных смертью, за которых едва ли вступятся сколько-нибудь громкие голоса. Мне хотелось бы поэтому помянуть его возможно добрым словом»[50]. Комплименты в адрес покойного Каблица дались Михайловскому непросто - он каждый раз сопровождал их оговорками отрицательного свойства. Теперь он оценивал положительно «основную тенденцию» сочинений Каблица, он считал, что он «загромоздил» ее «посторонними вещами и компрометировал». Не отказывая Каблицу в доле «хорошего общественного чувства», он отмечал, что чувство это было испорчено «самолюбивой претензией на "новое слово"».

Концепцию «интеллигенции» Воронцова Михайловский оценивал в более спокойном тоне, но не менее критически. И в труде Воронцова он усматривал элементы дискриминации интеллигенции, приравнивая в какой-то степени его позицию к позиции Каблица, отмечая, что оба они «на словах иногда открещиваются от этой враждебности (к интеллигенции. - *Б.Б.*), горячо доказывая, что их не поняли, оклеветали, но и за всем тем их отношение к интеллигенции остается не выясненным»[51].

Интересно заметить, что в критике позиции Воронцова Михайловский демонстрирует иногда черты былого революционного демократизма. На эти черты указывал В.И.Ленин в своей работе «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?». Э.С.Виленская в связи с этим справедливо подчеркивает, что при общей негативной оценке мировоззрения либеральных народников В.И.Ленин не исключал «выделение прогрессивных моментов в рассуждениях тех или других народнических публицистов даже в период самой острой борьбы с народничеством»[52].

Процитировав, видимо, сомнительное, с точки зрения Михайловского, утверждение Воронцова о том, что «наша интеллигенция совершенно ничтожна: у нее не силы, а силенки», Михайловский с явным осуждением позиции Воронцова сообщал: «Тем не менее, г.В.В. опасается ее. Некоторая часть нашей интеллигенции, по его словам, "вместо главной своей задачи - внесения света

просвещения в темные массы народа - думает о совершении еще каких-то прогрессивных подвигов исключительно силою культурного общества, хочет и впредь служить народу архаическим, сословным способом презентования сюрпризов"»[53].

С определенной поправкой воспринимал Михайловский рассуждения Воронцова об успешном противостоянии русской деревни натиску капитализма, о том, что своеобразная экономическая организация ее, т.е. поземельная община, обеспечивает крестьянину будто бы самостоятельное положение в производстве. В принципе это так, соглашался Михайловский, если принимать во внимание только «прогрессивные» явления в крестьянском хозяйстве. Но кроме «прогрессивных», есть и другие, отмечаемые «всеми добросовестными исследователями», а именно - то, «что крестьянское хозяйство уже в течение многих лет падает; что деревня раскалывается на два слоя, выделяя богатых кулаков, держащих под своей пятой остальное население деревни; что это последнее утрачивает "самостоятельное положение в производстве"»[54]. Все это подтверждается, напоминает Михайловский, и официальными статистическими данными. Именно это наблюдение так же, как и возражение Михайловского Воронцову об альтруизме в крестьянской общине, получило одобрительную оценку В.И.Ленина[55].

В своей книге «Наши направления» Воронцов не очень строго дифференцировал такие понятия, как «русская интеллигенция», «русское общество», «культурный слой», «привилегированные классы» и т.д. Это вносило определенную путаницу в его рассуждения о роли и предназначении интеллигенции. «Поставив все это за одну скобку, - замечает Михайловский, - г.В.В. попадает в круг весьма странных недоразумений»[56]. Здесь с Михайловским полностью солидарен Г.В.Плеханов. Читая книгу «Наши направления», он пишет на полях ее напротив одного из таких путаных рассуждений Воронцова: «Да у тебя о чем речь, о привилегированных классах или об интеллигенции?»[57]

Вряд ли можно не согласиться с Михайловским, когда он критикует Воронцова за определенную узость освещения «проблемы интеллигенции»; за то, что он не увидел «такой крупный элемент смуты, как толстовство», что ему нет дела «до проникающих к нам символистских и декадентских влияний, до возрождения мистицизма и метафизики и проч.»[58] Справедливы упреки Михайловского Воронцову за то, что в его книге не нашли никакого отражения последствия «голодного года» и «холерные беспорядки», которые вызвали широкие отклики в печати, породили «целую литературу».

Полную солидарность с Воронцовым, однако, Михайловский проявлял по вопросу об отношении к марксизму. Он решительно заявлял: «...я совершенно разделяю мнения г.В.В. на этот счет»[59]. Полемика Михайловского с марксистами имела своеобразный характер. Вопрос о роли интеллигенции в общественном движении прямо в этой полемике им не ставился, но его методологическая основа почти постоянно присутствовала: в виде критики сформулированных К.Марксом законов исторического развития (по Михайловскому - «категории необходимости»), игнорирования будто бы марксизмом роли личности в истории. Он противопоставлял этому «игнорированию» все ту же формулу «героев и толпы». Разъяснения русских марксистов в 90-х годах по поводу несостоятельности этой формулы Михайловским безапелляционно отвергались. «В действительной жизни, однако, герои и толпа существуют, герои ведут, толпа бредет за ними; и прекрасный этому пример представляют собой Маркс и марксисты»[60], - настаивал Михайловский.

В отличие от В.И.Ленина, который, беспощадно критикуя Михайловского как субъективного социолога, отвергая его либерально-народнические позиции в 90-х годах, отмечал и его «великую историческую заслугу» в освободительном движении (горячее сочувствие угнетенному положению крестьян, борьбу против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, сочувствие и уважение к подполью), Г.В.Плеханов и в последовательно марксистский период своей деятельности (1883-1903) и позже оценивал Михайловского однозначно негативно. Для него Михайловский всегда был и оставался представителем того «литературного упадка, который начался у нас ссылкой Чернышевского и продолжался... в семидесятых годах благодаря тому, что лучшие силы интеллигенции ушли у нас тогда уже не в

литературу, а в практическое движение»[61]. Это сказано в письме В.И.Ленину в начале 1901 г. в связи с 40-летием литературной деятельности Михайловского и повторено в 1909 г. в работе о Н.Г.Чернышевском добавлением, что в философии Михайловский «был настоящим карликом по сравнению с автором статьи "Антропологический принцип"»[62].

В 1897 г. В.И.Ленин в статье «К характеристике экономического романтизма» писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»[63]. Именно так подходил В.И.Ленин к оценке Михайловского. Но как раз примерно в это же время, в 1898 г., в работе «К вопросу о роли личности в истории» Плеханов продемонстрировал отвергнутый В.И.Лениным подход к оценке исторических деятелей. Вспомнив наделавшую в свое время шум статью Каблица в «Неделе» (1878 г., № 6, 7) «Ум и чувство как факторы прогресса» и критику ее Михайловским за то, что Каблиц главную роль отводил чувству в поступательном развитии человечества, а ум ставил «на запятки», Плеханов иронически заметил: «,,Почтенный социолог" был, разумеется, прав, защищая ум. Однако он был бы гораздо более прав, если бы, не касаясь сущности поднятого Каблицем вопроса, показал, до какой степени невозможна и непозволительна была самая постановка его... Обнаружив, в какие дебри абстракции завело Каблица стремление найти господствующий "фактор" в истории, "почтенный социолог", может быть, невзначай сделал бы кое-что и для критики самой теории факторов. Это было бы очень полезно всем нам в то время»[64] (курс.авт. - *Б.Б.*). В целом работа Плеханова сыграла важную роль в пропаганде марксистского взгляда на роль личности в истории, но в данном конкретном случае Плеханов не поднялся до высоты ленинской методологии истории.

Касаясь позиции Михайловского относительно «проблемы интеллигенции», Плеханов не просто раскрыл ошибочность этой порочной позиции, но и показал, что истоки ее коренятся в теории «герои и толпа», в той «точке зрения, при которой общество, "интеллигенция", является героем, демиургом нашего будущего исторического развития, а миллионы производителей - толпой, из которой герой будет лепить то, что считает нужным вылепить сообразно своим идеалам»[65].

Что касается самой «проблемы интеллигенции», то надо сказать: специально ее рассмотрению Плеханов не посвятил ни одного из своих фундаментальных трудов. И это понятно: только для либеральных народников эта проблема была коренной проблемой времени.

Уходил со сцены главный герой целого исторического этапа освободительного движения в России - разночинского. На этого «героя» - передовую, демократическую интеллигенцию - продолжали ориентироваться идеологи либерального народничества. Но с этим «героем» на исторической арене возникла «проблема» - он не оправдал пока возлагавшихся на него надежд. Более того, часть новой интеллигенции стала откровенно и усердно служить новому богу - золотому тельцу, а значительная часть «передовой» интеллигенции переживала идейный разброд и шатания мысли. Это зафиксировали все идеологи либерального народничества. Предоставим им слово. Воронцов: «...интеллигенция разбилась на множество фракций, враждебных друг другу, парализующих одна другую, благодаря чему истинно культурная часть общества не может иметь и тени того влияния, каким обладала интеллигенция эпохи реформ»[66]. Каблиц: «...хаотическое состояние общественной мысли, существующее у нас в настоящее время...»[67] Михайловский: «...понизился уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потускнели идеалы, выступили разочарования. Образовалась некая пустота, в которой иные превосходно устроились: кто, не мудрствуя лукаво, в винт засел, а кто метафизикой и мистицизмом занялся, кто чистым искусством, кто чистой наукой, изыскивая для пикантной приправы что-нибудь "новое"»[68]. Такое состояние интеллигенции, которую лидеры либерального народничества продолжали рассматривать как основной двигатель прогресса (как субъективные социологи они были едины), оценивалось ими как серьезная социальная проблема, проблема номер один.

Для Плеханова же такой проблемы не существовало, вернее не стало существовать, как только он перешел на позиции марксизма. Его размышления о «проблеме интеллигенции» носили эпизодический характер, а сам термин «интеллигенция» он употреблял чаще всего в кавычках. Столь «пренебрежительное» отношение его к интеллигенции (как определяли народнические публицисты) имело несомненно полемическую направленность. Оно проистекало из критики Плехановым с марксистских позиций субъективно-социологического преувеличения народниками вообще и либеральными народниками в частности роли интеллигенции в развитии человеческого общества и из отрицания им состоятельности попыток либеральных народников обосновать конкретные общественно-политические задачи интеллигенции на новом этапе освободительного движения.

Ироническое отношение Плеханова к либерально-народнической концепции роли интеллигенции в развитии общества с наибольшей полнотой выражено в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», имевшей подзаголовок «Ответ гг.Михайловскому, Карееву и комп.». Плеханов писал: «Были бы герои, толпа для них найдется, - говорят субъективисты, и эти герои - это мы, это субъективная интеллигенция. На это мы отвечаем: ваше противопоставление героев толпе есть простое самомнение и потому самообман. И вы останетесь простыми... говорунами до тех пор, пока не поймете, что для торжества ваших же идеалов надо устранить самую возможность такого противопоставления, надо разбудить в толпе героическое самосознание»[69]. Однако либеральные народники, по мнению Плеханова, были далеки от такого понимания исторического процесса; им казалось, как иронически отмечал Плеханов, что «достаточно просветить собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается»[70]. Намерения либерально-народнической интеллигенции сдвинуть Россию с капиталистического пути с помощью своих идеалов Плеханов высмеивал, приравнивая ее помыслы к сказочным действиям доброго молодца, который бежит из каменного острога с помощью лодочки, нарисованной им на стене камеры заранее припасенным угольком. Подобно этому герою, они говорят: «...мы посадим Россию в лодочку наших идеалов, и она уплывет с этого пути за тридевять земель, в тридесятое царство»[71].

Касаясь скорбных размышлений либерально-народнических лидеров по поводу непонятной для них теоретической разноголосицы и смуты в рядах интеллигенции, Плеханов видит причину этой смуты в несоответствии теоретических догм «старой» интеллигенции новому этапу в развитии производительных сил и производственных отношений: «Развитие экономической жизни ушло так далеко вперед, быт народа настолько революционизировался, что все понятия о нем интеллигенции, а следовательно, и все ее суждения о задачах своей собственной практической деятельности оказались несостоятельными. Экономическое развитие народа отразилось, между прочим, в виде духовного оскудения интеллигенции»[72]. В своих «Внутренних обозрениях», опубликованных в «Социал-демократе», Г.В.Плеханов настойчиво подчеркивает мысль о политическом банкротстве народнической интеллигенции, о теоретическом крушении ее взглядов, «которое в соединении с политическим поражением революционной партии сделало ее настоящим инвалидом»[73].

Явную переоценку своего значения, своих идеалов, свойственную представителям либерально-народнической интеллигенции, Плеханов объяснял ее необоснованной претензией на то место, которое занимала революционно-народническая интеллигенция ранее, на разночинском этапе освободительного движения. «Представьте себе, - писал он, - что по тем или иным причинам господствующие в среде интеллигенции идеи перестали соответствовать общественному состоянию России и что благодаря этому она сама перестала в них верить. Что будет представлять собою в таком случае русская интеллигенция? Ровно ничего. "Абсолютное бессилие" - таково будет ее новое имя... Именно в таком положении и находится в настоящее время русская интеллигенция»[74].

Плеханов категорически отверг попытку эмигрантского журнала «Свобода», именовавшего себя «политическим органом русской интеллигенции», изобразить русскую интеллигенцию самостоятельным «общественным классом»[75]. В отличие от народников, указывавших на внесословность, надклассовость интеллигенции для того, чтобы подчеркнуть ее руководящую роль в общественном развитии, Плеханов уже в своих ранних марксистских работах отмечал подчиненную роль интеллигенции по отношению к основным классам общества, отмечал ее преимущественно буржуазный характер. Он первым в русской марксистской печати выдвинул тезис, который многие либерально-народнические публицисты восприняли как личное оскорбление - о буржуазности народнических программ. Несмотря на субъективно-социалистический характер устремлений народников, писал Плеханов, несмотря на их мечты о всеобщем счастье, о благе народа, о равенстве и т.п., несмотря на то, что их идеалы кажутся далекими от буржуазного миросозерцания, их деятельность объективно подготавливает господство той самой буржуазии, которую они всячески поносят. «В действительности наше народничество было лишь особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма, т.е. того учения, которое под видом защиты интересов народа защищает исключительно только интересы мелкой городской и сельской буржуазии. И если бы когда-нибудь по щучьему велению воплотилась в жизнь программа наших народников, то это вызвало бы небывалый расцвет мелкой буржуазии, окончательно подорвало бы подлежавшие спасению "устои", а затем путем борьбы в рядах мелкой буржуазии привело бы к торжеству того самого крупного капитала, от ужасов которого наша интеллигенция искала спасения в теоретических болотах народничества»[76].

Из сказанного можно вывести некую закономерность в отношении Г.В.Плеханова к либерально-народнической «проблеме интеллигенции». Во-первых, он не разменивается на полемику отдельно с каждым интерпретатором этой проблемы - Михайловским, Каблицем, Воронцовым и т.д., а выступает против их общей платформы в подходе к этой проблеме. Во-вторых, для него этой «проблемы» не существует вообще, ибо он не считает в отличие от либерально-народнических лидеров, что будущее русского освободительного движения зависит всецело от позиции или поведения интеллигенции. В-третьих, исходя из марксистского, социально-классового анализа роли и сущности интеллигенции он квалифицирует народническую интеллигенцию как мелкобуржуазную.

Острой, беспощадной критике подвергал Плеханов призыв либеральных народников, обращенный к интеллигенции (а также и к правительству) «не пущать» капитализм. В работе «Наши разногласия» Плеханов разъяснял: авторы этого призыва рассуждали «самым примитивным образом», когда доказывали, что помешать развитию капитализма - значит повредить интересам предпринимателей и принести пользу рабочим, так как интересы рабочих противоположны интересам предпринимателей. Он приглашал авторов этого призыва проникнуться диалектическим взглядом на историю, понять, что «капитализм противоположен не только следующему за ним, но и предыдущему звену в цепи исторического развития, что он ведет борьбу не только с революционными попытками пролетариата, но также и с реакционными стремлениями дворянства и мелкого мещанства», что нельзя «сочувствовать тем поражениям капитализма, которые могут быть выгодны одним только реакционера м», что необходимо «поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его с рабочей революцией будущего»[77].

Призыв либеральных народников к русской интеллигенции отстаивать крестьянскую общину Плеханов объяснял исторической слепотой. «И подлинно слепота! - с возмущением писал он. - Рваться вперед и в то же время защищать отжившую свой век старину! Желать добра народу и в то же время отстаивать учреждения, способные только увековечить его рабство!»[78] Развитие товарного производства все более подрывает старый общинный принцип, отмечал Плеханов, и убедительно доказывал это в целом ряде своих работ. Этот процесс необратим. Остановить его - не под силу интеллигенции: «Разлагающаяся община остается сама по себе, ее интеллигентные печальники - сами по себе»[79]. Не спасут общину от разложения ни крестьянский банк, ни ссудосберегательные кассы для крестьян, к созданию которых призывала либерально-народническая интеллигенция правительство. Крестьянский банк, отмечает Плеханов, «как будто нарочно придуман для разложения "устоев"»[80].

С неизменным сарказмом относился Плеханов к призывам либерально-народнических лидеров к интеллигенции «осесть на земле», создавать в деревне свои артели и скиты, очаги культуры. Он напоминал, что «в современной русской действительности существуют не только "интеллигенты", стремящиеся "сесть на землю", но также и различные полицейские чины, относящиеся к этому стремлению весьма неодобрительно»[81]. Даже поселение одного интеллигента в деревне, эдакого «культурного одиночки», вызывает настороженность властей, служит поводом для визитов полицейских чинов в эту деревню. В этих условиях культурническая деятельность интеллигентов в деревне носит весьма ограниченный характер: «Иногда им удается преподать своим слушателям некоторые элементарные сведения по естествознанию, истории и географии, но они не дерзают затронуть перед ними важнейший вопрос Народного образования, не решаются указать на царя и на царских опричников как на сильнейшее теперь препятствие этому образованию»[82]. Сарказм Плеханова по поводу «земледельческих поползновений» либерально-народнической интеллигенции приобретает совершенно уничтожающую силу, когда он говорит далее, что правительство, вместо того чтобы запрещать эти поползновения, в своих же интересах должно было бы их всячески поощрять. В самом деле: «Целые десятки лет оно безуспешно билось над усмирением "интеллигентного" человека, надевало на него намордник, ссылало его в места "не столь", а иногда весьма отдаленные, судило и даже вешало его, и вдруг - какое счастье - интеллигентный человек забывает все свои "книжные разглагольствования", удаляется "под сень струй", садит капусту и "думает об утке". Прощайте, проклятые вопросы! Конец всевозможным "беспорядкам"! Крамола умирает от малокровия, а в департаменте государственной полиции водворяется мир и к человекам благоволение! Можно ли придумать что-либо более гибельное для общественного развития России?»[83]

Полемизируя с либерально-народническими идеологами по «проблеме интеллигенции», Плеханов постоянно показывал диаметральную противоположность их субъективных устремлений, их программных установок и тех результатов, которые порождаются этими устремлениями и установками. В конце концов это позволило ему сделать вывод, выраженный в афористической и саркастической форме: «Русский народник - это тот человек, который, идя в одну комнату, к величайшему своему изумлению, неизбежно и неизменно попадает в другую»[84]. И это было вполне закономерно для народнической интеллигенции, считал он, ибо она как социальный слой не понимала своей буржуазно-демократической сущности, «еще не успела познать самое себя, не сумела выяснить себе свою собственную родословную»[85]. Или, как отметил позже В.И.Ленин (в 1905 г. в статье «От народничества к марксизму»), у народнической интеллигенции наблюдалось «непонимание ею своей природы»[86].

Плеханов не раз указывал на малочисленность интеллигенции, на ее политическую разобщенность, на се политическое бессилие. На рубеже двух веков на 125 млн российского населения люди интеллигентного труда составляли около 726 тыс. (т.е. меньше 0,6%), причем наибольшая часть из них была занята в аппарате государственного и частного управления (368441 человек) и в области науки, искусства, просвещения и здравоохранения (262654 человека)[87]. Именно среди работников второй категории и имели наибольшее распространение народнические идеи; на эту категорию в целом и рассчитывали либерально-народнические публицисты. Что могла сделать в борьбе с самодержавным строем эта незначительная прослойка, которая, по замечанию Плеханова, «никогда не имела ни экономической, ни материальной силы»[88]. Ответ однозначен. Со всей определенностью и категоричностью он прозвучал в речи Плеханова на Международном социалистическом конгрессе в 1889 г.: «Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достаточны для борьбы против царей как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом как политической системой»[89].

Плеханов хорошо понимал, что по мере развития капитализма будет происходить количественный рост интеллигенции, но он был твердо убежден, что социально-политическая роль интеллигенции в освободительном движении от этого не изменится. «Она проникнется тогда сознательно-буржуазными теориями, которые и заменят нынешнее бессознательно-буржуазное народничество»[90]. Это было написано в 1890 г. Последующее развитие событий в основном подтвердило этот прогноз Плеханова. А.В.Луначарский в своей речи «Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем», произнесенной в марте 1924 г., свидетельствовал: «Капитал создал в России зажиточную интеллигенцию; это относится главным образом к 90-м годам. Это период, когда появилась у нас массовая зажиточная интеллигенция: хорошо стачиваемый инженер, богатый врач, богатый адвокат с большим заработком, большая газета, богато поставленный журнал, меценатствующий купец, создавший новый театр, покровительствовавший художникам кисти и пера, и т.д.»[91] Впоследствии, в начале XX в., эта интеллигенция создала свою крупную «конституционно-демократическую» буржуазную партию -«сознательно» буржуазную. Правда, «бессознательно буржуазное» народничество продолжало существовать в виде партий эсеров и народных социалистов вплоть до победы Октября.

Это объяснялось тем, что трудно было предвидеть в 1890 г., - неразрешенностыо аграрного вопроса в России[92].

Критика ограниченных политических потенций интеллигенции была широко распространена в марксистской литературе. Спустя 15 лет В.И.Ленин писал то же самое: интеллигенция «не есть самостоятельный экономический класс и не представляет поэтому никакой самостоятельной политической силы»[93], и большинство ее принадлежит к своекорыстной ораве «карьеристов и наемников буржуазии»[94].

Непризнание за интеллигенцией самостоятельной политической силы не означало, однако, что марксизм не признавал в интеллигенции какой-либо политической силы вообще. Эта сила, пояснял Плеханов в 1890 г., заключается в ее идеях, но лишь в том случае, когда эти идеи соответствуют запросам общественного развития страны. Так, русская интеллигенция, отмечал он, «являлась весьма значительной общественной силой, пока ее идеи хоть немного соответствовали общественному состоянию России»[95]. Теперь же идеи демократической, народнической интеллигенции перестали соответствовать состоянию России и потому являются причиной слабости этой интеллигенции как политической силы. Они ориентируются на социализм, но при этом главным созидателем социализма выставляют самое интеллигенцию, в то время как на политической арене появился его подлинный созидатель - рабочий класс. Они опираются на устаревшие, обветшалые псевдосоциалистические народнические теоретические догмы, в то время как рядом с ними уже широко распространяются идеи подлинного, научного социализма. Такова была логика размышлений Плеханова над либерально-народнической «проблемой интеллигенции». И отсюда - его решительный вывод: «Движение, ограниченное тесными пределами интеллигенции, ни в коем случае не может быть названо социалистическим. Оно способно служить только преддверием и предвестием настоящего социалистического движения, т.е. движения рабочих»[96].

Этот вывод повлек за собой постановку перед интеллигенцией конкретной задачи, которую Плеханов неустанно пропагандировал среди своих читателей на протяжении 80-90-х годов. В 1883 г. в объявлении «Об издании "Библиотеки современного социализма"» он призывал революционную интеллигенцию «усвоить современное социалистическое миросозерцание, отказавшись от несогласимых с ним старых традиций», убеждал ее заняться «подготовлением русского рабочего класса к сознательному участию в политической жизни страны»[97]. В том же году в работе «Социализм и политическая борьба» он писал, что русская социалистическая интеллигенция «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России». Он утверждал, что революционное движение в России много выиграет, «если русские народники и народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами»[98].

В 1885 г. в работе «Наши разногласия» Плеханов многократно возвращался к разъяснению этой задачи, призывая интеллигенцию «проникаться истинно-социалистическими взглядами», убеждая ее в том, что лишь создание рабочей партии поможет ей преодолеть «теоретическое и практическое бессилие»[99]. В «Библиографических заметках», опубликованных в сборнике «Социал-демократ» в 1888 г., он призывает интеллигенцию «примкнуть к рабочему классу (это класс в настоящем смысле слова), в среде которого нашего образованного разночинца ожидает в высшей степени плодотворная роль»[100]. В 1889 г. в брошюре «Новый защитник самодержавия, или горе г.Тихомирова» Плеханов еще раз говорит о плодотворности обращения к рабочему классу: «Идя в рабочую среду, неся науку к работникам, пробуждая классовое сознание пролетариев, наши революционеры из "интеллигенции" могут стать могучим фактором общественного развития... Именно в среде пролетариата русские революционеры найдут себе ту "народную" поддержку, которой у них не было до последнего времени»[101]. В упоминавшейся уже речи на Международном социалистическом конгрессе, состоявшемся в том же году, он произнес свои пророческие слова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих»[102].

Нет никакого сомнения, что призыв Плеханова был обращен не только к новому поколению революционной молодежи, выбиравшему свой путь в освободительной борьбе, но и к бывшим единомышленникам, ко всей народнической интеллигенции самых различных направлений. Но и тут он не видел никакой проблемы. Он был твердо убежден, что если интеллигенция не сделает выбор в пользу марксизма, то рабочий класс сможет воспитать в своих рядах новую, «рабочую» интеллигенцию, и она успешно выполнит возложенную на нее историей миссию. В результате образования рабочей интеллигенции, отмечал Плеханов, исчезнет «пропасть, издавна существовавшая между людьми мысли и людьми физического труда, -потому что эти люди сами начинают мыслить; сами становятся интеллигентными, чем прекращается неизбежная в свое время, но крайне непривлекательная монополия интеллигентности»[103].

В этих суждениях, несомненно, присутствовал элемент чрезмерной полемической заостренности и содержался зародыш будущего столкновения Плеханова с Лениным по поводу ленинского положения о том, что рабочее движение самостоятельно выработать в себе научное, марксистское миросозерцание не может, что стихийно оно влечется к тред-юнионизму, что поэтому необходимо «внесение» социализма в рабочее движение социал-демократической интеллигенцией[104]. Это произошло после раскола в редакции «Искры» и перехода Плеханова на позиции меньшевизма. Тогда он заявил, что был не согласен с этими положениями В.И.Ленина сразу после выхода в свет работы «Что делать?», где они были высказаны. Плеханов на этот раз сблизился с экономистами, с которыми раньше полемизировал и которые, как известно, выступали противниками «всякой нерабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция)»[105]. Плеханов обвинял В.И.Ленина в том, что он якобы отходит от марксизма, исходя из первичности общественного сознания, а не общественного бытия[106]. «Г.В.Плеханов даже утверждал, что в работе , "Что делать?" было дано "новое издание теории "героев и толпы"»[107]. Вспоминая впоследствии об этом эпизоде, Р.М.Плеханова поставила в заслугу Г.В.Плеханову его несогласие с В.И.Лениным по данному вопросу. Она аргументировала это следующим образом: «В течение своей 20-летней деятельности в рабочей среде он хорошо ознакомился с их политическим сознанием и находил, что политическое освобождение их должно быть делом их собственных рук в союзе с социалистической интеллигенцией и что их место не в хвосте, а во главе ее»[108]. Сам Плеханов, стараясь подчеркнуть первичность общественного бытия в своем формировании, заявлял, что своим переходом от народничества к марксизму он обязан «стихийному росту рабочего движения»[109].

Подведем итог: «проблема интеллигенции», обостренно обсуждавшаяся на страницах русской печати в конце XIX в., была проблемой прежде всего для либерального народничества. Для него это была проблема главной движущей силы в истории, лидера в освободительном движении. Г.В.Плеханов исходил из того, что если на предыдущем, разночинском этапе освободительной борьбы вопрос о главенствующем положении передовой революционно-демократической интеллигенции в освободительном движении был в определенном смысле оправданным, то по мере перехода к новому, пролетарскому этапу он становился все более архаическим и что это придавало либерально-народнической «концепции интеллигенции» ложный характер. Он игнорировал разногласия среди лидеров либерального народничества в трактовке «проблемы интеллигенции», очевидно, не считая их существенными. Действительно, по отношению к капитализму (стремление задержать его развитие), к государству (желание сотрудничать с ним в этих усилиях), к поземельной общине и кустарным промыслам (призывы укреплять их как предпосылку будущего социально-экономического устройства России), к народу (служение ему как целостной трудовой массе, не разделенной на классы), по враждебному отношению к марксизму - по всем этим главным параметрам либерально-народнические «концепция интеллигенции» почти не отличались друг от друга. Именно по этим основным позициям и противопоставил Г.В.Плеханов свою, марксистскую «концепцию интеллигенции» либерально-народнической. Он полагал, что вопрос о роли интеллигенции в освободительном движении не является проблемой первостепенной важности для начинающегося рабочего движения в России. В позиции Г.В.Плеханова содержались элементы полемической передержки по этому вопросу, которые затем были скорректированы в работе В.И.Ленина «Что делать?». Несколько пренебрежительное, нигилистическое отношение к интеллигенции, от которого сам Г.В.Плеханов позднее в значительной степени избавился, у некоторых марксистов-учеников приобрело, к сожалению, стойкий характер и после Октября 1917 года имело драматические последствия.

1 См.: Денисенко Ф. Роль интеллигенции. Одесса, 1884; Каблиц И.И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886; Папин А.А. Одна из задач русской интеллигенции. Псков, 1887; Пругавин А.С. Запросы на рода и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890; и др. См. также некоторые произведения А.М.Горького («Мой спутник»), А.П.Чехова («Моя жизнь», «Скучная история»), В.Г.Короленко («Чудная»), В.В.Вересаева («Без дороги», «Поветрие»), И..Потапенко («Негерой»), Е.И.Чирикова («Инвалиды»), П.Д.Боборыкина («По-другому», «Куда идти?»).

2 Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С.4.

3 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.2. С.529.

4 См.: Козьмин Б.П. «Народники» и «народничество» // Вопр. литературы. 1957. № 9.

5 Воронцов В. Л. Наши направления. СПб., 1893. С.3.

6 Там же. С. 25—27, 28.

7 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.12. С.40.

8 Там же. Т.20. С.164-165.

9 Воронцов В.П. Указ.соч. С. 6.

10 Там же. С.94.

11 См. подробнее: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. С.104.

12 ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Дом Плеханова, Библиотека Г.В.Плеханова. А 1253. С.94.

13 Воронцов В.П. Указ.соч. С.108.

14 ГПБ. Библиотека Г.В.Плеханова. А 1253. С.108.

15 Воронцов В.П. Указ.соч. С.108.

16 ГПБ. Библиотека Г.В.Плеханова, А 1253. С.108.

17 Воронцов В. П. Указ.соч. С. 111.

18 ГПБ. Библиотека Г.В.Плеханова, А 1253. С.111.

19 Воронцов В.П. Указ.соч. С.90—91.

20 Там же. С.114.

21 Там же. С.156.

22 Там же. С.113.

23 Там же. С.95.

24 Каблиц И.И. Указ.соч.; Основы народничества. СПб., 1888. Т.1; 1893. Т.2.

25 Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70—80 годов // Вестн. МГУ. Сер.8, История. 1980. № 4. С.50.

26 Каблиц И.И. Указ.соч. С.66.

27 Там же. С.67.

28 Там же. С.64.

29 Там же. С.118.

30 Там же. С.128.

31 Там же. С.73.

32 Там же. С.48.

33 Там же. С.58.

34 Там же. С. 53.

35 Там же. С.55.

36 Там же. С.57.

37 Там же.

38 Там же. С.38.

39 Там же. С.75.

40 Плеханов Г.В. Соч.: В 24 т. 2-е изд. М., 1923 (ст.1—3, 11 даны по 3-му изд.). Т.9. С.16.

41 Русанов Н.С. На родине, 1859-1882. М., 1931. С.145-146.

42 Михайловский Н.К. Полн.собр.соч. СПб., 1909. Т.VII. Стб.680.

43 Там же.

44 Там же. Стб.338.

45 Там же. СПб., 1908. Т.V. Стб.514-515.

46 Там же. Т.VII. Стб. 625.

47 Там же. Стб.640.

48 Там же. Стб.669.

49 Харламов В.И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х — начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С.22.

50 Михайловский Н.К. Полн.собр.соч. Т.VII. Стб.609. Вероятно, Михайловский прочитал небольшие репортерские заметки о похоронах Каблица, появившиеся в некоторых газетах. М.О.Меньшиков, например, сообщал, что за гробом шла «тощая кучка человек в пятнадцать—двадцать», что «братьев-литераторов» было двое-трое, копавшие могилу «мужики» — представители того самого народа, которого «до самозабвения любил Каблиц», не смогли ответить на вопрос, кого они хоронят (Меньшиков М. О. Народные заступники. СПб., 1900. С.1—2).

51 Михайловский Н.К. Полн.собр.соч. Т.VII. Стб.680.

52 Виленская Э.С. Н.К.Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С.290.

53 Михайловский Н.К. Полн.собр.соч. Т.VII. Стб.682.

54 Там же. Стб. 683.

55 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.1. С.272.

56 Михайловский Н.К. Полн.собр.соч. Т.VII. Стб.681.

57 ГПВ. Библиотека Г.В. Плеханова, А 1253. С.67.

58 Михайловский Н.К. Полн.собр.соч. Т.VII. Стб.656.

59 Там же. Стб. 683.

60 Там же. Стб. 746.

61 Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова: В 3 т. М., 1973. Т.1. С.112.

62 Плеханов Г.В. Соч. Т.5. С.248.

63 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.2. С.178.

64 Плеханов Г.В. Соч. Т.8. С.300.

65 Там же. Т.7. С.320.

66 Воронцов В.П. Указ.соч. С.104.

67 Каблиц И.И. Указ.соч. С.145.

68 Михайловский Н.К. Полн.собр.соч. Т.VII. Стб.756.

69 Плеханов Г.В. Соч. Т.7. С.246.

70 Там же.

71 Там же. С.265.

72 Там же. Т.3. С.260.

73 Там же. С.259.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М.: Наука, 1990
Б.С.Итенберг
Б.П.Балуев
Е.Л.Рудницкая
С.В.Мироненко
Т.В.Мальчикова
О.В.Будницкий
Б.М. Шахматов
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

74 Там же, С.249.
75 Там же. Т.4. С.269—270.
76 Там же. Т.3. С.253.
77 Там же. Т.2. С.340-341.
78 Там же. Т.10. С.109.
79 Там же. Т.2. С.347.
80 Там же. Т.3. С.253.
81 Там же. Т.10. С.42.
82 Там же. Т.12. С.94-95.
83 Там же. Т.10. С.44.
84 Там же. Т.3. С.253.
85 Там же. С.251.
86 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.197.
87 Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С.12.
88 Плеханов Г.В. Соч. Т.3. С.249.
80 Там же. Т.4. С.54.
90 Там же. Т.3. С.265.
91 Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924. С.55—56.
92 См.: Щетинина Г.И. Ленин о русской интеллигенции // В.И.Ленин о социальном строе и политической структуре капиталистической России. М., 1970. С.149.
93 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.14. С.191.
94 Там же. Т.1. С.305.
95 Плеханов Г.В. Соч. Т.3. С.249.
98 Там же. С.95.
97 Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883—1909. М., 1984. С.32, 33.
98 Плеханов Г.В. Соч. Т.2. С.71, 84.
99 Там же. С.342, 347.
100 Там же. Т.4. С.270.
101 Там же. Т.3. С.79.
102 Там же. Т.4. С.54. Эту же мысль в разных контекстах развивал он затем в 1890 г. во «Внутреннем обозрении» (Соч. Т.3. С.265) и в «Иностранном обозрении» «Социал-демократа» (Соч. Т.4. С.70), в статье «1 мая 1890 года» (Соч. Т.4. С.139—140), в 1892 г. в статье «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (Соч. Т.3. С.403), в 1894 г. в «Предисловии к брошюре "Ф.Энгельс о России"» (Соч. Т.9. С.32), в 1896 г. в статье «В защиту экономического материализма (Открытое письмо к В.А.Гольцеву)» (Соч. Т.8. С.213).
103 Плеханов Г.В. Соч. Т.10. С.132.
104 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.6. С.30—31.
105 Там же. С.37.
106 Плеханов Г.В. Соч. Т.13., С.121.
107 Литературный процесс и русская журналистика конца XIX —начала XX века, 1890—1904. М., 1981. С.23.
108 Плеханова Р.М. Моя жизнь. Париж // Архив Дома Плеханова. Ф.1094. д.7. Л.419.
109 Плеханов Г.В. Соч. Т.13. С.118.

Елена Львовна РУДНИЦКАЯ

«ОБЩЕСТВО НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ» и его РУССКИЕ СВЯЗИ (кружок П.Г.Заичневского)

Едва ли в русском революционном движении есть более загадочный сюжет, чем «Общество Народного Освобождения». Если бы человек, заинтересовавшийся им, захотел обратиться к литературе, его ожидало бы в лучшем случае разочарование, а скорее чувство растерянности. История русского революционного движения - одна из первых, если не первая среди тем, к которым обратилась молодая советская историческая наука. И на современном этапе ее развития вряд ли найдется более или менее значительный факт революционного прошлого России, изучение которого не имело бы своей историографии, отражающей нынешнее состояние его изучения. Не так обстоит дело с «Обществом Народного Освобождения». Его исследование, едва начавшись, полностью иссякло уже к середине 30-х годов. Мало того, оно прервалось на том моменте, когда в литературе вообще остался открытым вопрос: «А существовало ли это Общество?» Вместе с тем то, что в те годы было сделано, - отправная точка для

ответа на поставленный вопрос, для сколько-нибудь возможного продвижения вперед. Поэтому с вниманием всмотримся в оставленное нашими предшественниками.

Исходной документальной основой для воссоздания истории «Общества Народного Освобождения» до последнего времени оставалась статья Б.Николаевского «Памяти последнего "якобинца"-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский)», опубликованная в 1926 г. в «Каторге и ссылке»[1]. Ее значение определяется тем, что она основана на прямых свидетельствах, на фактических указаниях, исходивших от самого Турского, одного из создателей и руководителей Общества.

Опираясь на статью Николаевского, Е.Н.Кушева сделала попытку проследить историю «Общества Народного Освобождения»[2].

Работа Е.Н.Кушевой остается, по существу, последним словом в историографии темы, если не считать полемического выступления М.Фроленко, к которому вернемся ниже. Здесь же отметим, что ее значение определяется широтой источниковой основы, впервые выявленной автором: кроме сведений, извлеченных из «Набата» и некоторых других зарубежных периодических изданий 1870-х годов, мобилизован богатый архивный материал для воссоздания механизма функционирования Общества, его состава, структуры, программы. В качестве приложений полностью опубликованы обнаруженные исследовательницей в архивном деле «Устав Общества Народного Освобождения», «Инструкции членам Общества Народного Освобождения» с печатью его Комитета. На основании сообщений в «Набате» о создании Общества и публикаций русского корреспондента во французской социалистической газете «L'Egalite» в 1877-1878 гг. Е.Н.Кушева приходит к выводу, что «наиболее вероятной датой возникновения "Общества Народного Освобождения" представляется 1877 год, а прекратило оно свою деятельность вскоре после 1881 г.»[3]. Е.Н.Кушева фиксирует тесную идейную и материальную связь «Общества Народного Освобождения» с редакцией «Набата». Отмечая трудность решения вопроса, какая реальная организация стояла за дошедшими до нас документами о деятельности Общества, и подчеркивая, что это обстоятельство связано как с самими принципами его организации, так и с тем фактом, что архив Общества не сохранился, Кушева по косвенным, тщательно собранным данным воссоздает принципы, приемы конспиративной практики этой организации. Она намечает несколько возможных якобинских групп, действовавших на юге России (Киев, Харьков, Чернигов, Полтава, Одесса, Ростов-на-Дону, Елизаветград, Каменец-Подольск), в Петербурге, где сосредоточились «якобинцы школы Заичневского, М.Н.Ошаниной и В.П.Арцыбушева», в Орле, Курске. Задачей дальнейшего изучения «Общества Народного Освобождения» Е.Н.Кушева считала «уяснение его состава и степени его вдвойне подпольного влияния не» не принадлежавшие к "Обществу" революционные кружки, в первую очередь на организационные и тактические приемы двух наиболее крупных революционных организаций 70-х годов и начала 80-х годов - "Земли и воли" и "Народной воли"»[4].

Но фактическая картина историографии «Общества Народного Освобождения» оказалась совсем иной. Через год после появления статьи Кушевой в том же журнале «Каторга и ссылка» была опубликована статья - опровержение видного участника народнического движения 70-х годов М.Ф.Фроленко, озаглавленная «Общество Народного Освобождения». На том основании, что ни от кого из лиц, которых Кушева считает возможным причислить к числу «якобинцев - членов "Общества"» и лично ему знакомых, он никогда подобных признаний не слышал, а также критически пересматривая приведенные ею фактические данные, Фроленко отрицает сам факт существования этого «Общества». Он считает, что известный по мемуарным источникам характер приема в члены «Общества Народного Освобождения» говорит о том, что он проводился непосредственно «набатчиками», и за их спиной стоит не «Общество», а все тот же Ткачев и Турский.

В полемическом азарте он утверждал, что якобинцев в России «можно было перечесть по пальцам: Заичневский, Арцыбушев, Паначини, Южакова, Виташевский плюс три неудачных эмиссара (из-за рубежа. - *Е.Р.*)»[5].

Выступлению Фроленко в печати предшествовала устная дискуссия, которая развернулась в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев на заседании Секции по изучению общественного движения 30-70-х годов, проходившем 16 марта 1931 г. по докладу Е.Н.Кушевой «Общество Народного Освобождения». Доклад содержал основные положения, развернутые ею в опубликованной позже статье. Присутствовавшие на заседании современники, деятели революционного движения 70-х годов - В.Н.Фигнер, А.В.Якимова, М.П.Шебалин - поставили под сомнение сам факт существования Общества, аргументируя это тем, что им ничего не было о нем известно. В.Н.Фигнер оценила предельную степень конспирации Общества как «граничащую с шантажом с целью пустить пыль в глаза». С таким мнением не согласился С.Н.Валк. Признавая, что «Общество Народного Освобождения» действительно не получило большого распространения, он заявил, что «отрицать его существование и умалять значение документов, цитированных докладчицей, нет никаких оснований». С развернутым обоснованием реальности существования Общества выступил Б.П.Козьмин. Термин «шантаж», по его мнению, может быть употреблен «не в том смысле, что никакой организации не существовало, а в другом роде: пытались установить связи с Россией и, хотя они были очень слабы, их преувеличивали. Общество, несомненно, существовало и какие-то связи с Россией имело». Козьмин высказал, кроме того, прозорливое соображение о времени возникновения Общества: «По моему мнению, - заявил он, - оно возникло до 1877 г., но не имело тогда этого названия»[6].

Свою исходную точку зрения Козьмин развил на примере орловской якобинской группы в статье «П.Р.Заичневский в Орле и кружок "орлят" (1873- 1877 гг.)»[7]. Он детально проследил деятельность Заичневского в Орле после возвращения в 1873 г. из Сибири, выявил его окружение, составившее кружок «орлят». Критически пересмотрев сведения, которые привел в своей статье Николаевский, касающиеся взаимоотношений «Общества Народного Освобождения» с кружком Заичневского, Козьмин приходит к выводу, что входить в это общество кружок не мог, так как к концу 1877 г. кружка уже фактически не существовало. Однако, считает Козьмин, «мы не имеем никаких оснований отбрасывать указания Турского, которыми пользовался Б.Н.Николаевский. Остается допустить, что существовало какое-то, относящееся к более раннему времени, соглашение между кружком Заичневского и группою "Набат". Ничего невероятного в этом нет»[8].

Таким образом, соглашаясь, что орловский кружок в «Общество Народного Освобождения» по обстоятельствам временного характера входить не мог (об этом писал и Фроленко), Б.П.Козьмин, не беря под сомнение сам факт его существования, ставит вопрос шире, выводя организационные контакты орловцев за эти хронологические рамки, связывая их с редакцией «Набата». При этом он отмечает, что сношения между ними могли быть установлены через агентов «Набата», которые, по имеющимся свидетельствам современников, приезжали в Россию не только в 1878 г., но и ранее[9].

В настоящее время мы располагаем непосредственно перепиской Турского, его письмами, которыми пользовался Николаевский при работе над своим очерком о нем. История переписки связана с инициативой В.Л.Бурцева. Знакомство Бурцева с Турским относится к 1907 г., когда они встретились в курортном местечке на о-ве Джерси. Турский, оставшись навсегда в эмиграции и давно отойдя от русских революционных дел, связал себя с международным и польским социалистическим движением. Для Бурцева, целиком сосредоточившего свои интересы на разысканиях и сборе материалов по истории русского освободительного движения, встреча с Турским была подарком судьбы. В его лице он обрел живой источник для воссоздания истории «якобинской» организации, окутанной плотной завесой тайны. Видимо, тогда же, уговаривая Турского написать свои воспоминания о себе и русских «якобинцах», о «Набате», он о многом успел расспросить его. Прямым продолжением этих бесед стала переписка между ними. Турский, человек несомненно большого честолюбия, стремившийся утвердить свою определяющую роль в истории русского якобинства, охотно пошел навстречу Бурцеву: он относился к нему с большим пиететом и рассчитывал на его помощь в уточнении фактов, предоставлении справок об отдельных лицах и их судьбах. Первый этап начавшейся переписки (во всяком случае сохранившейся) относится к концу 1908 г. [Видимо, по просьбе Бурцева, Турский направил к нему К.Яницкого - «своего хорошего друга и хорошего революционера», как он его рекомендовал, одного из ближайших своих сподвижников по «якобинской» организации. От Яницкого Бурцев мог получить дополнительные интересующие его сведения.]

Вскоре жизненные обстоятельства на долгие годы развели их, и только к концу жизни Турского, в 1920-х годах, Бурцев опять нападает на его след, и между ними возобновляется переписка. Как выясняется, воспоминания Турского не продвинулись, и Бурцев вновь настоятельно просит его взяться за них. Но Турский был к этому времени уже тяжело болен, и, чтобы облегчить ему труд и успеть получить уникальные сведения, которые уносил с собой этот последний «русский якобинец»-семидесятник, Бурцев всячески направлял его работу, намечал круг вопросов, на которые надо было дать ответ и просил присылать ему по частям подготовленные куски. Как видно из письма Бурцева к Турскому от 3 декабря 1924 г., Бурцев собирался послать ему неизвестную нам брошюру о Ткачеве, преследуя ту же цель: получить от него фактический материал: «От Вас по-прежнему я не буду просить фолиантов, а только краткий конспект о фактах и о Вашем отношении к событиям. Без Вашего указания может быть многое извращено: Вы сделаете указания на страницы посылаемой книжки, к которым будут относиться Ваши примечания»[10]. И далее Бурцев задавал вопросы о «Набате»: кто примыкал к нему и кто были его агентами. В коллекции, содержащей переписку Бурцева с Турским, мы не обнаружили ни брошюры о Ткачеве, ни комментариев на ее счет со стороны Турского. Но, по существу, на вопросы, поставленные Бурцевым, Турский ответил частично в своих письмах к нему.

Поздняя переписка между Турским и Бурцевым составляет второй и более значительный пласт материалов, восходящих к Турскому. Она была еще более форсирована тем обстоятельством, что Бурцев, работавший в это время в журнале «На чужой стороне», издававшемся в Праге С.П.Мельгуновым, получил от издателя задание написать о «Набате» и «набатовцах». Бурцев посоветовал Мельгунову обратиться за материалами непосредственно к Турскому, жившему тогда в Ницце. Это и было поручено сотруднику редакции Б.И.Николаевскому. По недоразумению переписка между ними не состоялась; она была продолжена в прежней форме вопросов и ответов между Бурцевым и Турским, но ответы эти были предоставлены Николаевскому. На их основе он и написал свою работу «Памяти последнего "якобинца"-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский)». При этом, как видно из анализа источниковой основы его работы, он имел в своем распоряжении и письма Турского к Бурцеву 1908 г., которые не все сохранились, а также пользовался личной информацией Бурцева, полученной из бесед с Турским, и какими-то письмами самого Турского, адресованными Николаевскому непосредственно. Следует сказать, что Николаевский с большой полнотой и добросовестностью использовал сведения, содержащиеся в письмах Турского. Однако обращение к первоисточнику позволяет выявить ряд дополнительных данных, относящихся к интересующей нас теме, к историй «Общества Народного Освобождения». Свидетельства Турского тем более значимы, что в его руках находились непосредственные конспиративные связи с Россией «русских якобинцев», проживавших за рубежом.

В данной статье мы рассмотрим круг вопросов, связанных с одной из линий этих конспиративных контактов: «Общество Народного Освобождения» и орловский кружок Заичневского; постараемся продолжить исследование этих связей в направлении, начатом Б.П.Козьминым.

Упоминавшееся выше мнение Козьмина о том, что контакты агентов «Набата» с русскими революционными кружками могли иметь место и до 1877 г., когда кружок Заичневского практически уже не существовал, опирается на воспоминания Н.С.Русанова и. Этот факт подтверждается и сведениями, содержащимися в автобиографии Р.Ф.Чернявской-Бохановской[12]. Благодаря Е.Н.Южаковой Чернявская-Бохановская осенью 1876 г. сблизилась в Женеве с редакцией «Набата» и вернулась в качестве ее эмиссара в начале февраля 1877 г. в Россию, став уже, по собственным словам, «якобинкой»[13]. Ей были даны практические поручения организационного характера, связанные, в частности, с Киевом. Убедившись, что здесь есть «только несколько человек», она противопоставляет Киеву положение деда в Орле, где «у Заичневского... большой кружок; но об этом я уже знала»[14]. Таким образом, сведения о «якобинском» кружке Заичневского она получила еще в Женеве, что свидетельствует о наличии уже к этому времени его контактов с «набатовцами».

В письмах Турского находим данные, позволяющие пойти далее в воссоздании картины взаимоотношений группы «Набата» с русскими «якобинцами», какими были, в частности, члены орловского кружка Заичневского. В письме к Бурцеву конца 1908 г. Турский, занятый мобилизацией материала для истории «Общества Народного Освобождения» и припоминая в этой связи лиц, «устраненных из организации», спрашивал своего адресата относительно судьбы известного участника народнического движения 70-х годов П.А.Теллалова (у Турского ошибочно - Таллаев), входившего, как оказывается, в число членов Общества и «устраненного» из него. Турский писал: «Усомнился в Таллаеве тогда первый - это Заичневский. Во всяком случае предупредили нас тогда из России - одному из членов (так! - *Е.Р.*) нашей организации; если не самим Заичневским, то одним из его близких»[15].

Обратим внимание на важное для нас обстоятельство: Турский говорит об информации, поступившей от Заичневского не в связи с «Набатом», а в связи с функционированием «организации» - «Общества Народного Освобождения», о предательском поведении одного ид ее членов. Вряд ли это могло произойти после 1877 г., когда Заичневский был выслан из Орла в глухое местечко Повелец Олонецкой губернии и изолирован от внешнего мира, а его орловский кружок фактически уже не существовал. Даже если это предупреждение исходило не от самого Заичневского, а от кого-то «из его близких», весь приведенный текст, его тональность говорят о том, что Заичневский был для «Общества» своим, знал его представителя в России, мог передать ему информацию. Все это свидетельствует о связи Заичневского, членов его кружка не с «Набатом», а именно с «Обществом Народного Освобождения». Здесь мы подходим к вопросу о времени возникновения «Общества». Развернутое обоснование, что эта ультраконспиративная революционная организация возникла фактически значительно раньше 1877 г., уже изложено мною в печати[16]. Ее предыстория связана с усилиями С.Р.Нечаева по созданию русской революционной партии и объединению славянских революционных элементов, усилиями, которые им предпринимались в 1871-1872 гг. в Цюрихе. Они смыкались с деятельностью Турского, его «Славянского кружка» («Sercle slave»), преемственно продолжавшего начинания Нечаева. Эмиграция Ткачева, его сближение с кружком Турского было следующим этапом, создававшим предпосылки для создания новой организации. Стимулирующую роль сыграло учреждение в Женеве осенью 1875 г. так называемой «Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политических преступников», оказавшейся в руках группировки Ткачева - Турского. Журнал «Набат» возник на завершающем этапе создания этой «Администрации», как бы организационно закрепляя ее за ним. «Администрация» именуется «состоящей при редакции журнала». Этот момент представляется исходным в истории «Общества Народного Освобождения». «Общество вспомогательного фонда», писал Николаевский, было только прикрытием для «якобинской заграничной организации, только ширмой, дававшей последней легальный титул для существования и сбора денег»[17]. Об «Обществе вспомогательного фонда» пет упоминания в дошедших до нас письмах Турского к Бурцеву, но несомненно к Турскому восходит сообщение Николаевского о том, что с созданием «Общества вспомогательного фонда» Турский отдался организационной работе, что он был ранее и оставался главной пружиной в создании «якобинской» организации.

Письма Турского содержат свидетельства, которые соответствуют нашему общему выводу о генезисе «Общества Народного Освобождения». Отвечая на письмо Бурцева от 3 декабря 1924 г., Турский писал: «Программа общества, как Вы называете программа "Набата", была выработана за границей раньше, чем Ткачев был здесь». В утверждении Турского явно сквозит умаление роли Ткачева как главного теоретика «Набата». Но для нас важна столь же очевидно присутствующая в этих словах непреложность для Турского не только факта идентичности программы тайного общества и «Набата», но и того, что речь должна идти именно о программе «Общества». И, надо полагать, не случайно сразу же вслед за словами о действительной роли «Общества вспомогательного фонда» как прикрытия для конспиративной организации Николаевский писал о том, что оно возникло после того, как «якобинцам за рубежом удалось прийти к соглашению с “якобинцами" русскими, - с группой Заичневского»[18]. И далее: «... на основании указаний Турского, мы

можем сообщить... факт существования такого соглашения и вступления Заичневского и всей его орловской группы... в "Общество Народного Освобождения"»[19].

Сопоставим это утверждение с данными, извлеченными из обнаруженного нами «Очерка об истории возникновения Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политических преступников», составленного секретарем редакции «Набата» М.Френком для редакции «Вперед!» и датируемым ноябрем 1875 г. Как выясняется из «Очерка», окончательное оформление этой организации, учрежденной при одновременно возникшем «Набате», произошло после того, как Френк «сообщил обо всем этом деле (т.е. о создании «Администрации заграничных агентов». - *Е.Р.*) в Россию своим друзьям» и получил от них благоприятный ответ[20]. Между тем друзьями Френка (он же М.Шрейдер) были члены орловского кружка Заичневского, участником которого Френк являлся до своего побега за границу. Скорее всего, за этим «благоприятным ответом», как именовал его Френк, и стоял факт соглашения группы Турского - Ткачева с кружком Заичневского.

Насколько органичным было организационное сближение этих групп, свидетельствуют воззрения самого Заичневского (первого русского «якобинца»), сплотившейся вокруг него группы молодежи («орлят»). Это с достаточной полнотой показано в названной статье Б.П.Козьмина. Н.С.Русанов, сам испытавший идейное влияние Заичневского и близко соприкасавшийся с его «орлятами», писал: «Кружок Заичневского состоял из "якобинцев", которых вскоре мы стали величать без особого протеста с их стороны "ткачевцами" и с выходом в свет "Набата" - "набатчиками"»[21]. Как видим, система идей Ткачева еще до издания «Набата» была достаточно известна в кругах оппозиционно настроенной молодежи и оказывала на часть ее свое воздействие. Несомненно, наиболее эффективную роль в распространении его идей, его концепции русской социалистической революции сыграли брошюра «Задачи революционной пропаганды в России» (март 1874 г.), а затем выход программного (ноябрь 1875 г.) номера «Набата». По свидетельству того же Русанова, журнал пришел в Орел осенью 1875 г. вместе с бакунистскими брошюрами и журналом «Вперед!»[22]

«Страстный якобинец», каким знал Русанов Заичневского в Орле, цитировавший «целыми кусками наизусть речи великих ораторов 1789-1794 гг.», «политический революционер, и в значительной мере заговорщического типа», видевший движущие силы революции в «революционной интеллигенции и революционизированном ею войске с прибавлением лучших людей из общества и отрядов рабочего класса в больших центрах», он более чем кто-либо другой из действовавших в России революционеров тяготел к Ткачеву и стоявшей за ним группировке Турского. Установки Заичневского были очень близки положениям «Устава Общества Народного Освобождения» и «Инструкциям» ее членам[23]. Сам смысл названия «Общества», разъясненный в первых же пунктах «Устава», раскрывал назначение общества как организации революционеров («друзей народа»), цель которой «помочь народу», «опутанному сетями вековой тирании, лишенному знаний, необходимых для борьбы с его врагами» и потому не имеющему сил «сбросить с себя давящий его гнет»[24]. Среда, в которой, согласно инструкции, должны были действовать члены «Общества Народного Освобождения», включала войско, крестьян и рабочих, учащуюся молодежь, интеллигенцию, земцев, местных влиятельных либералов. Особо указывалось на обязанности членов Общества по установлению связи с «населением местных тюрем и острогов», прежде всего с теми из них, которые осуждены за «враждебные отношения к правительству».

Заичневскому должен был импонировать тот тип заговорщической организации, который регламентировали Устав и Инструкции Общества. Тип этот не имеет, на наш взгляд, аналогов в истории русского революционного движения и во многом объясняет причины тех почти непреодолимых трудностей, с которыми сталкивается исследователь, пытаясь нащупать ее узлы в революционном подполье России 70-х годов. Дело в том, что ее структура имела три основных звена: Центр, агент Центра и член «Общества». В этой цепочке отсутствует привычное для нас обязательное звено - объединения разной степени приближенности к Центру, будь то соподчиненные кружки или хотя бы связанные между собой лишь одним лицом группы-пятерки или другие по численности небольшие объединения лиц, образующие тайное общество.

Член «Общества Народного Освобождения» действовал один. Он знал только агента Центра и не имел права ни говорить о своем членстве кому-либо, ни привлекать кого-либо в «Общество», ни даже поинтересоваться, не является ли данное лицо его членом. «Комитет сообщается с обществом через своих агентов», - гласил пункт 5. Членам Общества строго возбранялось «какими бы то ни было путями разузнавать о местонахождении Комитета и о людях, его составляющих» (пункт 8). Комитет в лице его агентов брал письменную клятву с каждого члена «хранить тайну существования "Общества" и всего, что ему известно ... касательно его. Нарушивший эту клятву - подвергается смертной казни» (пункт 10)[25]. Эти не связанные между собой члены «Общества» должны были проникнуть, внедриться в существовавшие в России революционные объединения. Они обязаны были «войти в тот или иной кружок, или же приобрести в нем знакомства» и «употребить все усилия к приобретению среди них сторонников». При этом «свою принадлежность к Обществу Н.О. член должен тщательно скрывать от упомянутых кружков»[26].

Член «Общества» мог знать только тех его членов, «которые ему будут указаны агентом Комитета»: по его предписанию «он может вступить с ними в сношения и действовать совместно, причем форма и характер этих сношений и общей деятельности указывается в каждом частном случае агентом Комитета»[27].

Чем была вызвана такая ультраконспиративная, крайне централизованная форма организации? Видимо, именно тем, что «Общество» по самому своему замыслу должно было иметь как бы вторичный характер по отношению к уже существующим в России революционным объединениям. Внедряясь, в них, члены «Общества» как бы изнутри навязывали им свои идейные и тактические установки. Этот прием обусловливался и тем, что Центр «Общества» возник и действовал за рубежом; он не имел ни организационных возможностей, ни людских сил, чтобы создать в России самостоятельную, разветвленную организацию. И конечно же, немалую, если не решающую роль играла непопулярность в русской революционной среде «якобинских» идей.

Персональный состав Центра «Общества» неизвестен. Несомненна только руководящая роль в нем Турского, участие Яницкого, Ткачева, Григорьева, Френка. Однако совершенно очевидно, что комитет «Общества Народного Освобождения» нельзя отождествлять, как считает возможным Е.Н.Кушева, ссылаясь на Николаевского, с особой тайной группой, входившей в состав руководства французской организации бланкистов. Вопрос этот изложен в переписке Турского с Бурцевым. В ответ на письмо Бурцева от 18 декабря 1924 г., в котором тот спрашивал о руководителе французских бланкистов Эд Вайяне, об отношении «французов», т.е. французов-бланкистов, к «набатовцам», Турский писал: «С комитетом бланкистов сносился только я один... Как видно, и Вы тоже мало знакомы с нашей организацией, лишь органом которой был "Набат": иначе бы Вы не спрашивали меня об отношении "Набата" к Вайяну, который состоял только одним из членов Комитета, тогда как наша организация находилась в договоре с Комитетом и несли взаимную ответственность; наша организация была конспиративнее, благодаря чему так мало знакомы с ней и часто имеют совершенно ложное представление о ней»[28]. Таким образом, совершенно очевидно, что «Общество Народного Освобождения» было самостоятельно по отношению к французскому бланкистскому обществу, имело свое руководство и через Турского находилось с ним в договорных отношениях. Данное представление принципиально не меняет сообщенного Николаевским «другого указания», по которому «для руководства русской организацией бланкистов была создана особая тайная группа, в которую входили Турский и один из руководителей бланкистов французских (эти последние менялись; известно, что одно время таковым был Вайян); позднее в эту верховную группу был введен Ткачев. Возможно, впрочем, резюмирует Николаевский, что это сообщение о верховной группе не противоречит указанию Турского относительно Центрального Комитета и что эта группа была только органом того комитета, о котором говорит Турский»[29]. Действительно, данное указание меняет только форму осуществления практической связи между двумя бланкистскими организациями. Очевидное смешение двух разных Комитетов, французского и русского, мешающее уяснению истинного положения дела, связано, несомненно, и с обстоятельствами, на которые обратил внимание и которые разъяснил Б.М.Шахматов.

Он отмечает, что организация французских бланкистов «Центральный революционный комитет» была образована только в июне 1881 г., когда «Общество Народного Освобождения» фактически уже не функционировало, а в сентябре перестал выходить и «Набат». «Скорее всего, - считает автор, - здесь произошла путаница двух организаций французских бланкистов: более ранней "Революционной коммуны" и более позднего "Центрального революционного комитета"». Поэтому он считает возможным отнести эти организационные связи к отношениям между французской группой «Революционная коммуна», созданной в 1872 г. с центром в Лондоне, и «Обществом Народного Освобождения», а возможно, еще раньше - группой «Набата», с центром в Женеве[30].

Действительно, имея в виду тесные связи Турского с французскими бланкистами со времени Парижской Коммуны[31], сотрудничество Вайяна с «Serete slave» (оно фиксируется начиная с 1873 г.), совершенно естественными можно представить столь же ранние контакты группы Турского с обществом «Революционной Коммуны». [«Революционная коммуна» являлась эмигрантской организацией коммунаров-бланкистов, созданной после того, кисты, возглавленные Эд Вайяном, вышли после конгресса из Интернационала.] При этом обращает на себя внимание настойчивость, с которой Турский подчеркивает (вслед за процитированным выше отрывком об организационных связях с французскими бланкистами) то обстоятельство, что речь идет не о «Набате», а об «Обществе Народного Освобождения». Он вновь и вновь повторяет Бурцеву: «Программа общества, как Вы называете, программа "Набата", была выработана за границей раньше, чем Ткачев был здесь»[32]. Турский стремится довести до сознания Бурцева мысль о раннем происхождении общества и его неадекватности редакции «Набата», как то считали современники, писали мемуаристы. Общество, действительно, глубоко было связано и в идейном и в организационном смысле с группировкой Турского. Договорные отношения между ними совершенно естественны. Комитет же, который фигурирует в документах «Общества Народного Освобождения», - это, несомненно, руководящий центр самой этой организации. Учитывая вырисовывающийся его персональный состав, можно говорить о его значительном совпадении с личным составом руководства редакции «Набата». С ним и имели дело русские «якобинцы».

Вернемся к деятельности, начатой Заичневским в 1873 г. в Орле. То, что называют кружком Заичневского, судя по воспоминаниям одной из его участниц, Ел.Н.Оловенниковой, было довольно неопределенным объединением отдельных, периодически собиравшихся «в более укромных квартирах» собраний из семи-восьми человек. Они имели характер кружков самообразования: читали Спенсера, Милля с примечаниями Чернышевского, Лассаля, Маркса, Лаврова, изучали французскую революцию, Парижскую Коммуну, писали рефераты[33]. Блестящий оратор, человек страстного революционного темперамента, Заичневский зажигал своими идеями группировавшуюся вокруг него молодежь. В основном это были гимназисты и гимназистки старших классов. По мере окончания гимназии они покидали Орел: Петербург привлекал возможностью не только продолжить образование, но и приложить свои силы к революционному делу. Участница народнического движения Н.А.Головина (Юргенсон) писала в автобиографии, что уже зимой 1873-1874 гг. вокруг созданной ею кассы взаимопомощи слушательниц медицинских курсов при Медико-хирургической академии образовался кружок, в который вошли, по ее словам, «главным образом орловские землячки, подготовленные пропагандой известного Заичневского» - Ю.Георгиевская, О.Салтанова и др.[34] Это была как бы первая волна, докатившаяся из Орла до Петербурга.

Но участники кружков Заичневского, еще находясь в Орле, приобретали связи в революционной среде. Как сообщает Ел.Н.Оловенникова, квартира ее матери в Орле «была местом остановки видных революционеров, которые для связи заезжали в Орел (Вера Фигнер, Геся Гельфман, Иванова, Бардина, Субботины)», а квартира ее тетки Бучновской являлась пунктом связи для приезжавших в Орел подпольщиков[35]. Этим объясняется легкость, с какой орловцы входили в революционное подполье Петербурга.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М.: Наука, 1991
В.Ю.Гительзон
В.П.Валуев
Е.Л.Рудницкая
С.В.Мироненко
Г.В.Мальбрикова
О.Ф.Русинова
В.М.Шахматов
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

На протяжении 1873-1877 гг., пока Заичневский находился в Орле, через его кружок прошли сестры М.Н., Ел.Н. и Н.П.Оловенниковы. В.П.Арцыбушев, И.Д.Архипов, М.А.Гриценков, М.А.Простова (по мужу Пушкилова), А.Х.Азбукина (по мужу Архипова), М.В.Лаврова (по мужу Швецова), Е.Д.Сергеева, М.Д.Носкова (урожденная Сергеева); близок к участникам кружка был орловский гимназист С.С.Носков; как отмечает Б.П.Козьмин, идейное влияние Заичневский оказал на Н.С.Русанова, будущего теоретика партии эсеров. В этот краткий перечень вошли лишь немногие из прошедших школу Заичневского; нам не известны те из них, которые избежали соприкосновения с карательными органами царизма. Сведения, которыми мы располагаем об «орлятах», чьи имена вошли в революционную летопись, дают выразительную картину их активной политической жизни.

В числе членов орловской группы Заичневского, вступивших в «Общество Народного Освобождения», Турский назвал М.Н.Оловенникову-Полонскую, Г.Чернявскую (Г.Чернявская-Бохановская), В.П.Арцыбушева. Имя Червявской в этом перечне названо ошибочно[36].

Что же касается Марии Николаевны Оловенниковой-Полонской, одной из самых ярких учениц Заичневского, вошедшей в историю русского революционного движения под фамилией Ошаниной, то ее революционная судьба крайне примечательна и несомненно предопределена была принадлежностью к кружку «орлят». Она переехала из Орла в Петербург в 1875 или 1876 г. Русанов следующим образом характеризует воззрения М.Н.Оловенниковой-Полонской в это время: ей казалось, «что без перемен правительства в центре на скорую социальную революцию нельзя было рассчитывать. Борьба с самодержавием, прежде всего с самодержавной бюрократией и полицией, должна была, по ее мнению, вестись всяческими способами, не отступая перед самыми крайними, как во Франции в 1793 году»[37]. Перед нами портрет законченной «русской якобинки».

В Петербурге она совместно с М.В.Лавровой создала кружок «Центристов», или «Центр». Обе они стояли, по словам М.Р.Попова, «за программу деятельности Ткачева и были известны среди революционеров под названием ткачевцев или набатчиков», представляя эту группировку на конспиративных сходках подпольщиков, где вызревало создание общества «Земля и воля»38. Ряд этих сходок был посвящен дискуссии, возникшей между Лавровым и Ткачевым. Появление брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» «очень взбудоражило,- свидетельствует Попов, участник этих сходок,- революционные круги, хотя адептов приобрело ему мало»[39]. Ткачевский «Центр», сохранявший свое самостоятельное положение и после возникновения «Земли и воли», в лице Ошаниной был приобщен новым обществом к развертывавшейся им деятельности. М.Попову и В.Осинскому удалось уговорить ее поехать с ними в Ростов и поселиться (вместе с Е.Д.Сергеевой, женой Л.Тихомирова) в качестве фельдшерицы в Василе-Петровской волости[40]. Это было в 1877 г., а весной следующего года Ошанина вошла в организовавшуюся в Петербурге народническую группу для поселения в Воронежской губернии. Рассказывая об этом, мемуаристы особо подчеркивают условный характер этих действий Ошаниной, твердо остававшейся на якобинских позициях. О ее вступлении в «Землю и волю» О.В.Аптекман рассказывал так: ближе познакомившись с группой землевольцев (в нее входили: Аптекман, Квятковский, Попов, Баранников, Фроленко, Туманов), «Мария Николаевна решила, наконец, поступиться некоторыми своими якобинскими воззрениями и симпатиями ради практической необходимости действовать сообща и планомерно и пристала к нам на условиях федеративных обязательств. Она со своим кружком вместе с членами нашей организации... образовала поселенческую группу, избрав местом деятельности Воронежскую губернию»[41].

Хорошо знавший Ошанину Русанов писал, что она «выделялась между теми, кто испытал на себе влияние Заичневского и на всю жизнь прониклась элементами якобинства... участвуя в народническом Воронежском поселении... она не скрывала своего централизма" и "якобинства" и даже оказала в этом смысле влияние на своих товарищей... Влиянию Ошаниной часто подчинялись ее товарищи землевольцы»[42]. Русанов ничего не знал об отношениях Ошаниной с «Обществом Народного Освобождения», но то, что он пишет о ней в связи с ее вхождением в «Землю и волю»,

полностью соответствует характеру действий членов этой организации, предписанному ее Уставом и Инструкциями.

Мотивы вступления Ошаниной в «Землю и волю» исчерпывающе объяснил Попов: «М.Н.Ошанина, как я ее и знал, стояла за политическую борьбу, ибо она принадлежала к партии "Набата". Если в последнее время Ошанина примкнула к партии "Земля и воля", то отчасти потому, что эта партия была единственной деятельной революционной партией в Петербурге, к тому же партией организованной, чему она придавала большое значение; отчасти же, быть может, и потому, что "Земля и воля" все больше и больше расширяла рамки для борьбы политической»[43].

Следующим крупным пополнением якобинского элемента петербургского подполья стал приезд в Петербург летом 1877 г. В.П.Арцыбушева, «адъютанта при Заичневском», как именует его Русанов[44]. Он приехал в Петербург «с целым выводком юных якобинок из Орла школы Заичневского»[45]. Убежденный якобинец, человек весьма деятельный, Арцыбушев уже в Орле развернул, как видно, активную пропагандистскую работу. Исключенный из кадетского корпуса, он сосредоточил свои усилия среди военных и «революционной молодежи» - объектах деятельности, предусмотренных Уставом и Инструкциями «Общества Народного Освобождения».

Не желая компрометировать «дорогих ему идей якобинства», Арцыбушев сторонился в Петербурге подвизавшихся здесь в это время трех «набатчиков», которые, пишет Русанов, стремились уверить всех, что они присланы из Женевы «самим» Ткачевым для производства в наискорейшем времени политического переворота. Арцыбушев «от его прежних странствий по России» имел широкие связи в революционных кругах «среди выдающихся бунтарей и лавристов». Арестованный вскоре же в Петербурге он был выслан на родину, бежал и снова появился в Петербурге, где продолжал свою деятельность на нелегальном положении, но в 1878 г. снова был арестован в Москве и сослан в Восточную Сибирь. Нет оснований сомневаться в достоверности указаний Турского, что Арцыбушев, как и Ошанина, являлся членом «Общества Народного Освобождения». Скорее всего, они были его агентами. Ошанина и Арцыбушев контактировали между собой в Петербурге. Именно благодаря Арцьтбушеву, водившему его по конспиративным квартирам, Русанов встретился однажды с Ошаниной и Валерианом Осинским. «Их тогда, - отмечал он, - тайно сближала нараставшая в их сознании необходимость активной борьбы с правительством»[46].

Соединение бунтарства с якобинством - вообще феномен, присущий народничеству этих лет. Заметим только, что это соединение было заявлено в Петербурге весной 1878 г., когда приехавшая сюда из Одессы Елена Россикова именовала себя озадаченным землевольцам «анархисткой-якобинкой»[47].

Прослеживая судьбу других учеников Заичневского, видим, что их революционная биография оборвалась довольно быстро. Большинство оказались захваченными движением в народ и были осуждены по процессу «193-х» или же несколько позднее по процессу «50-ти» (Архипов, Гриценков, Азбукина, Носков). Простова, на квартире у которой в Орле происходили многочисленные собрания, после переезда в Петербург в октябре 1875 г. была обыскана и привлечена к дознанию о пропаганде в Орле. По делу противоправительственного кружка в Курске привлекалась в 1877 г. участница этих же собраний Лаврова. Вообще близлежащий к Орлу Курск образовывал, видимо, с ним как бы сообщающиеся сосуды. Там тоже существовали подпольный революционный гимназический кружок, библиотека, конспиративная квартира, где, как и в Орле, «проживали временно приезжавшие из других городов или возвращавшиеся из "хождения в народ" революционеры»[48]. Один из участников этого кружка, М.А.Тимофеев, приехавший в 1876 г. в Петербург, где стал студентом университета, оказался почти единственным из числа членов «Общества Народного Освобождения», кто оставил воспоминания о своем пребывании в «Обществе».

Воспоминания М.А.Тимофеева фиксируют, что в годы, последовавшие за «хождением в народ», когда Петербург кипел молодыми революционными силами, искавшими пути к действию, там существовали наряду с кружками «старых народников, лавристов, бунтарей, вспышкопускателей» и кружки «набатовцев». Находясь на периферии «Земли и воли», не будучи членом этого общества, Тимофеев благодаря предложению, последовавшему именно из набатовской среды, делает свой выбор. В сентябре 1879 г. через одного из товарищей ему предлагают «вступить активным членом в революционную организацию» террористического направления. Признавая необходимость террора, Тимофеев принял предложение на условиях «предварительного я обстоятельного ознакомления с организацией»[49]. С этой целью его знакомят с Петром Дмитриевичем Хвицким.

О бывшем студенте Медико-хирургической академии, а затем воспитаннике Гатчинского института известно из донесений тайного осведомителя А.Н.Молчанова, сумевшего проникнуть в конце 1876 г. в состав редакции «Набата». Он доносил тогда же в III Отделение о Хвицком, который был известен ему под именем Родайко, проживавшем в Женеве по фальшивому турецкому паспорту. Сообщая, что Родайко бежал из России год назад, Молчанов относит его к числу лиц «наиболее активных и составляющих душу "партии "Набата"»[50].

В России мы видим Хвицкого уже представителем, агентом «Общества Народного Освобождения», занятого созданием сети его членов и опорных пунктов. Программа «Общества», изложенная Хвицким Тимофееву, содержала основные принципы «русского якобинства».

Хвицкий критиковал метод бунтарей, анархистов, который «отвергла жизнь», так как народ за ними не пошел; указывал, что путь Лаврова, путь просвещения народа, слишком длителен и «даже невыполним». Обосновывал как единственно реалистический «путь строго конспиративного заговора и сплочения всех наличных революционных сил». Доказывал право революционной интеллигенции «на диктатуру в момент переворота и в первое время после него». «Но мы, центристы, - разъяснял он Тимофееву, - верим, что совершеннолетие народа долго ждать не придется. Нужно его только раскрепостить, развязать ему руки, а там он и сам проявит скрытые в нем творческие силы и способности»[51].

Получив согласие Тимофеева на вступление в «Общество», Хвицкий вручил ему «Инструкцию членам "Общества Народного Освобождения"» и карточку (в размере визитной), на одной стороне которой была печать Общества, а на другой, чистой, Хвицкий написал: «суб-агент»[52]. Тимофееву было поручено впредь до поступления учителем в школу, что он ранее намеревался сделать, «работать среди студентов, создавая новые "тройки"». Используя начавшиеся в университете студенческие волнения в связи с введением в ноябре 1879 г. временных правил для студентов университетов, Тимофеев организовал из радикалов «кружок человек в 6-7, который... руководил сходками», революционизируя студентов присоединением к академическим требованиям политических, подготовлял резолюции, агитировал среди студентов[53].

Этим, собственно, и окончилась деятельность Тимофеева как «суб-агента» «Общества Народного Освобождения». Вскоре он был арестован, исключен из университета и выслан под надзор полиции на родину, в деревню Курской губернии.

Единственный в России процесс «якобинцев», проходивший в Курске в 1881 г. и инкриминировавший подсудимым организацию «тайного социально-революционного Общества Народного Освобождения», в действительности никакого отношения к этой организации не имел. Он был связан с арестом в Курске Тимофеева и обнаружением у него при обыске в деревне инструкции «Общества», «карточки» и «рукописей подозрительного характера». Арест произошел при встрече Тимофеева в гостинице со своим университетским товарищем, участником народовольческого кружка А.Н.Лаврениусом, «богатым землевладельцем Курской губернии, передавшим крупные суммы на революционное дело»[54]. Лаврениус осуществлял связь между курским и харьковским революционным подпольем, и все арестованные и привлеченные к дознанию, а затем осужденные по этому делу, были или народовольцами, или же, по словам Тимофеева, их было трудно отнести к какой-либо определенной организации.

Сведения, сообщаемые Тимофеевым, полностью подтверждаются материалами следствия[55].

Ничего неизвестно о деятельности университетского товарища Тимофеева - А.Федорова (которого он называл якобинцем), тоже высланного из Петербурга в 1879 г.[56]

Таким образом, подводя итог, следует сказать, что в Петербурге с половины 70-х годов и даже несколько ранее имелись якобинские группировки и отдельные лица, вращавшиеся в среде революционного подполья, главным образом в кружках, составивших «Землю и волю». Многие из них вышли из «школы» Заичневского, его орловского кружка.

После раскола «Земли и воли» в Москве начинает существовать кружок народовольцев во главе с Ошаниной и Теллаловым. Это тот самый П.А.Теллалов, о котором запрашивал Бурцева Турский: член «Общества Народного Освобождения», «устраненный» из него в результате разоблачений, исходивших от Заичпевского или «его близких». Таким образом, перед нами факт совместной деятельности по созданию народовольческоц организации лиц, входивших в «Общество Народного Освобождения». Ошанина стала выдающейся деятельницей «Народной воли», членом ее Исполнительного комитета. В состав Исполнительного комитета вошли и сестра Ошаниной Наталья Оловенникова, и Е.Д.Тихомирова-Сергеева, и упоминавшаяся выше «якобинка» Г.Чернявская-Бохановская. Елизавета Оловенникова тоже стала участницей «Народной воли».

Г.В.Плеханов прямо связывал с влиянием Ошаниной постепенно нараставший в «Земле и воле» переход к «дезорганизации» для захвата политической власти. Отмечая, что включение в народовольческую программу захвата власти было «подготовлено и облегчено пропагандой издателей "Набата"», Плеханов заключал:

«Если такие влиятельные члены партии "Народной воли"», как г. Тихомиров и Полонская (Ошанина. - *Е.Р.*), были "якобинцами", то весьма естественно предположить, скажу больше: нельзя не предположить, что ими-то и была сделана или, по крайней мере, подготовлена указанная попытка» - попытка примирить непримиримое, сохранить верность старым народническим иллюзиям с признанием законности борьбы за политическую свободу[57].

Значительность этого вывода обязывает соразмерить его с постановкой вопроса о принадлежности Ошаниной к «Обществу Народного Освобождения»: вывод Плеханова шире. Для нас важно только подчеркнуть, что идейное воздействие якобинства, «политики» на народничество имело и организационные аспекты, которые просматриваются в истории «Общества Народного Освобождения». Несмотря на очевидную узость этого общества, можно нащупать, даже прослеживая лишь одно из звеньев - кружок Заичневского, значительность роли его участников в привнесении, внедрении в народнические организации идей русского бланкизма.

1 Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23).

2 Кушева Е. Из истории «Общества Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1931. IV (77).

3 Там же. С.35, 56.

4 Там же. С. 56.

6 Фроленко М. «Общество Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1932. Кн.3 (88). С.97.

6 ЦГАОР СССР. Ф. 533. Он.1. Ед.хр.54. Л.66-66 об.

7 Козьмин Б.П. П.Г.Заичневский в Орле и кружок «орлят» (1873—1877 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. Кн.10 (83).

8 Там же. С.115.

9 Там же.

10 ЦГАОР СССР. Коллекция.

11 Русанов Н.С. На родине, 1859-1882. М., 1931. С.119.

12 Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов // Энцикл.сл. Гранат. Т.40.

13 Там же. С.587.

14 Там же.

15 Письмо Г.М.Турского к В.Л.Бурцеву (конец 1908 г.?) // ЦГАОР СССР. Коллекция.

16 Рудницкая Е.Л. «Общество Народного Освобождения»: к истории идейного и организационного оформления русского бланкизма // История СССР. 1986. № 6.

17 Николаевский Б. Указ.соч. С.223.

18 Там же.

19 Там же.

20 ЦГАОР СССР. Коллекция. О том, что Ткачев со своей стороны уже летом 1875 г. предпринимал шаги для создания организации в России, находим интересное свидетельство у В.Н.Фигнер. В автобиографии она пишет о том, как после требования русского правительства, чтобы обучавшиеся в Цюрихе русские студентки немедленно вернулись на родину, часть из них (в том числе она, сестры Любатович, Б.Каминская) перевелась в Бернский университет. «Вскоре,— рассказывает Фигнер, — в Берн явился Ткачев с предложением нашей группе вступить в федеративное отношение с "десятью десятками" революционеров, находящихся в России и уполномочивших его на это предложение... Так как Ткачев явился с программой якобинской и централистической и пользовался репутацией человека, признающего фикции полезными в революционном деле, то мы, после нескольких бесед с ним, отказались от предлагаемого союза» (Из автобиографии Веры Фигнер // Былое. 1917. № 2 (24). С.167).

21 Русанов Н.С.На родине. С.98.

22 Там же. С.88.

23 По воспоминаниям А.М.Ожеровой, встречавшейся с Заичневским в Москве в 1875 г., он развивал в собрании молодежи новую для этого поколения идею конспиративного, крайне централизованного революционного общества с Центральным Комитетом во главе и системой но связанных между собой кружков, о деятельности которых известно только Центру. См.: [Ожерова А.М.] Воспоминания о П.Г.Заичневском // О минувшем: Исторический сборник. СПб., 1909. С.187.

24 «Устав Общества Народного Освобождения»// Каторга и ссылка. 1931. IV (77). С.56.

25 Там же. С.57.

26 Там же. С.60.

27 Там же.

28 ЦГАОР СССР. Коллекция.

29 Николаевский Б. Указ. соч. С.225.

30 Шахматов Б.М. Л.-О.Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французск.ежегод. 1981. М., 1983. С.67.

31 По свидетельству вдовы Турского Пелагеи Турской, эмигрировав в 1869 г. из России и обосновавшись в Париже, он занялся там политической деятельностью, вступил в бланкистский кружок и был любимым учеником Бланки. См.: Письмо Пелагеи Турской к В.Л.Бурцеву от 6 декабря 1925 г. И ЦГАОР СССР. Коллекция.

32 Там же.

33 Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения... С.320.

34 Там же. С.74.

35 Там же. С.324.

36 Скорее всего, ошибка Турского была связана с тем, что при отъезде из Женевы в Россию Чернявской были даны поручения, связанные с кружком Заичневского.

37 Русаков Н. С.На родине. С 120.

38 Попов М. Р. Записки землевольца. М., 1933. С.59.

39 Там же. С.62.

40 Там же. С.87.

41 Аптекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х годов: (По личным воспоминаниям). Ростов н/Д, б.г. С.137.

42 Русанов Н.С.На родине. С.104, 105.

48 Попов М.Р. Указ.соч. С.220—221.

44 Русанов Н.С. Из моих воспоминаний. Берлин, 1923. кн.1. С. 119.

45 Русанов Н.С.На родине. С.119.

46 Там же. С.120.

47 Там же. С.121.

48 Тимофеев М.А. Пережитое: Отрывок из воспоминаний о семидесятых годах // Каторга и ссылка. 1929. Кн.8—9 (58-59). С.96.

48 Там же. С.108, 109.

50 ЦГАОР СССР. Ф. 109 (секретный архив). Оп.1. 1877 г. Ед.хр.454. Л.8 об.

61 Тимофеев М. А. Указ. соч. С.108, 109.

62 Там же. С.109.

53 Там же. С.110.

54 Там же. С.111.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М.: Наука, 1990
Б.С.Итенберг
Е.Е.Барон
Г.Г.Суворкина
С.В.Мироненко
Т.В.Мальчикова
О.В.Будницкий
Б.М. Шахматов
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

55 ЦГАОР СССР. Ф.102 (Департамент полиции). 3-е дел-во. 1881 г. Ед.хр.126. Об аресте в Курске дворянина Александра Лаврениуса, у которого найдены и отобраны прокламации преступного содержания и более 4 Т.р. денег.

56 Тимофеев М.А. Указ. соч. С.111.

57 Плеханов Г.В. Соч. Т.XXIV. С.154.

Сергей Владимирович МИРОНЕНКО

«МОСКОВСКИЙ ЗАГОВОР» 1817 г. и ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ДЕКАБРИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Совещания членов первого тайного декабристского общества Союз спасения, происходившие осенью 1817 г. в Москве и получившие впоследствии название «московского заговора», не раз были предметом обстоятельного изучения[1]. Это и неудивительно. Ведь именно в ходе совещаний на квартире А.Н.Муравьева, а затем М.А.Фонвизина впервые был затронут вопрос о практических путях преобразования России, возникла и была высказана мысль о цареубийстве как неизбежном условии свержения самодержавия и уничтожения крепостного права. Естественно, что в науке самым тщательным образом была восстановлена фактическая сторона событий, выяснены обстоятельства, послужившие поводом к предложению убить Александра I.

Впрочем, не конкретные причины «московского заговора» привлекали основное внимание исследователей - они казались совершенно очевидными. Изучались главным образом цареубийственные замыслы и их значение в общем развитии декабристской идеологии. Между тем вопрос о том, что именно вызвало оживленное обсуждение участников тайного общества осенью 1817 г., еще недостаточно прояснен. Углубленное исследование может не только дать новый фактический материал, но и внести уточнения в представления о процессе формирования декабристской идеологии.

Чтобы яснее представить существо дела, необходимо в общих чертах напомнить предысторию «московского заговора» так, как она отразилась в литературе. Начало событиям положил разговор Александра I со своим флигель-адъютантом и одновременно членом Союза спасения князем П.П.Лопухиным, сыном первого сановника империи, председателя Государственного совета и Комитета министров князя П.В.Лопухина. Мысли, высказанные императором, оказались настолько примечательными, что Лопухин немедленно сообщил о них С.П.Трубецкому, который, в свою очередь, счел необходимым письменно известить

о выяснившихся намерениях Александра I своих товарищей, находившихся в то время с гвардейским корпусом в Москве. Полученные от Трубецкого известия и стали толчком к возникновению «заговора». Письмо Трубецкого, к сожалению, не сохранилось и судить о его содержании можно лишь на основании показаний декабристов на следствии и по их воспоминаниям.

О чем же говорили Александр I и Лопухин? Согласно общепринятой версии, император сказал Лопухину о своем намерении присоединить к Польше часть украинских и белорусских земель, восстановив ее в границах 1772 г. Оскорбление патриотических чувств декабристов подобными планами было последней каплей, переполнившей чашу накопившегося уже осуждения императора, полностью пренебрегавшего, как им казалось, интересами страны.

Такое изложение разговора и соответственно письма Трубецкого было наиболее четко сформулировано И.Д.Якушкиным, одним из самых активных участников «московского заговора». При первом же допросе после ареста 9 января 1826 г. он сказал генералу В.В.Левашову: «В 1817 г. многие члены получили известие, что польские губернии будут присоединены к Царству Польскому. Сие обстоятельство и, сверх сего, уверение, что государство не может быть в худшем положении, как под управлением государя Александра Павловича, решили меня на жизнь его покуситься»[2].

Более подробно свои воспоминания о содержании письма Трубецкого Якушкин изложил в ответах на вопросные пункты, отправленные им в Следственный комитет 13 февраля 1826 г. Предупредив вначале, что при всем своем старании он точно не мог припомнить содержания письма, Якушкин писал: «Вообще, если не ошибаюсь, то оно заключало в себе извещения, что будто бы покойный государь император, дав конституцию Польше, учредив Отдельный литовский корпус, присоединяя польско-российские губернии к Царству Польскому, старается сим привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную опору в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений и прочее». «Излагая содержание упомянутого письма,- заключал Якушкин, - я, может быть, и ошибаюсь»[3].

Видимо, именно такая интерпретация письма Трубецкого глубоко запала в память Якушкина, ибо, дополнив ее лишь рядом деталей, он повторил это и 30 лет спустя в своих воспоминаниях: «Александр Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах: во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно...; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»[4].

Аналогичную версию причин «московского заговора» излагали на следствии и другие его участники[5]. В частности, М.А.Фонвизин на прямой вопрос: «Какие причины родили в вас сие ужасное намерение?», отвечал, что такой причиной было известие от Трубецкого «об уступке будто бы Царству Польскому наших польских губерний»[6].

Таковы источники, традиционно привлекаемые в историографии для освещения начала и непосредственных причин «московского заговора». Однако ими свидетельства участников событий вовсе не исчерпываются.

Начнем с того, что вне поля зрения исследователей, как ни странно, оказались воспоминания одного из главных действующих лиц - самого С.П.Трубецкого. В своих записках, написанных много лет спустя, он специально остановился на этом эпизоде и довольно подробно передал содержание разговора Александра I с П.П.Лопухиным, как оно стало ему тогда известно. «Пред самым отъездом своим из Петербурга, - вспоминал Трубецкой, - государь объявил ему (Лопухину. - *С.М.*), что он непременно желает освободить и освободит крестьян от зависимости помещиков, и на представление князя о трудностях исполнения и сопротивлении, которое будет оказано дворянством, сказал: "Если дворяне будут противиться, я уеду со всей своей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ"». «Когда эти слова были переданы некоторым членам общества, бывшим в Москве, - продолжал Трубецкой, - то в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия могла подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из ее членов, что он выразил готовность, если бы государь оказал себя таким врагом Отечества, то он чувствует довольно духа, чтобы принести его в жертву, не щадя собственной жизни»7. Свидетельство Трубецкого нельзя не признать авторитетнейшим: ведь именно от него декабристы узнали о планах Александра I. Однако само письмо Трубецкого, как мы уже сказали, не сохранилось, а некоторые декабристы иначе передавали его содержание. Поэтому достоверность воспоминаний Трубецкого требует дополнительного рассмотрения.

Внимательное изучение материалов следствия показывает, что точно такая же, как в воспоминаниях Трубецкого, трактовка содержания беседы царя с Лопухиным была высказана уже во время работы Следственного комитета. Разберемся в этом несколько подробнее. 8 января 1826 г. Н.М.Муравьев представил следователям «Историческое обозрение хода общества». Именно из него следствие впервые получило подробные сведения о событиях, происшедших в Союзе спасения осенью 1817 г. «В это время, - писал Н.М.Муравьев, - пришло к Якушкину письмо от князя Трубецкого из П[етер]б[урга], в котором он извещал его, что государь император решился отделить польские губернии от России и, зная, что таковое предприятие не может исполниться без сопротивления, едет со всею царствующею фамилиею в Варшаву, из коей издаст манифест о вольности крепостных людей и крестьян. Что тогда народ примется за оружие противу дворян, и во

время сего всеобщего смятения польские губернии будут присоединены к новому Царству»[8].

Для следствия возникла крайне деликатная ситуация. Показание Муравьева прямо свидетельствовало, что в числе главных причин решения декабристов убить Александра I было не только оскорбление патриотических чувств, но и стремление предотвратить кровавое междоусобие, которое могло возникнуть, если император, сопротивлением дворянства вынужденный к отъезду в Варшаву, издал бы оттуда манифест об освобождении крестьян. То, как развивались события в Следственном комитете дальше, показывает, что Муравьев, упомянув о подобных намерениях Александра I, затронул весьма болезненный для верховной власти вопрос. «Историческое обозрение» было оглашено на заседании комитета 9 января[9], а уже 10 января Трубецкой был специально допрошен о «московском заговоре». «На вас есть прямое показание,- говорилось в посланных ему после допроса письменных вопросных пунктах, составленных на основании "Исторического обозрения", - что в 1817-м году, во время пребывания высочайшего двора в Москве, вы писали из Петербурга в Москву служившему в л[ейб]-г[вардии] Семеновском полку Якушкину, что блаженной памяти государь император положил тогда присоединить российско-польские провинции к Царству Польскому». Трубецкому предлагалось дать «определительное показание», от кого он узнал о подобных планах, зачем сообщил об этом в Москву, что было решено делать, кто присутствовал на совещаниях тайного общества, и т.п.

Сразу бросается в глаза, что в отличие от обычного порядка, когда показание, послужившее основанием к допросу, воспроизводилось в вопросных пунктах целиком, здесь оно было намеренно сокращено. Трубецкому явно не хотели сообщать, каким способом, по утверждению Муравьева, Александр I собирался добиться осуществления своих стремлений. Напротив, именно это свидетельство Муравьева следствие пыталось проверить у Трубецкого, крайне осторожно сформулировав вопрос: «Не упоминали ли в том письме еще о других мнимых намерениях государя императора и о мерах, предположенных к исполнению означенного присоединения». Характерно, что слово «мнимые» было вписано в текст вопросов позднее. Авторы вопросных пунктов, видимо, поняли, что в первоначальной формулировке без этого уточнения содержалось косвенное признание истинности намерений покойного императора, и поспешили исправить свою оплошность.

Трубецкой признал, что в письме действительно шла речь о планах Александра I присоединить западные области России к Царству Польскому, сообщил, что слышал «писанное» от П.П.Лопухина, и подтвердил ряд других обстоятельств. Но в отношении вопроса, наиболее интересовавшего следствие, воспользовавшись эвфемизмами в заданных вопросах, отвечал уклончиво: «Поистине не могу упомнить, упоминал ли я о каких других мнимых намерениях государя императора»[10].

Двусмысленный ответ Трубецкого не мог удовлетворить следствие, а может быть, самого Николая I, который, как известно, не только пристально следил за показаниями декабристов, но и направлял деятельность Следственного комитета. В новых вопросных пунктах, посланных ему 11 января, ссылаясь на «неопределенность» ответов 10 января, от декабриста потребовали «дополнительно пояснить», «о каком еще намерении покойного государя императора упоминается в письме вашем, писанном в сентябре или октябре 1817-го года к Якушкину (а по словам вашим, к Сергею Муравьеву-Апостолу)». Понимая, что на этот раз уже бесполезно просто требовать «дополнительных пояснений», следователи вынуждены были изложить ту версию, подтверждение или отрицание которой они хотели получить от Трубецкого. «Комитету же известно, - сказано в вопросных пунктах, - что вы писали: что государь, зная неудовольствие, которое произведет на дворян присоединение к Царству Польскому российско-польских провинций, решился уехать со всею императорскою фамилией в Варшаву и оттуда обнародовать сказанное присоединение, дабы в случае сопротивления дворян мнимо принужденным выездом своим из России возмутить крестьян против помещиков и тем принудить их к согласию на отделение от России польских провинций»[11].

На первый взгляд кажется, что, так формулируя вопрос, следователи просто пересказали показания Н.М.Муравьева. И тут и там речь идет о намерении Александра I расширить границы Царства Польского, и тут и там в качестве последнего, самого крайнего средства осуществления этого замысла фигурирует крестьянское восстание, которое может вспыхнуть по инициативе царя. Но внимательное чтение этих двух текстов обнаруживает разительное противоречие между ними. Муравьев утверждал, что взрыв вооруженной борьбы против дворян Александр I будто бы хотел вызвать манифестом «о вольности крепостных людей и крестьян», следствие - из-за сопротивления дворянства его полонофильским планам царь вынужден будет покинуть страну, и именно это спровоцирует крестьянское выступление.

Поразительнее всего, что ничего подобного Комитету известно не было. Во всяком случае тщательное изучение следственных дел декабристов, других материалов, предпринятое с целью определить источник этих сведений, не дало положительного результата. В распоряжении следствия не было никаких письменных показаний, позволяющих утверждать, что в песо хранившемся письме Трубецкого сообщалось о намерении Александра I достичь своих целей, вызвав крестьянское восстание «мнимо принужденным» отъездом в Варшаву. В это время следствие располагало только «Историческим обозрением» Муравьева и ничем более.

Остается только гадать, кто и с какой целью мог выдвинуть столь необычную версию. Возможно, кто-то из декабристов высказал ее во время устного допроса в Комитете, но не повторил сказанного в письменных ответах. Возможно, подобная трактовка принадлежит одному из членов Следственного комитета или даже самому Николаю I - ведь о замыслах Александра в отношении западных губерний и его намерениях приступить к решению крестьянского вопроса он мог знать больше, чем декабристы.

Как бы то ни было, получив вопрос, где содержалось столь далекое от истины утверждение, Трубецкой ответил на него решительным и развернутым возражением: «Нет, я никогда не писал ни в означенном здесь письме, ни в другом каком-либо и когда-либо писанном, что государь император хочет со всею императорскою фамилиею уехать в Варшаву, дабы в случае сопротивления дворян мнимо принужденным выездом своим из России возмутить крестьян против помещиков и тем самым принудить их к согласию на отделение от России польских провинций»[12].

А теперь обратимся к свидетельству самого князя П.П.Лопухина. Он не оставил воспоминаний, но сохранилась запись его показаний в январе 1826 г. после того, как следствию стали известны показания Трубецкого. Запись сделана, допрашивавшим князя по распоряжению Николая I генералом В.В.Левашовым. Приведем полностью лишь то, что непосредственно касается рассматриваемого вопроса. «В собрании сочленов я никогда не упоминал о разнесшихся слухах о отделении польских губерний от России, - показывал декабрист, - но говорил однажды Трубецкому, что удивляюсь отделению литовских войск от русских и употреблению в должности тех губерний единственно тамошних уроженцев, что еще в публике мало было известно, и в числе угадываемых причин полагал возможным присоединение польских губерний к Царству Польскому. Какие он из сего вывел заключения и что он предпринял, мне неизвестно»[13].

Даже беглого взгляда на эти показания достаточно, чтобы понять, насколько неискренен и осторожен был Лопухин. Ведь если не знать обстоятельств дела, то прочитавшему эти строки и в голову не придет, что Лопухин, говоря с Трубецким, не просто удивлялся некоторым распоряжениям правительства и пытался объяснить их «возможным присоединением польских губерний к Царству Польскому», а передавал свой разговор с царем. Совершенно очевидно, что Лопухин старался сказать Левашову как можно меньше и повернуть дело таким образом, чтобы его нельзя было упрекнуть в разглашении явно конфиденциального разговора с императором. Впрочем, это и неудивительно: ведь такую линию поведения Лопухин избрал с самого начала следствия. Сперва он просто отрицал даже свою принадлежность к тайному обществу. Об этом Лопухин заявил самому императору, ответив решительным отрицанием на прямо заданный вопрос[14].

Потом, когда отпираться стало бессмысленно и нельзя было не признать очевидных фактов, Лопухин писал, что его участие в обществе ограничивалось лишь знакомством с Никитой Муравьевым и обменом с ним «черезчур либеральными мыслями». Наконец, после того как в руках следствия оказались подробные показания о его деятельности в тайном обществе на протяжении пяти лет, он вынужден был во многом признаться Левашову. Во многом, но, конечно, далеко не во всем. Тактика его в этом случае мало чем отличалась от тактики подавляющего большинства декабристов: рассказывать, стараясь не выходить за пределы задаваемых вопросов. А так как Левашов спрашивал только об отделении западных губерний от России, то Лопухин ничего не сказал о намерениях Александра I в крестьянском деле[16].

В дальнейшем, ведя детальное и тщательное изучение мельчайших подробностей «московского заговора», допрашивая его участников, прибегая к множеству очных ставок, следствие не возвращалось к выяснению его причин и главное внимание сосредоточило на выявлении всех участников, особенно стараясь выяснить имена тех, кто предлагал себя в цареубийцы.

Только значительно позже следователи однажды пернулись к этому вопросу. В апреле 1826 г. он был задан Пестелю, который, как хорошо было известно, не присутствовал на совещаниях тайного общества осенью 1817 г. В посланных ему вопросных пунктах говорилось, что «князь Трубецкой, письмо коего служило предлогом к помянутому заговору, и другие показывают, что московским членам сообщено было ложное известие об отделении польских губерний от России и свободе крестьян от крепости». Нельзя не заметить, что и в этом случае формулировка не была точной, ибо в показаниях Трубецкого, как мы видели, о свободе крестьян ничего не говорилось[16]. Пестель отвечал, что об отделении польских губерний от России он никогда и ни от кого не слыхал, отверг предположение, что причиной заговора мог быть слух об отмене крепостного права, так как «освобождение крестьян от крепости входило в цель общества», и объяснил, что слышал от членов, бывших в то время в Москве, в том числе и от Н.М.Муравьева, что причиной были известия, полученные «о происходившем в новгородских поселениях». «Не быв сам в Москве, - подчеркнул в заключение Пестель, - говорю то, что слышал»[17].

Так в показаниях Пестеля появился новый мотив предполагавшегося цареубийства, совершенно не связанный с Польшей. Вполне возможно, что источником этих сведений был для Пестеля участник московских совещаний Матвей Муравьев-Апостол. Он показывал на следствии, что «Александр Муравьев сделал предложение воспользоваться сопротивлениями, которые делали в Новгородской губернии военным поселениям»[18]. Не вдаваясь в причины того, почему М.И.Муравьеву-Апостолу запомнился именно этот мотив, отметим, что, и вернувшись к этому вопросу, следствие вновь не вполне точно передало имевшиеся в его распоряжении сведения.

Таким образом, материалы следствия показывают, что, хотя Трубецкой уклонился в своих показаниях от того, что так откровенно осветил впоследствии в воспоминаниях, в них содержится убедительнейшее подтверждение версии, там изложенной - «Историческое обозрение» Н.М.Муравьева. Независимо от Трубецкого и за долгие годы до появления его воспоминаний Никита Муравьев утверждал, что осенью 1817 г. у Александра I было намерение издать «манифест о вольности крепостных людей и крестьян». Муравьев придавал этому намерению значение тактического хода императора в осуществлении его полонофильских планов. Трубецкой же в своих воспоминаниях, напротив, пишет об этом как о вполне самостоятельном плане Александра I, а о польских делах вовсе не упоминает. Это умолчание кажется на первый взгляд странным. Однако недоумение легко разрешается обращением к тексту записок Трубецкого. Рассказ о разговоре императора с Лопухиным помещен им в контекст общего обзора всей известной Трубецкому деятельности Александра I в крестьянском вопросе. Поэтому, считая, видимо, что освобождение крестьян вовсе не связывалось царем с присоединением западных губерний к Польше, Трубецкой, рассказав о первом, вовсе не коснулся второго.

В заключение добавим, что нам удалось найти еще одно веское подтверждение достоверности воспоминаний Трубецкого. В архиве Н.К.Шильдера хранятся несколько листков с записями рассказов Е.И.Якушкина, сделанными историком в Ярославле в 1897 г. Е.И.Якушкин, сын декабриста И.Д.Якушкина, как известно, настойчиво занимался историей тайных обществ в России, Его инициативе мы обязаны появлением многих декабристских мемуаров, в том числе и его отца. Сам он очень многое знал. Хотя на склоне лет память на даты стала изменять Е.И.Якушкину, но суть событий он продолжал помнить прекрасно. В его рассказах, записанных Шильдером, суммировались и обобщались сведения, почерпнутые у многих декабристов. Вот, в частности, что он рассказал об интересующих нас событиях: «Якушкин вызвался на цареубийство в 1819 г. Тогда были слухи, что Александр I удалится в Варшаву, оттуда издаст манифест о "реформах". Декабристы были убеждены, что "вслед за этим последует общая резня помещиков". Чтобы избежать сего, решили убить Александра] I. "Находясь в России, он (Александр I) никогда не посмел бы издать такой манифест"»[19].

Как же развивались события дальше? Решение убить императора, предавшего, как казалось, интересы страны, единодушно принятое собравшимися на квартире А.Н.Муравьева членами тайного общества, было столь же быстро оставлено, сколь быстро и неожиданно возникло. Уже на следующий день съехавшиеся у М.А.Фонвизина декабристы вели разговоры «совершенно в противном смысле вчерашним толкам»[20]. Все в один голос уговаривали И.Д.Якушкина оставить намерение убить Александра I. Заболевший С.И.Муравьев-Апостол прислал с братом Матвеем письмо, «коим, - как он признавался на следствии, - остановлял предпринятое действие, доказывая скудость средств к достижению цели»[21].

Вызванный к жизни политическими декларациями Александра I[22] «московский заговор» стал острым моментом общественной борьбы того времени. Он не остался тайной для Александра I. О высказанной в самом узком товарищеском кругу и тут же оставленной мысли о цареубийстве он узнал уже в самом начале следующего 1818 г. Доказательством этому служит авторитетное свидетельство его брата, будущего императора Николая I. Прочтя в конце 40-х годов рукопись книги М.А.Корфа о событиях ноября-декабря 1825 г., Николай сделал на ее полях ряд замечаний, уточняющих отдельные эпизоды, в том числе и вопрос о том, когда Александру I стало известно о существовании тайных обществ. «По некоторым доводам я должен полагать, - писал Николай I, - что государю еще в 1818-м году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство»[23].

Насколько полно Александр I был осведомлен о перипетиях «московского заговора», судить трудно. Ясно, однако: он знал, что недовольство в среде дворян велико, что в 1817 г. вновь, как когда-то в 1801, возникла мысль о насильственном устранении монарха. А это не могло не влиять на его политику.

В жизни тайного общества «московский заговор» был важным рубежом. Вихрем налетевшая мысль о цареубийстве, отказ от нее, осознание «скудости средств», которыми располагала малочисленная и замкнутая тайная организация, - все толкало к пониманию необходимости перестройки основ Союза спасения, расширения его базы, постепенного завоевания общественного мнения, новой, более развернутой программы. Но важно и другое. В событиях осени 1817 г. мы сталкиваемся с первым, в сущности, прямо сформулированным отношением членов Союза спасения к кровавому крестьянскому бунту, к участию народа в решении своей собственной судьбы. При общем для декабристов решительном неприятии крепостного права этот способ его ликвидации оказался для них решительно неприемлемым.

1 Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен М.В.Нечкиной в монографии «Движение декабристов» (М., 1955. Т.1. С.175— 179).

2 Восстание декабристов. М.; Л., 1927. С.42. (Далее: ВД, римскими цифрами — том, арабскими — страница).

3 Там же. С.52.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М.: Наука, 1990
Б.С.Итенберг
Б.П.Балуев
Е.Л.Рудницкая
С.В.Мироненко
Т.В.Мальчикова
О.В.Будницкий
В.М. Шахматов

4 Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С.16—17.

5 ВД.III. 19; IV. 277.

6 ВД.III. 73.

7 Трубецкой С.П. Записки // С.П.Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. С.223.

8 ВД.I. 306.

9 ВД.XVI. 53.

10 ВД.I. 48-49.

11 ВД.I. 51.

12 ВД.I. 51-52.

13 ЦГАОР СССР. Ф.48. Оп.1. Д.235. Л.1в об.—2.

14 В своем письме в Следственный комитет П.П.Лопухин писал:

«Когда его величество император соблаговолил спросить меня, принадлежал ли я к какому-нибудь тайному обществу, я должен был ответить “нет", потому что был по совести в этом убежден» (Там же. Л.4. Подлинник на фр.яз.).

15 В докладной записке о заседании Комитета 11 января сказано только, что Трубецкой «об отделении польских провинций от России» слышал от генерала майора князя Лопухина. Именно против этих слов Николай I оставил свое распоряжение:

«Спросить чрез г[енерала] Левашова» (ВД.XVI. 239).

16 Любопытно, насколько сильно было убеждение следствия, что именно С.П.Трубецкой, а не Н.М.Муравьев, писал в показаниях о планах Александра I издать манифест о свободе крестьян. Оно снова отразилось, например, в сводке показаний декабристов о П.П.Лопухине, завершавшей по установленному порядку его следственное дело. О показаниях Трубецкого здесь сказано: «Между прочим изложил, что письмо свое к А.Муравьеву в Москву в 1817 г. ... составил он из слов кн. Лопухина, будто белорусские губернии возвращаются Польше, будто государь и вся императорская фамилия отправляются в Варшаву и оттуда объявится свобода крестьянам и что из сего возникнет восстание крестьян на господ своих и гибель сих последних» (ЦГАОР СССР. Ф.48. Оп.1. Д.235. Л.и). Характерно, что в сводке указаны страницы всех следственных дел, откуда выписаны показания декабристов на Лопухина, кроме этого последнего показания Трубецкого.

17 ВД.IV. 140, 154.

18 ВД.IX. 252.

19 ГПБ. Ф.859 (Н.К.Шильдера). К. 38. № 15. Л. 16. 2» Якушкин И.Е. Указ.соч. С.18.

21 ВД.IV. 256.

22 См. об этом: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М , 1989.

23 Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1946. С.41.

Т. В. МАЛЬЧИКОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ в ИССЛЕДОВАНИЯХ Бориса Павловича КОЗЬМИНА

Борис Павлович Козьмин, будучи юристом по образованию, начинал свою научную деятельность как исследователь рабочего движения, проблемы которого сохранили важное значение на всем протяжении творческой жизни ученого. Это объясняется, по-видимому, влиянием тех революционных событий в России, современником которых был Козьмин: три революции, победа Октября, установление Советской власти, строительство социализма.

Первая работа Б.П.Козьмина, посвященная истории рабочего движения, была опубликована в 1918 г., в первые месяцы Советской власти - трудное время для всей страны, для всех сфер ее жизни. Советская историческая наука переживала тогда период становления: не было кадров историков-марксистов, освоение марксистско-ленинской методологии находилось на начальной стадии, не было опыта в разработке ряда важнейших для тех лет проблем. Историки дооктябрьского периода уделяли крайне мало внимания истории рабочего класса. Те, кто начинал ее разработку в советское время, становились первооткрывателями, и в их числе был Б.П.Козьмин. Особое внимание он сосредоточил на раннем этапе истории пролетарской борьбы, поскольку считал, что значение роли российского пролетариата в Великой Октябрьской социалистической революции невозможно понять без изучения его прошлого[1].

Истории рабочего движения в России в XIX в. и было посвящено первое серьезное исследование Б.П.Козьмина «Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги»[2]. Эта книга, посвященная теме, ранее фактически не освещавшейся, была по замыслу популярной, а фактически стала исследовательской и по оснащенности неиспользовавшимися еще в литературе источниками, и по постановке ряда новых для науки проблем. Среди вопросов, впервые поставленных Козьминым в этой новаторской по своей сути книги, хотя и не всегда достаточно полно освещенных, особое место занимали проблемы стачечного движения. Проследив развитие этой формы борьбы от ее зарождения до зрелых проявлений на примере стачек, Козьмин характеризовал уровень развития рабочего движения, соотношение в нем стихийности и сознательности, рост организованности участников. «В 70-х годах, - сделал он вывод, - большинство стачек носит оборонительный характер... Забастовки отличаются малой организованностью: очень редко рабочие предъявляют администрации подробно разработанный список своих требований». Характеризуя стачки 70-х годов как стихийные выступления, он отмечал, что «элемент сознательности в этих стачках был еще очень мал, подобно тому, как он был мал в самих рабочих»[3].

На примере выступлений рабочих Жирардовской мануфактуры (1882 г.), Вознесенской мануфактуры (1884 г.), Морозовской стачки (1885 г.) и ряда других Козьмин проанализировал также движение пролетариата в последующий период. «Стачки начала 80-х годов, - писал он, - не только отличались многочисленностью участников, но и выливались в весьма острые формы, сопровождаясь насилиями над администрацией, разгромом фабричных помещений и столкновениями с войсками и полицией». Однако наряду «с подобными проявлениями резкого классового возмущения» он отмечал, что в начале 80-х годов «замечаются первые признаки большей организованности в стачечной борьбе, чем в 70-х годах, и более сознательного формирования бастующими своих требований. Развиваются вместе с тем и солидарность в рядах пролетариата и сознание общности классовых интересов»[4]. Для подтверждения своей мысли Козьмин использовал пример Морозовской стачки 1885 г., в которой, с его точки зрения, наиболее ярко проявились особенности стачечного движения 80-х годов.

Данная им характеристика рабочего движения 80-х годов и Морозовской стачки как ярчайшего проявления этого движения, близка к ленинским оценкам событий. Положения и выводы Козьмина, во многом не утратившие своей значимости и на современном этапе изучения истории рабочего движения, для того времени были новаторскими, и он их успешно отстаивал.

В той же работе он вплотную подошел к проблеме взаимодействия народничества и рабочей демократии. «В 70-х годах, - писал он, - сближение между передовыми и наиболее сознательными рабочими и социалистами становится теснее... народники, как называют социалистов того времени, основывают кружки из рабочих, доставляют им книги и нелегальные газеты, принимают деятельное участие в стачечной борьбе, помогая бастующим и советом и сбором денег для поддержания стачки. С другой стороны, и сами рабочие,- конечно, наиболее развитые из них - втягиваются в революционную работу, входят равноправными членами в социалистические кружки»[5]. Признавая положительную роль влияния пропаганды революционных народников на рабочие массы, Козьмин отмечал также, что народнические иллюзии, недооценка народниками роли пролетариата в освободительной борьбе и т.д. тормозили развитие классового сознания пролетарских масс. Продолжая работать над историей рабочего движения, исследователь часто обращался к этой проблеме в своих статьях и рецензиях на книги по этой тематике, Так, в статье о Северном союзе русских рабочих, рассматривая деятельность этой организации и ее членов в рамках народнического движения, он писал, что пролетарская струя еще не выделилась в нем, и связывал это отчасти с общим состоянием пролетариата и развитием капитализма в России: «Члены Союза являлись лишь малочисленными, наиболее сознательными единицами, терявшимися в рабочей массе. Иначе и быть не могло, так как эта масса состояла из людей, не порвавших еще связей с землей и не изживших вследствие этого всех иллюзий, тормозящих развитие рабочего движения. Запоздалость и слабость капитализма обусловливали недоразвитость классового сознания в рядах русского пролетариата того времени»[6].

Пропагандистской работе народников среди рабочих Козьмин уделял большое внимание. В отклике на книгу воспоминаний В.С.Панкратова он писал, что с появлением в печати новых материалов по истории «Народной воли» «яснее и яснее становится, что террор... не исключал того, что партия наряду с террором пыталась использовать и другие методы борьбы с правительством и в частности пропаганду среди рабочих. Теперь мы знаем, что такая пропаганда велась во многих местах России и велась весьма интенсивно и плодотворно»[7]. Эта точка зрения была новой для советской исторической науки, не все историки ее придерживались, и Борис Павлович неукоснительно ее отстаивал. Так, указывая на неверное толкование А.Гамбаровым сути народовольческой агитации, он подчеркивал, что «провинциальные группы народовольцев, например одесская во главе с Тригони, развернули весьма значительную агитационную работу среди рабочих»[8].

Насколько интенсивно осваивал Козьмин избранную тему, свидетельствует тот факт, что уже в 1919 г. появляется его новое исследование о пролетарском движении - книга «Пролетарская борьба в России до революции 1905 г.» Собрав и обработав довольно обширный для того времени фактический материал, опираясь на ленинские труды, он стремился показать истоки массовой борьбы пролетариата. В поле зрения ученого вновь оказались процессы развития стачечного движения, его формы и методы, деятельность социал-демократических кружков, их переход от просветительской работы к широкой политической агитации в рабочей среде. Развитие стачечного движения второй половины XIX в. Козьмин рассмотрел в тесной связи с изменениями в русской промышленности и положении пролетариата. Анализ нового для исторической науки тех лет фактического материала позволил ему сделать вывод, что до 90-х годов борьба русского рабочего класса отличалась «стихийным, малосознательным характером... большинство стачек имело характер оборонительный, вызываясь усилением эксплуатации рабочих их хозяевами»[9]. По его мнению, «рабочее движение второй половины 90-х годов впервые в России имело характер общеклассового движения, направленного на изменение социального положения пролетариата»[10]. Однако, отдавая должное изменениям в классовом сознании рабочих, вряд ли историк был прав, считая, что, «несмотря на рост сознательности в рядах пролетариата, рабочее движение этого периода носило характер по преимуществу экономической борьбы и стремилось добиться улучшения условий труда и положения рабочих... Рабочая масса не поднимала вопроса о своих политических правах и не предъявляла притязания на участие в государственном управлении»[11]. Этот вывод явно не учитывал тех новых явлений в рабочем движении, которые были связаны с возникновением ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», и зачаточных форм политических союзов рабочих в предшествовавший период, например «Северного союза русских рабочих». Исследуя «Северный союз» в специально посвященной ему статье, Козьмин фактически опроверг свой вывод, отметив, что программа этого союза включала ряд «непосредственных требований, осуществимых и до коренного социального переворота» (свобода слова, печати, собраний и т.д.)[12], которые по сути были политическими. Об изменении взгляда Козьмина свидетельствует оценка рабочего движения российского пролетариата, данная им спустя три года. «В России,- писал он,- борьба рабочего класса за свое экономическое освобождение была в то же время борьбой политической»[13]. Чуть позже, характеризуя рабочее движение 70-х годов, он отмечал, что уже тогда «русский пролетариат в лице своего наиболее сознательного авангарда вступил на открытую арену экономической и политической борьбы»[14].

В 1925 г. Козьмин опубликовал исторический очерк «Рабочее движение в России до революции 1905 г.»[15] В его основу были положены уже упоминавшиеся брошюры «Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги» и «Пролетарская борьба в России до революции 1905 г.» Переработанные и насыщенные новым фактическим материалом, они сохранили его основные выводы и положения, в частности характеристику стачек 70-х и 80-х годов. В этой новой работе Козьмин с марксистских позиций стремился осветить широкий круг вопросов и среди них - формирование пролетариата, его положение в крепостническую эпоху, первые выступления, зарождение и деятельность рабочих организаций, развитие стачечного движения до начала XX в.

Для обоснования своих заключений он использовал «наиболее яркие и показательные эпизоды вековой борьбы рабочих с предпринимателями»[16] и среди них - Морозовскую стачку 1885 г. «Особенно же организованно, - писал он,- протекала знаменитая Морозовская стачка на Никольской мануфактуре Морозова в Орехове-Зуеве в 1885 г. Эта забастовка привлекла внимание общества к рабочему вопросу и заставила правительство предпринять некоторые шаги к улучшению положения рабочих»[17]. На примере этой стачки автором была показана борьба стихийности и сознательности в выступлениях рабочих 80-х годов.

Изучение различного рода источников по истории рабочего движения позволило исследователю прийти к новому для того времени выводу о том, что «уже в 60-е годы делалась попытка вести революционную пропаганду среди рабочих; однако эти попытки были разрозненными». А систематическая и планомерная пропаганда среди рабочих, по его мнению, началась лишь с 70-х годов, когда в городах «революционеры организуют ряд кружков из рабочих»[18].

В этой книге, более полно раскрывающей проблему соотношения и взаимодействия рабочего и народнического движения, Козьмин отмечал большое положительное значение народовольческой пропаганды среди рабочих, считая, что она «принесла большие плоды. Из организованных ими (т.е. народовольцами. - *Т.М.*) кружков вышел ряд рабочих, принявших деятельное участие в революционной борьбе, беззаветно преданных своему делу и поражавших всех, с кем им приходилось сталкиваться, своим умственным развитием»[19]. При общей объективности этой оценки она учитывала лишь одну сторону воздействия народничества на рабочих. В данном случае исследователь не принял во внимание слабостей самого народовольческого движения, его идеологических установок, исключавших возможность пробуждения классового сознания пролетариата. Такой взгляд Козьмина на проблему обусловливался отчасти недостаточной изученностью самого разночинского движения 70-80-х годов в период написания рассматриваемой книги.

Проанализировав стачечное движение рабочих до революции 1905 г., Козьмин пришел к выводу, что «в начале XX века русское рабочее движение вышло из фабричных дворов и казарм на улицы городов. Частые массовые демонстрации, происходившие не только в громадных промышленных центрах, но и во многих захолустных уголках русской провинции, имели громадное агитационное значение, выводя революционное движение из нелегального подполья... Участие рабочего класса в политической борьбе скрепило его связи с нелегальными партиями»[20]. Небольшая по объему брошюра вместила в себя и анализ большого фактического материала, и ряд обобщающих выводов, внесших определенный вклад в только начинавшееся изучение рабочего движения. В ней были использованы новые данные о положении рабочих и их борьбе с капиталистами.

Выбирая темы для своих исследований, Козьмин придерживался принципа, который был им выработан еще в начале 20-х годов. Он всегда уделял особое внимание тем вопросам, которые вносили новое в разработку проблем революционного движения, давали интересный и свежий материал для размышления исследователям этой темы, вводили в оборот новые источники. Так, о его заметке по истории рабочего движения в Москве и Московской губернии в 70-х годах в редакционном примечании было сказано, что это - «сообщение (по неопубликованным до сих пор материалам) о волнениях рабочих в Московской] губ[ернии], до сих пор неизвестных в литературе». По мнению редакции журнала «Вестник труда», в котором была опубликована заметка, ценность ее состояла в том, что «она рисует выступления переходного от волнений крепостной эпохи к более или менее оформленному движению "свободных" рабочих»[21]. В этом сообщении наряду с публикацией архивных документов Козьмин предпринял попытку провести научный анализ стачечного движения в Москве и Петербурге в 70-х годах XIX в. По его мнению, несмотря на то, что петербургские стачки того периода выливались в более резкие формы, охватывали большое количество участников, имели несравненно более важное значение в истории русского рабочего движения, чем московские, пропаганда революционных кружков среди петербургских рабочих имела большие масштабы, а связи между революционерами и рабочей массой в Москве были значительно слабее, все же «история рабочего движения в России не может пройти мимо московских стачек 70-х

годов»[22]. На сбор и изучение точных сведений о московском рабочем движении тех лет, на разработку этой темы предлагал он направить усилия и других советских историков.

В середине 20-х годов Козьмин принял активное участие в работе над сборниками, включавшими биографии виднейших деятелей. О важности подобных изданий справочного характера он писал еще в начале 1922 г., рецензируя указатель А.А.Шилова по истории русского революционного движения. Он сожалел о том, что историкам, занимающимся этой проблемой, приходится испытывать «непреодолимые затруднения... из-за отсутствия в нашей литературе соответствующих библиографических указателей и справочников»[23]. При подготовке сборников биографий Козьмин не только отредактировал их, но и написал к ним статьи, в которых осветил рабочее движение 70-х и 90-х годов[24].

Исследуя процесс революционного движения во всех его проявлениях на различных этапах, ученый обратился и к началу XX в., к тому периоду, когда правительство, чтобы расколоть пролетарское движение изнутри и изолировать его от влияния революционных социал-демократов, стало проводить политику так называемого «полицейского социализма» - зубатовщины. Одним из первых исследуя корни зубатовщины, Козьмин сделал ряд ценных наблюдений. В частности, он писал, что «зарождение и расцвет зубатовщины по времени почти совпали с зарождением и расцветом того направления нашего рабочего движения, которое известно под названием "экономизма" и которое характеризовалось стремлением уложить рабочее движение в рамки борьбы исключительно экономической, а не политической». Зубатовщина, по мнению Козьмина, по сути была своеобразной «попыткой задержать развитие рабочего движения на стадии борьбы исключительно экономической... Рабочее движение быстро переросло в экономизм и зубатовщину»[25]. Политику самодержавия Козьмин характеризовал как «отчаянную попытку взять рабочее движение в свои руки, освободив его от влияния нелегальных партий»[26]. На большом фактическом материале и со свойственной ему обоснованностью аргументации он показал, что «полицейский социализм» представлял собой реальную угрозу для пролетарской борьбы, имея цель подчинение рабочего движения буржуазной идеологии, развращение сознания пролетариата и отвлечение его от революционной борьбы. Козьмин рассмотрел вопрос о вовлечении рабочих в зубатовские организации, неблаговидную роль в этом деле отдельных бывших участников рабочего движения, ставших, по сути, агентами полиции (в частности, М.Афанасьева и Ф.Слепова)[27].

В 20-х годах явно наметилось расширение исследовательских интересов Козьмина. Можно предположить, что он стремился раздвинуть рамки изучения рабочего движения, вписать его в более широкую общую панораму исследований, понять его взаимодействие с другими общественными течениями. Результатом его творческих исканий явилась целая серия упомянутых статей и публикаций. Помимо собственных книг, он проводил большую работу над исследованиями других авторов по проблемам рабочего класса, его борьбы и формирования идеологии. В его рецензиях зачастую не только содержался анализ рассматриваемой книги, но и высказывались собственные суждения по ряду затронутых в ней проблем.

Борис Павлович нацеливал историков на правильное понимание классовых основ, специфики пролетарского движения, критиковал ошибочные взгляды (например, экономические тенденции в работах М.Гордона и К.Тахтарова)[28], требовал более точных формулировок, делал серьезные замечания по поводу структуры книг[29], предостерегал от «чисто внешнего изложения событий» без глубоких авторских выводов[30]. Он призывал советских историков основывать их выводы на точных, тщательно выверенных фактах: «Научное изучение истории революции (что справедливо отнести и к более мелким событиям пролетарской борьбы) необходимо должно начинаться с установления фактической стороны изучаемых событий»[31].

Творчески работая над книгами других авторов по интересовавшей его тематике, Козьмин отмечал их достоинства и отдельные недостатки, нередко вступая с ними в полемику и со свойственной ему аргументацией отстаивал свое мнение[32]. Так, в рецензии на книгу А.Гамбарова по рабочему движению 70-х годов Козьмин писал, что она не соответствует своему назначению (дать общую картину русского рабочего движения для читателя из рабочей молодежи) ни по стилю, ни по большому количеству имевшихся в ней ошибок и неточностей[33]. Книга А.Туна «История революционных движений в России», по его мнению, была «устаревшей и изобилующей неточностями и ошибками». Объясняя издание такой книги «отсутствием исследований советских историков на эту тему», рецензент призывал специалистов к разработке истории революционных движений на основе «опубликованных исторических материалов»[34]. Следует отметить, что Козьмин всегда приветствовал издания документов по истории освободительного движения, его рецензии на выходившие в свет сборники полны благожелательства (такие, как рецензии на «Сборник статей по пролетарской революции и праву», на книги «Архива истории труда в России», изданные в 1921-1923 гг.[35]) и дельных советов. Оценивая значение журнала «Пролетарская революция» весьма положительно, рецензент при рассмотрении опубликованных в нем документов по истории рабочего движения заметил: они «выиграли бы много в интересе, если бы они печатались не в разрозненном виде. а в связи с другими документами по тем же вопросам. Это давало бы более полное и точное освещение событиям». А материалы по истории контрреволюции Б.П.Козьмин считал целесообразным сопроводить «достаточно подробными комментариями»[36]. Последнее пожелание высказывалось им довольно часто, поскольку он считал, что это сделает издания документов доступными для более широкого круга читателей[37].

Авторам рецензируемых работ Козьмин настоятельно советовал шире и полнее использовать новые источники, что позволило бы им более глубоко осветить избранную тему. Так, положительно оценивая книгу П.М.Экземплярского «Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске», он писал: «Если бы автор отнесся внимательнее к литературным источникам, ему не пришлось бы начинать изучение стачечного движения с 1879 г., когда вспыхнула известная забастовка на фабрике Зубкова; ему было бы известно, что забастовки рабочих происходили в Иваново-Вознесенске и в более ранние времена). В подтверждение своих слов Козьмин ссылался на свидетельство экономиста В.П.Безобразова, изучавшего ивановскую промышленность в 1861 г. Указывал он также, что к отбору источников надо подходить критически, более строго и с научной точки зрения оценивать революционные события и деятельность отдельных революционеров[38]. Вместе с тем он предостерегал авторов от возможности стать собирателями фактов, указывая на то, что нельзя начинать книгу «сырым материалом», без надлежащего научного анализа[39].

Козьмин подверг серьезной критике и книгу Центрархива под редакцией В.В.Максакова и В.И.Невского о южнорусских рабочих союзах. Борис Павлович отметил, что заглавие работы шире содержания, недостаточно ясен принцип отбора материалов и т.д. Сам уделявший большое внимание четкости формулировок, он призывал следовать этому и других историков. По поводу вступительной статьи Невского он писал, что вывод последнего, будто бы В.П.Обнорский принимал участие в союзе Е.О.Заславского, не подкреплен «достаточно фактическими доказательствами. Из воспоминаний одного из участников Союза Заславского, М.П.Скверн, мы знаем, что Союз этот организационно оформился летом 1875 года; до этого была пропаганда среди рабочих, были группы распропагандированных рабочих, но Союза как организации, действующей на основании определенной программы, еще не существовало»[40].

Работа с источниками для Козьмина представляла одну из важнейших частей творческого процесса. Поэтому он одобрял и всячески поддерживал издания сборников документов и материалов, при этом и сам нередко принимал участие в их подготовке. Стремясь глубоко раскрыть избранную тему, он проявлял интерес к разного рода источникам. [Б.П.Козьмин и сам нередко выступал подготовителем при публикации отдельных архивных материалов, например письма студента Соколова и записки «Восстание армии», опубликованных в «Историко-революционном бюллетене» (1922. № 2-3. С.33-42).]

Так, по поводу воспоминаний В.С.Панкратова он писал: они «интересны и ценны не только потому, что они знакомят нас с тем, как была налажена и в каких формах протекала работа народовольцев среди рабочих, но и потому, что они содержат в себе много материала, ярко характеризующего настроения самих рабочих описываемого автором времени (т.е. первой половины 80-х годов XIX в.)»[41].

В 20-е годы Козьмин уделял большое внимание книгам, посвященным истории рабочего класса, его борьбы и идеологии. В рецензиях на них он призывал исследователей к более активной работе с источниками. Зачастую имевшиеся в книгах по интересовавшей его тематике недостатки, неточности и недочеты он объяснял неправильным подходом к этой работе[42].

Так, по поводу книги С.А.Айнзафта о зубатовщине и гапоновщине Козьмин писал: «Работа С.Айнзафта основана исключительно на печатных источниках, причем некоторые из них остались им неиспользованными. Пополнить сведения, имеющиеся в литературе, данными, почерпнутыми из архивов, автор не ставил себе задачей». Отсюда, считал рецензент, невыясненность ряда важных для раскрытия темы вопросов (например, о личности Гапона). В той же рецензии, упоминая книгу Л.Заславского «Зубатов и Маня Вильбушевич», он отмечал: «Использованная Заславским переписка Зубатова с Вильбушевич представляет большой интерес как для характеристики зубатовского полицейского социализма, так и для ознакомления с незаурядной фигурой руководительницы независимой раб[очей] партии»[43].

Таким образом, даже рецензируя работы других авторов, Козьмин продолжал намеченную им для себя разработку пролетарской тематики. Давая критический обзор книг М.Балабанова, Н.Батурина, А.Гамбарова и сборника статей под редакцией М.Равича-Черкасского, Борис Павлович придерживался принципа объективности и называл вещи своими именами. Так, книгу Балабанова он признал «весьма ценным вкладом в историю нашего рабочего движения», а сборник под редакцией Равича-Черкасского - «работой не столько пера, сколько ножниц»[44]. Вступительная статья ответственного редактора, по мнению Козьмина, «делает выпущенный им сборник изданием вредным»[45]. Раскритиковав шовинистический дух статьи, он писал, что подход Равича-Черкасского к изучению истории России «не имеет ничего общего с марксистским изучением истории», в частности опроверг положение о том, что южные рабочие союзы были союзами «украинскими»: «Это совершенно неверная постановка вопроса. Южные рабочие союзы 70-х годов имели не украинский, а общерусский характер»[46]. Брошюра U.Батурина, по мнению рецензента, «общей картины рабочего движения... не дает», но, однако, является «очень ценным пособием для читателей, начинающих знакомиться с историей рабочего движения 70-х годов». Брошюра Гамбарова, считал он, «дает не отдельные моменты, а общую картину рабочего движения 70-х годов», но при этом отмечал тяжелый язык изложения и ряд неверных утверждений (например, о том, что вся сила эксплуатации труда капиталом обрушилась исключительно на фабричный пролетариат, а не на заводской; о противопоставлении «чайков-цев» народникам и др.)[47].

На рубеже 20-30-х годов окончательно определилась специализация Козьмина в области истории революционного движения и общественной мысли разночинского этапа освободительной борьбы России. С 30-х годов историк отходит от непосредственной разработки темы пролетариата, выступая с исследованиями, посвященными крупнейшим мыслителям 60-70-х годов, революционным организациям того периода. Однако, анализируя наследие Козьмина за период 30-50-х годов, можно сделать вывод, что его работа в области истории пролетариата оказала определенное воздействие на тематику его научных трудов последующего периода, посвященных революционному движению разночинцев. Прежде всего это сказалось на самом подходе к исследованиям разночинского периода, который он всегда рассматривал в тесной связи с пролетарским этапом рабочего движения. В центре внимания исследователя постоянно находилась проблема преемственности этих двух этапов освободительной борьбы - будь то его статьи и публикации о революционных демократах 60-х годов или работы о революционных организациях и идеологах народничества 70-х годов, везде он сосредоточивался на том идейном наследии разночинского этапа, которое принимали и от которого отказывались последующие поколения революционеров[48].

С этой точки зрения в работах Козьмина рассматривались и кардинальные вопросы народнической идеологии: капитализм в России, классовая структура пореформенного общества и т.д. Думается, на характеристиках и выводах Козьмина по этим проблемам во многом сказался подход исследователя пролетарского этапа освободительного движения, которому был ясен утопизм допролетарской идеологии.

Об интересе Козьмина к проблемам формирования идеологии представителей различных течений освободительного движения в России говорит и его обращение к книге о первомартовцах. Рецензируя ее, он указал, что некоторые руководители первомартовцев, хотя и не отказывались от террористической борьбы, но уже «находились под несомненным влиянием начавших то время проникать в Россию идей марксизма»[49]. Это говорит о том, что процесс выработки правильного пути у революционеров на различных этапах развития освободительного движения был весьма сложным и противоречивым, а потому не поддается однозначной оценке. Анализируя на примере П.П.Червинского мировоззрение прогрессивной интеллигенции 70-х годов, Борис Павлович пришел к следующему выводу: «Экономическая отсталость России, слабое развитие фабрично-заводской промышленности, малочисленность рабочего класса явились причинами, помешавшими русской интеллигенции 70-х годов сделать то, что выпало на долю интеллигенции следующих десятилетий: усвоить теорию Маркса как классовое учение пролетариата и сообразно с этим построить план своей революционной деятельности»[50].

Именно с этих позиций Б.П.Козьмин подробно исследовал миросозерцание Д.И.Писарева. В одной из посвященных ему статей Борис Павлович писал, что в 60-е годы XIX в. «мыслящий пролетариат», т.е. прогрессивная интеллигенция, уже был настроен на борьбу с существующими порядками, но ему нужен был надежный союзник. Однако, констатировал он, «фабрично-заводского пролетариата у нас в то время еще почти не было. Приходилось действовать исключительно своими силами. Это, с одной стороны, создавало почву, благоприятную для развития идей якобинского характера, а с другой - делало заранее обреченной на поражение ту борьбу, в которую "мыслящий пролетариат" вступал с современным ему общественным укладом»[51].

Оценивая взгляды П.Н.Ткачева, П.Л.Лаврова и других идеологов народничества, Борис Павлович категорически возражал против приписывания им отдельных черт марксистской идеологии, считая ее пролетарской. Так, изучая революционную деятельность и социально-политические взгляды П.Н.Ткачева, он пришел к выводу о том, что, «хотя Ткачев и был знаком с сочинениями Маркса, он не мог полностью усвоить идеи последнего. В России его времени не было в наличности тех условий, которые необходимы для распространения марксизма как идеологии промышленного пролетариата»[52].

Новый этап в научной биографии Б.П.Козьмина начался примерно со второй половины 30-х годов. К тому периоду относится его огромная работа по подготовке к публикации сочинений Н.А.Добролюбова, Н.Г.Чернышевского, П.Н.Ткачева и других идеологов освободительного движения. Одновременно он занимался мемуарной литературой. Им были обработаны воспоминания В.И.Засулич, Н.И.Кулябко-Корецкого, Е.Н.Водовозовой[53] и др. Думается, изучение жизни и деятельности революционных и общественных деятелей помогало Козьмину проследить, как в условиях жестоких преследований царизма, через периоды революционных подъемов и сменяющей их реакции неустрашимые борцы вели рабочих и крестьян к победному Октябрю.

Много времени и сил Борис Павлович уделял и литературоведческой работе. Но даже в его исследованиях, посвященных истории русской журналистики или деятельности писателей и публицистов 70-80-х годов XIX в., можно заметить отдельные «отступления» к пролетарской тематике. Так, анализируя прогрессивную печать и ее крупнейших представителей того периода, он всегда учитывал их «революционизирующее влияние на пролетарские массы». С этой точки зрения он изучал работу М.Е.Салтыкова-Щедрина в «Отечественных записках», произведения которого, по его мнению, «находили себе читателей не только среди интеллигенции, но и в рабочей среде»[54].

О влиянии передовой русской журналистики на пролетариев говорил Б.П.Козьмин и в своих лекциях в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), приводя в доказательство этого цитату из приветствия членов петербургских рабочих кружков писателю Н.В.Шелгунову, редактору «Очерков русской жизни». «...Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы. Те же рабочие, которые поняли это, будут бороться без устали за лучшие условия. Вы выполнили Вашу задачу - Вы показали нам, как вести борьбу»[55]. Под таким же углом зрения освещал Козьмин журнально-публицистическую деятельность А.И.Герцена в журналах «Полярная звезда» и «Колокол», работу журнала «Современник»[56].

Постоянный интерес Козьмина вызывала проблема взаимодействия русского революционного движения и рабочего движения на Западе. В ранних работах он указывал, что процессы развития освободительного движения в России весьма схожи с аналогичными процессами в странах Европы, осуществляются они по тем же законам и имеют под собой ту же почву. Результатом глубокого и всестороннего изучения этой проблемы явилась фундаментальная работа Бориса Павловича «Русская секция Интернационала». На ее примере он хотел «выяснить и те пути, которые вели русских революционеров к признанию необходимости строить свою работу в соответствии с опытом Интернационала, и степень приближения тогдашних русских революционеров к правильному пониманию задач и тактики этой международной организации, или, другими словами, революционной теории Маркса, лежавшей в основе всей ее работы»[57]. Оценивая деятельность Русской секции как «проявление интернациональной революционной солидарности, связавшей уже тогда трудящихся различных в экономическом, политическом и культурном отношении стран», Козьмин считал: идейный крах тех революционеров обусловился тем, что они «подходили к изучению явлений общественной жизни с чисто идеалистических позиций», что «их участие в западноевропейском рабочем движении и в работе Интернационала не помогло им понять историческую роль пролетариата; не понимали они и закономерности возникновения и развития капитализма». Сосредоточив внимание на пролетарской борьбе рабочих стран Запада, деятели Русской секции не оценивали аналогичных течений в России, тогда как, по словам Козьмина, уже «в шестидесятых годах в самой России начиналось, правда, в весьма еще скромных размерах, рабочее движение, выливавшееся в формы стачечной борьбы». К тому же времени относил Борис Павлович и «первые случаи революционной пропаганды среди рабочих»[58]. Таким образом, господствовавшему в те годы среди историков взгляду на Русскую секцию как на полностью марксистскую организацию он противопоставил свое собственное, более точное суждение.

Тесно связывая развитие идеологии освободительного движения с состоянием производительных сил в стране, Козьмин отмечал, что «ознакомление с общественно-политическими взглядами членов Русской секции убеждает в том, что на них ярко отражалось недостаточное развитие капиталистических отношений в России того времени, а также состояние пролетариата»[59]. Исследование Козьмина, внесшее свой вклад в разработку проблем взаимодействия и взаимовлияния теории и практики освободительной борьбы, было для того времени новаторским. Такой всесторонний подход к исследованию темы характерен для всех работ Бориса Павловича.

После XX съезда КПСС Козьмин, как и ряд других историков российского освободительного движения, продолжил научную разработку истории революционно-народнической борьбы. В этот период им была опубликована статья «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения». В ней революционное народничество 70-х годов рассматривалось в тесной связи с теми глубинными процессами, которые происходили в толще народных масс. Одним из рассмотренных в статье вопросов был вопрос о влиянии народнического движения на пролетарские массы. Отмечая, что в 70-х годах активизировалась «работа революционеров в крестьянской и особенно рабочей среде», он писал, что «она имела большое историческое значение. Она поднимала

идейный уровень затронутых пропагандой рабочих, втягивала в революционную борьбу сотни людей, ранее к ней не причастных, превращала этих людей в вожаков рабочей массы, вносивших элементы сознательности в стихийное стачечное движение»[60].

Следует отметить, что и эта статья и другие работы Козьмина последних лет отличались особой творческой разработкой ленинского теоретического наследия. Все свои выводы и оценки по важнейшим проблемам исследования он соотносил с положениями В.И.Ленина. В дальнейшем Борис Павлович планировал написать специальное исследование по теме «Ленин о буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России». Этот труд, несомненно, представлял бы немалый интерес и для историков рабочего движения, поскольку в нем предполагалась пропаганда ленинской методологии исследования периода зарождения пролетарской борьбы.

Занимаясь в основном революционной теорией, Козьмин уделял немало внимания и практике революционной борьбы. В общей сложности он посвятил различным вопросам истории рабочего движения девять специальных исследований, которые, как и другие труды ученого, отличались всесторонним подходом к теме, аргументированностью выводов, тщательным подбором фактического материала[61]. К его мнению, заслуживающему внимания, советские историки прислушивались и с уважением относятся до сих пор, поскольку он всегда основывал свои выводы «на весьма серьезных доводах»[62].

Б.П.Козьмин внес немалый вклад в разработку истории рабочего движения на начальном этапе. Правда, его творческие планы в полной мере не осуществились, но и тот след, который он оставил в советской исторической науке, весьма заметен. Его труды, содержащие ценную информацию для историков освободительного движения и пролетарской борьбы в России, насыщенные богатым фактическим материалом, подкрепляющим весомые научно обоснованные выводы и наблюдения, не утратили своей значимости и в наше время.

1 См.: Павлов Б. (Козьмин Б.П.) Из истории новейшей литературы по истории рабочего движения и марксизма в России // Вестник жизни. 1919. № 3/4. С.139.

2 Павлов Б. Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги. М., 1918. Переиздание — в Омске в 1920 г.

3 Там же. С.10.

4 Там же. С.13.

5 Там же. С.16—17.

6 Козьмин Б. Северный Союз русских рабочих (к сорокалетнему юбилею // Вестник жизни. 1919. № 3—4. С.44—
45.

7 Козьмин Б. [Рецензия] // Печать и революция. 1924. Кн. 4. С.201. Рец. на кн.: Панкратов В. С.Воспоминания. Как приходилось работать среди рабочих в 1880—1884 годах. М., 1923.

8 Козьмин Б. [Рецензия] // Каторга и ссылка. 1925. № 8. С. 270. Рец. на кн.: Гамбаров А. У истоков. Рабочее движение в России 70-х годов. М.; Л., 1925.

9 Павлов Б. Пролетарская борьба в России до революции 1905 г. М., 1919. С.11. Переиздание — в Киеве в 1921 г.

10 Там же. С.16.

11 Там же. С.17.

12 Вестник жизни. 1919. № 3—4. С.44—45.

13 Козьмин Б. [Рецензия] // Историко-революционный вестник. 1922. № 1(4). С.91. Рец. на кн.: Архив истории труда в России. Кн. 1—3. Пг., 1921—1922.

14 Вестник труда. 1925. № 10. С.191—192.

15 Козьмин Б. Рабочее движение в России до революции 1905 г. М., 1925. Переиздание — в Харькове в 1926 г.

16 Там же. С.33.

17 Там же. С.75.

18 Там же. С.44.

19 Там же. С.53.

20 Там же. С.94.

21 Козьмин Б. К истории рабочего движения в Москве и Московской губернии в 70-х годах // Вестник труда. 1925. Кн.2. С.224.

22 Там же. С.225.

23 Козьмин Б. [Рецензия] // Каторга и ссылка. 1923. С.256—258. Рец. на кн.: Шилов А.А. Что читать по истории русского революционного движения. Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Пг., 1922.

21 Козьмин Б. Рабочее движение семидесятых годов // Рабочее движение в России. Биографии виднейших деятелей. Харьков, 1926. Вып. 1; Он же. Рабочее движение второй половины восьмидесятых и девяностых годов // Там же. Харьков, 1926. Вып. 2. 3? Козъмин Б. П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М., Л., 1928. С.5—6.

26 Козьмин Б. Рабочее движение в России в XIX веке. Харьков, 1926. С.95.

27 Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. С.20.

28 Козьмин Б. [Рецензия] // Востник труда. 1924. № 5. С 314—315.— Рец. на кн.: Гордон М. Очерки экономической борьбы рабочих в России. Из истории волнений и забастовок. Л., 1924; Тахтаров К. М. Рабочее движение в Петербурге (1893—1903). По личным воспоминаниям и заметкам. Л., 1924 // Там же. № 9. С.168—169.

29 Козьмин Б. [Рецензия] // Каторга и ссылка. 1925. № 2(15). С.250—253. Рец. на кн.: Южнорусские рабочие союзы / Под ред. В.В. Максакова и В.И.Невского. М., 1924; Он же [Рецензия] // Вестник труда. 1923. № 5. С.134. Рец. на кн.: Шляпников А. Семнадцатый год. М., 1923. Кн. 1; Он же [Рецензия] // Там же. № 6—7. С.184, 186. Рец. на кн.: К двадцатилетию первого съезда партии (1898—1923 гг.). М., 1923; Он же [Рецензия] // Вестник труда. 1926. № 78. С.225—226. Рец. на кн.: Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч.3. Капиталистическая Россия. М., 1926.

30 Козьмин Б. [Рецензия] // Вестник труда. 1927. № 4. С.153. Рец. на кн.: Прилежаева Б. Русские рабочие в революционном движении 70-х годов. Л., 1927.

31 Козьмин Б. [Рецензия] // Вестник труда. 1923. № 6—7. С.188.— Рецензия на книгу: Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий). Т.1. Январь — апрель. М., 1923.

32 См: Козьмин Б. [Рецензия] // Вестник труда. 1923. № 6—7. С.189—190. Рец. на кн.: Равич-Черкасский М. История коммунистической партии (б-ов) Украины. Б.м., 1923; Он же [Рецензия] // Там же. 1927. № 3. С.155—156.— Рец. на кн.: Пажитнов А. Очерки по истории рабочего класса на Украине. Б. м., 1926; Он же [Рецензия] // Там же. 1926. № 9. С.150.— Рец. на кн.: Балабанов М. Как возник и развивался рабочий класс в России. М., Л., 1926.

33 Козьмин Б. [Рецензия] // Каторга и ссылка. 1925. № 8(21). С. 270. Рец. на кн.: Гамбаров А. У истоков.

34 Козьмин Б. [Рецензия] // Вестник жизни. 1917. № 6—7. С.177—178. Рец. на кн.: Тун А. История революционных
движений в России. Пг., 1918.

Ч Вестник жизни. 1919. № 6—7. 172—173; Историко-революционный вестник. 1922. № 1(4). С.91—92; Каторга и ссылка. 1923. Кн. 5. С.252; 1924. Кн. 1(8). С.251—153.

36 Вестник труда. 1921. № 12(15). С.183—184.

37 Рец. на кн.: Группа «Освобождение труда» (Из архивов Г.В.Плеханова, В.И.Засулич и А.Г.Дейча). М., 1924 //
/Вестник труда. 1924. № 6. С.232; Старая гвардия: Сб. воспоминаний и материалов о подпольной работе русских марксистов 90-х годов. М.; Л., 1926 // Там же. 1926. № 9. С.147— 148.

38 Рец. на кн.: Экземплярский П.М. Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске. Вып.1. Иваново-Вознесенск. 1924 // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 1(14). С.271—272.

39 См.: рец. на кн.: Пажитнов А. Очерки по истории рабочего класса на Украине // Вестник труда. 1927. № 3. С.156.

40 Рец. на кн.: Южнорусские рабочие союзы // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 2(15). С.251.

41 Печать и революция. 1924. Кн. 4. С.201.

42 См.: рец. на кн.: Дембо В. Первая массовая организация рабочих в России: К 50-летию «Южнороссийского Союза рабочих» (1874—1875). М., 1925 // Каторга и ссылка. 1926. Кн.4(25). С.269-270.

43 Рец. на кн.: Айнзафт С.А. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1922 // Каторга и ссылка. 1924. Кн.1(8). С.253 254.

44 Рец. на кн.: Балабанов М. К истории рабочего движения на Украине. Киевский рабочий в революционном движении 70—80-х годов. Южнорусский Рабочий Союз. Б. м., 1925; Южнорусские рабочие союзы: Сб. статей под ред. М. Равича-Черкасского. Б.м., 1925; Батурин Н. Очерки по истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. 2-е изд. М.; Л., 1925; Гамбаров А. У истоков // Вестник труда. 1925. № 10. С.191-193.

45 Там же. С.192.

46 Там же.

47 Там же. С.193.

48 См : Козъмин В. П. От девятнадцатого февраля к первому марта. Очерки по истории народничества. М., 1933.

49 Рец. на кн.: 1 марта 1887 г. Дело П.Шевырева, А.Ульянова, П.Андреюшкина, В.Генералова, В.Осипанова и др. С предисл. А.И.Елизаровой. М.; Л., 1927 // Печать и революция. 1927. Кн.5. С.161—162.

50 Козьмин Б.П. От девятнадцатого февраля к первому марта. С. 185.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ
М.: Наука, 1990
Б.П.Балуев
Е.Л.Рудницкая
С.В.Мироненко
Т.В.Милявская
О.В.Будницкий
Б.М. Шахматов
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

51 Козьмин Б.П. Писарев и социализм // Козьмин Б. П. Литература и история: Сб. статей. М., 1969. С.327.

52 Козъмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С.380.

53 См.: Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931; Кулябко-Корецкий Н. Из давних лет. Воспоминания лавриста. М., 1931; Водовозова Е. Н. На заре жизни. Воспоминания. М., 1934.

54 Козьмин Б.П. Русская журналистика 70-х и 80-х годов. XIX века. Стеногр. лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948. С.16.

55 Там же. С.32.

56 Козьмин Б.П. Журнально-публицистическая деятельность А.И.Герцена. «Полярная звезда» и «Колокол». Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952. С.48; Он же. Журнал «Современник» — орган революционной демократии. Журнально-публицистическая деятельность Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М., 1957. С.42.

57 Козъмин Б. П. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, С.3.

58 Там же. С.41, 42, 373.

59 Там же. С.379.

60 Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России, С.700—701.

61 Об этом см.: Виленская Э.С. Мастерство ученого // Козьмин Б. Литература и история. С.3—4.

62 Итенберг Б.С. Группа «Освобождение труда» и П.Л.Лавров // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984. С.115; Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С.126.

Олег Витальевич БУДНИЦКИЙ

ИСТОРИЯ «НАРОДНОЙ ВОЛИ» в ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая российская революция вырвала у самодержавия (хотя и ненадолго) относительную свободу печати, Современник, вернувшийся в Россию в первые дни «свободы», после более чем 20-летней эмиграции, был поражен зрелищем, представшим ему на Невском проспекте: «Я увидел бесчисленные стойки и лотки газетчиков и торговцев брошюрами, придававшие вид книжной ярмарки широким панелям по обеим сторонам проспекта; когда мой искренне удивленный взгляд упал на шебуевский “Пулемет", который изображал кровавую руку Тренева, захватавшую красными пятнами царский манифест 17-го (30-го) октября, на юрицынский "Жупел", пригвоздивший в первом же рисунке к императорскому престолу, словно к позорному столбу, двуглавого орла Романовых, я почувствовал, что в данный момент Россия была воистину самой свободной страной в мире»[1].

Революция приоткрыла цензурную завесу над «потаенной» историей России - прежде всего историей революционного движения. Вскоре после манифеста 17 октября документы и материалы, посвященные революционному движению недавнего прошлого, буквально хлынули на страницы журналов и газет. В 1906-1907 гг. выходит первый русский легальный историко-революционный журнал «Былое» (СПб., № 1-22); публикуются серии документов и материалов по этой теме - «Русская историческая библиотека» издательства «Донская речь» (Ростов н/Д; СПБ. Вып.1-21); «Историческая библиотека» С. М. Проппера (бесплатное приложение к «Биржевым ведомостям» (СПб., 1906, вып.1-32; 2-е изд. СПб., 1907); масса отдельных историко-революционных книг и брошюр - сборники документов, воспоминания, биографии и т.д. В легальной печати начинается активная публикаторская и исследовательская деятельность по истории «Народной воли» - теме, совсем недавно являвшейся совершенно запретной.

Таким образом, в числе многообразных воздействий, которые оказала революция на жизнь России, было и влияние на историческую науку. Однако не только революция оказала влияние на изучение истории. Наблюдалось и обратное. Публикации по истории революционного движения способствовали политическому просвещению масс, разоблачали преступления самодержавия. Опыт революционеров прошлого мог принести практическую пользу действующим революционерам.

Настоящая статья посвящена политической роли истории «Народной воли» в эпоху первой русской революции - как составной части революционной борьбы. Рассматривается также идейная борьба вокруг народовольческого наследия, карательная политика самодержавия по отношению к прогрессивной историко-революционной печати.

В идейной борьбе 1905-1907 гг. играли роль история и традиции всего русского освободительного движения. Однако вокруг наследия «Народной воли» развернулись наиболее ожесточенные споры в связи с попытками эсеров возродить (с некоторыми изменениями) отдельные теоретические и тактические положения народовольчества.

Издания, затрагивавшие историю «Народной воли», были различны по политической окраске и научному уровню. Наряду с идейными изданиями к «модной» теме обращались те, которые «бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю - демократической дешевой брошюрой»[2]. Однако преобладали, несомненно, первые.

В 1906-1907 гг. дважды издавались сборники «Литература партии "Народной воли"» - в Петербурге, в составе «Русской исторической библиотеки» «Донской речи» (СПб., 1906, вып.I, б.г.; 1907, вып.II - с некоторыми сокращениями, составитель - В.Я.Богучарский) и в Москве (издательство «Борьба и право». 1907). В составе сборников перепечатаны народовольческие издания - газеты «Народная воля» и «Рабочая газета», «Листки "Народной воли"», прокламации. Программные документы «Народной воли» публиковались также в «Былом».

Политическая острота публикации народовольческой литературы объяснялась тем, что во многом требования, выдвигавшиеся в программных документах партии, оставались актуальными и для эпохи 1905-1907 гг. Все еще далеки были от претворения в жизнь даже минимальные требования, сформулированные в «Письме Исполнительного комитета» Александру III (1881 г.): «...1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени... 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни». Причем выборы должны были производиться без всяких классовых и сословных ограничений, в условиях полной свободы слова, печати и сходок[3].

Насколько далеки «свободы» и «права», «дарованные» царским манифестом, от минимальной программы народовольцев. Не менее актуальны были такие требования из «Программы Исполнительного комитета», как: «...4) принадлежность земли народу; 5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики»[4]. Многие статьи из «Народной воли» звучали политически злободневно, казались написанными не 20-25 лет назад, а в связи с текущими событиями: «...самодержавие отжило свой век, оно не в силах больше принести ничего хорошего ни народу, ни обществу ...а потому неустанная, неумолимая борьба против него в лице всех его представителей, борьба без пощады и без перемирия - есть священнейший долг всего живого и честного на Руси»[5].

Преемником народовольцев в борьбе против самодержавия явилась российская революционная социал-демократия. В.И.Ленин еще в период борьбы против «экономизма» подчеркивал эту преемственность, ссылаясь на «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», в котором говорилось, что «Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли»[6]. «Главной политической задачей пролетариата, - писал Ленин в 1905 г., - нервом всей его работы, душой всей его организационной классовой деятельности должно быть доведение до конца демократической революции"[7].

Выдвигая ту же ближайшую задачу, что и народовольцы, большевики совершенно по-иному понимали расстановку классовых сил в революции. Довести революцию до конца, указывал В.И.Ленин, «в состоянии только пролетариат вместе с революционным крестьянством»[8]. Если для народовольцев участие народа в революции «желательно», но главные надежды связываются с деятельностью самой партии, то большевики, как подчеркивал Ленин в 1906 г., «всегда и все время говорили о завоевании власти именно массой народа, именно пролетариатом и крестьянством, отнюдь не тем или иным "сознательным меньшинством"»[9].

Власти «по достоинству» оценили перепечатку народовольческих изданий. В мае 1907 г. были конфискованы оба выпуска «Литературы партии "Народной воли"», вышедшие в № 9 и 10 «Русской исторической библиотеки». Мотивируя арест, наложенный на это издание, цензор К.Н.Осипов докладывал в Главное управление по делам печати: «...Все статьи листков "Народной воли", а в особенности "Рабочей газеты" имеют своей целью подорвать значение монархического принципа в России и, преследуя эту задачу при каждом случае, выражают дерзостное неуважение к Верховной власти вообще и наносят оскорбление памяти в бозе почивших императоров Александра II и Александра III»[10]. Позднее номинальный издатель сборников А.Н.Сурат был привлечен к суду С.-Петербургской судебной палатой за распространение печатных изданий партии «Народной воли», «в каковых печатных изданиях заведомо для подсудимого заключаются оскорбительные выражения для памяти деда ныне царствующего государя императора Александра II, дерзостное неуважение Верховной власти, а равно призыв к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя путем вооруженного восстания»[11]. Издатель был приговорен к полутора годам заключения в крепости, сборники - к истреблению, а издание «Русской исторической библиотеки» - к запрещению навсегда[12]. Однако конфисковать властям удалось лишь 77 экземпляров № 9 и 9 экземпляров № 10 «Русской исторической библиотеки». Остальной тираж (отпечатано было по 5 тыс. экземпляров каждого выпуска) уже разошелся[13]. Издание «Литературы партии "Народной воли"», вышедшее в Москве, было конфисковано немедленно[14].

В 1906-1907 гг. активно печатались материалы народовольческих процессов. Эти документы были особенно впечатляющими как потому, что раскрывали деятельность народовольцев, так и потому, что показывали в решительные, действительно роковые минуты героев революционной борьбы с наибольшей яркостью. На страницах демократической печати решалась и еще одна задача - разоблачение карательной политики самодержавия, подтасовок в ходе следствия и суда, использования показаний провокаторов, нарушения процессуальных норм, несоразмерности деяния и наказания и т.п.[16] Все это живо перекликалось с тем, что творилось в судах «конституционной» России в период разгула военно-полевой юстиции.

Современникам были известны и более страшные деяния власти - расстрел 9 января, кровавое подавление Московского восстания и др. Публикации историко-революционной печати существенно дополняли неприглядный исторический «портрет» самодержавия.

Публикации народовольческих процессов вызвали огромный общественный интерес. Отчет о процессе «16-ти» вышел в трех издательствах: «Якоре», С.М.Проппера и «Донской речи» (все - СПб., 1906)18. Также в трех петербургских издательствах (И.Балашова, «Свободного труда» и С.М.Проппера) вышло «Дело 1-го марта 1881 года»; кроме того, отчет о процессе был напечатан в Одессе, приговор и описание казни первомартовцев - в Нижнем Новгороде[17]. Отчет о процессе «20-ти» был напечатан в журнале «Былое» и вышел отдельной брошюрой в том же издательстве, что и журнал («Донская речь», Ростов н/Д, 1906)[18].

Печатались не только отчеты о процессах, но и воспоминания участников и очевидцев, письма осужденных, завещания. Подавляющее большинство подобных публикаций (как и других материалов по истории «Народной воли») появлялось в журнале «Былое», «радикальном, проникнутом в целом довольно смелой буржуазно-демократической тенденцией»[19]. Один из редакторов «Былого» писал Г.А.Лопатину по поводу публикации такого рода «личных» материалов: «...Вы спрашиваете, почему мы торопимся с помещением таких документов. Скажу Вам прямо: я встаю всегда на точку зрения среднего читателя - его такие вещи за душу хватают... ничто так не говорит его уму и сердцу, как эти "человеческие документы"»[20].

Успех журнала у читателей был велик. Тираж первых номеров достигал 30 тыс., впоследствии журнал расходился в 27-28 тыс.[21] Для сравнения: максимальный тираж наиболее популярного из «старых» исторических журналов - «Исторического вестника» - не превышал 12 тыс.[22] Публикации «Былого» явились откровением не только для широких масс, не имевших доступа к нелегальной печати, но и для лиц, достаточно осведомленных. Известный пушкинист и библиограф, в прошлом корреспондент герценовской «вольной печати», П.А.Ефремов сообщал В.Я.Богучарскому, одному из редакторов «Былого», о впечатлении, произведенном на него 1-м номером журнала: «мне 77 лет, спать надо в 11 ч [асов], а я зачитался до 5 ч [асов] утра»[23].

Е.В.Тарле писал Богучарскому о журнале: «...Я читаю "Былое", не отрываясь, пока не кончу, забрасывая все занятия, все чтения и т.п. И едва ли я один это делаю... Вообще этот ваш журнал - событие в умственной жизни русского общества, его нельзя читать без таких глубоких эмоций, каких от чтения почти никогда не испытываешь. "Бегство Алеши Поповича", показания о себе Веры Фигнер, воспоминания, Тыркова - все это стояло и стоит в уме и чувствуешь, что никогда этого не забудешь»[24].

Упомянутые Тарле воспоминания «первомартовца» А.В.Тыркова, кроме публикации в журнале, были изданы и отдельной брошюрой (Тырков А.В. К событию 1-го марта 1881 года. Ростов н/Д, 1907). На брошюру был наложен арест, и позднее она была представлена в качестве вещественного доказательства на процессе владельцев издательства «Донская речь». В воспоминаниях Тыркова, по мнению составителей обвинительного акта, «высказываются заведомо ложные о деятельности судебных и правительственных установлений сведения, возбуждающие в населений враждебное к ним отношение». Судейские чиновники цитируют в качестве доказательства такие фрагменты из воспоминаний, как «прокуратура обещала ему помилование и выудила из него все, что было можно... когда государственный преступник оказался в руках следственной власти, она впилась в него своими умелыми когтями» (о Рысакове. - *О.Б.*), или о положении политзаключенных: «...в течение более года их держали на положении испытуемых, морили голодом, не давали прогулок»[25]. И эти факты, ставшие общеизвестными в период революции, суд признал «заведомо ложными сведениями».

Судебное и административное преследование изданий, разоблачавших «подвиги» самодержавной Фемиды в борьбе с «Народной волей», велось как в годы революции, так и после ее поражения; причем арестовывались, запрещались, приговаривались к уничтожению не только материалы, исходившие от народовольцев, но и издания, содержавшие официальные отчеты о процессах, опубликованные ранее самим же правительством (Дело 1 марта 1881 года. СПб., 1906)[26].

На публикации по истории «Народной воли» реагировали как «власть предержащие», так и правая печать - от откровенно черносотенных изданий, на страницах которых народовольцев просто называли «преступными типами» или «убийцами»[27], до более пристойного консервативно-монархического «Исторического вестника», в котором историю недавнего прошлого извращали или приглаживали более тонко. Обращение консервативно-охранительной печати к историко-революционным сюжетам объясняется не только намерением дать свою интерпретацию событий, но и чисто конъюнктурными соображениями. Ведущий сотрудник «Исторического вестника» Б.Б.Глинский предрекал своему редактору еще до «свобод»: «...предстоящий 1906 год будет для Вас безусловно годом трудным - в публике будет преимущественно спрос на газеты радикального пошиба, а потому предстоит борьба не только за подписку... но и за рынок»[28].

Понимал ситуацию и редактор «Вестника» С.Н.Шубинский. В начале 1906 г. он писал Глинскому: «По XVIII веку я не возьму теперь ни от кого ни одной строки. Слишком 50 лет трепали мы этот век со всех сторон, потому что о позднейшем времени не могли говорить. Достаточно набили оскомину»[29].

«Исторический вестник» напечатал воспоминания участника «Военной организации "Народной воли"» И.П.Ювачева о процессе «14-ти». Он был приговорен по процессу «14-ти» к смертной казни; подал прошение о помиловании; смертная казнь была заменена ему заключением в Шлиссельбургской крепости. После трехлетнего пребывания в крепости он был переведен на поселение на Сахалин. В заключении Ювачев впал в религиозную экзальтацию, впоследствии публиковал статьи на религиозные сюжеты.

Воспоминания Ювачева содержат интересный фактический материал, но трактовка им событий процесса, характеристика тюремщиков поражает политической наивностью и религиозным ханжеством[30].

Под пером автора «Исторического вестника» «Военная организация "Народной воли"» превращается в либеральный кружок, а царские судьи приговаривают к смертной казни почти неумышленно, по недосмотру... Такая трактовка вполне устраивала редакцию суворинского издания, исторический вариант „чего изволите?"».

В 1907 г. воспоминания Ювачева вышли отдельным изданием без всяких изменений. Между тем еще в майском номере «Былого» за 1906 г. были опубликованы воспоминания сопроцессника Ювачева А.А.Спандони, в которых убедительно доказывалось, что для судей зачастую большее значение имели не 30 томов «дела», а тетрадка с показаниями провокатора Дегаева. Так, один из лидеров «Военной организации», А.П.Штромберг, был казнен именно по дегаевскому оговору. Причем если в приговоре, зачитанном осужденному, фигурировала только принадлежность к центральной военной группе, то в приговоре, напечатанном в газетах, речь шла уже об участии в событиях 1-го марта. «Эти, так сказать, "посмертные обвинения", - писал Спандони, - не могли быть предъявлены на суде; их нечем было абсолютно подкрепить при невозможности указаний на Дегаева. И, таким образом, Штромберг умер, не зная, за что его казнили, а узнали об этом читатели газет, ровно ничего не знавшие о том, что предъявлялось Штромбергу на процессе»[31].

Немалое внимание уделялось истории тюрьмы, каторги и ссылки, борьбе революционеров в неволе за свое человеческое достоинство. Особое место занимали в этой трагической истории народовольцы - ведь вплоть до революции 1905-1907 гг. ни одна общественная группировка не подвергалась столь жестоким преследованиям со стороны правительства. Специально для народовольцев была выстроена новая «государева тюрьма» в Шлиссельбурге.

Революция освободила из Шлиссельбурга героев «Народной воли» - М.Ф.Фроленко, Н.А.Морозова, Г.А.Лопатина и др. Они получили возможность поделиться воспоминаниями о царских застенках так же, как освобожденные ранее В.Н.Фигнер, И.Л.Манучаров и др. Бывший народоволец П.Ф.Якубович писал по случаю освобождения шлиссельбуржцов: «Приветствуя всем сердцем освобожденных братьев и товарищей, мы, страдавшие бесконечно меньше, пожелаем им скорейшего исцеления ран; сами же дадим клятву - не забывать незабываемое. Да, Шлиссельбург с его беспримерными страданиями не будет забыт нами». Якубович напоминал, что в Шлиссельбурге все еще томятся пятеро осужденных в более позднее время революционеров - Карпович, Сазонов, Гершуни и др. «Проснувшаяся общественная совесть не примирится с этим фактом. По всей стране прозвучит грозный клич: долой Шлиссельбург! Долой позор и мучительство одиночного заключения! Россия должна стать свободной и счастливой!»[32]

Большевистский публицист М.С.Ольминский, напечатавший рецензию на первый номер «Былого», среди прочих материалов журнала выделил воспоминания М.Ю.Ашенбреннера о Шлиссельбурге. Ольминский не только желал скорее излечить «священные раны» героев «Народной воли», но и призывал постараться, чтобы «новые поколения наших соотечественников навсегда были гарантированы от опасности получать новые раны. Необходимо навсегда вырвать оружие из рук безумных и бессердечных палачей!»[33]

В России переиздаются выходившие ранее за границей воспоминания П.С.Поливанова о заключении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости[34], о Шлиссельбурге - Л.А.Волкенштейн; в «Былом» печатаются воспоминания о Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях-тюрьмах М.Ф.Фроленко, М.В.Новорусского, М.Ю.Ашенбреннера, В.П.Фигнер, биографические очерки шлиссельбуржцев, стихотворения, написанные в заключении.

Мемуаристы-народовольцы убедительно показывали, что тюремное заключение было не чем иным, как более тихим и медленным способом физического уничтожения самодержавием своих противников или попыткой сломить их нравственно. Выжившие и сохранившие рассудок в условиях Алексеевского равелина или Шлиссельбурга являлись скорее не правилом, а исключением. М.Ф.Фроленко, проведший в заключении почти четверть века, иронически озаглавил свои тюремные воспоминания «Милость». Ведь именно как царская милость представлялась властями замена смертной казни осужденным по процессу «20-ти» пожизненным заключением. Фроленко подводит трагический итог двухлетнего пребывания в Алексеевском равелине своих сопроцессников: «Привезли нас в Алексеевский равелин 11 человек. Увезли в Шлиссельбург пятерых. Дождались свободы только трое... Такова была "милость"!»[35].

Воспоминания о казнях, тюремных ужасах смыкались с настоящим. В рецензии на вышедшие в России записки о Шлиссельбурге Л.А.Волкенштейн, опубликованной в «Былом», выражалась надежда, что она дополнит свои воспоминания. Редакция была вынуждена поместить подстрочное примечание к рецензии: «Увы, эти строки обращены уже к мертвой»[36]. Л.А.Волкенштейн была убита 10 января 1906 г. при расстреле демонстрации во Владивостоке. В 3-м номере «Былого» напечатан биографический очерк Волкенштейн, принадлежавший перу В.Н.Фигнер, ее сопроцессницы и товарища по заключению. Фигнер вспоминала, что, хотя на суде «Л.А. не желала скрывать своих убеждений», улики против нее были невелики. Тем не менее военный суд, «щедро назначавший смертную казнь, приговорил к ней и Л.А. По прочтении приговора судьи, по рассказам одного из присяжных поверенных, в разговоре между собой цинично говорили: "Однако ...мы ей закатили!"»[37]. Этот ни с чем не сообразный приговор «милостиво» был заменен 15-летней каторгой.

Волкенштейн и Фигнер Шлиссельбург пережили. Однако для многих их соратников он стал могилой[38]. Потерявшие рассудок содержались рядом с остальными заключенными. К физическим страданиям жандармы стремились добавить нравственные. Иногда двух шлиссельбуржских женщин, добившихся права совместной прогулки, приводили в ту клетку, где перед этим гулял Исаев: «...На снегу, справа и слева, виднелась алая, только что выброшенная им кровь... Эта не убранная, не прикрытая, хотя бы снегом, кровь товарища вызывала щемящую тоску... И отвести от этой крови глаз было некуда. Небольшое пространство ,,клетки" было сплошь завалено снегом: оставалась лишь узкая тропинка, по которой поневоле только и приходилось ходить. Отвратительно было это палачество, которое несколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый след, но цинично оставляло его на муку и поучение невольных посетителей»[39].

Очерк Фигнер о Волкенштейн вышел также отдельной брошюрой и, разумеется, был конфискован[40]. Не менее сильным обвинительным актом против самодержавия стали воспоминания и других шлиссельбуржцев.

Интересна реакция на чтение «шлиссельбургских» и других публикаций «Былого» столь требовательного читателя, как Л.Н.Толстой. Убежденный сторонник непротивления злу насилием, он не одобряет направления журнала, хотя и жадно читает и перечитывает его[41]. «Волкенштейн, Фигнер..., - замечает Толстой. - Добрые чувства к людям, а вместе с тем убийство»[42]; «...что я читал в "Былом" о Мышкине (Воспоминания М.Р.Попова. К биографии Ипполита Никитича Мышкина. - Былое. 1906. № 2. - *О.Б.*), и газеты - возбуждают недоброжелательные чувства к людям, тревогу, беспокойство, нарушают душевное состояние»[43]. И все же как-то у него вырывается в полушутливой форме: «"Былое" - самый революционный журнал. Если бы я был молод, то после чтения "Былого" я взял бы в обе руки по револьверу»[44].

О.В.Аптекман в рецензии на «Былое» справедливо отмечал, что журнал «не только дает прекрасный в историческом смысле материал, но создает глубокое оппозиционное и революционное настроение, воскрешая перед нами дорогие заветы вечной борьбы за освобождение масс». «Будем же бороться!» - заключает свою рецензию Аптекман[45].

Направленность журнала правильно оценили и «по ту сторону баррикады». Ренегат «Народной воли» Л.А.Тихомиров, которого В.Л.Бурцеву каким-то образом удалось втянуть в Своеобразное сотрудничество (он комментировал - не для печати - некоторые материалы «Былою»), писал Бурцеву по поводу журнала: «...ну а что касается "Былого" и вообще преждевременных публикаций - Вы знаете, что я этого не одобряю. Тут даже не может быть истории. Неизбежно выходит та же самая революционная борьба»[46].

«Тюремную» тему не могли игнорировать и консервативные издания. Один из руководителей «Исторического вестника», Б.Б.Глинский, в свое время из-за случайного знакомства с народовольцем П.Я.Шевыревым отбыл десять дней тюремного заключения, и по этому поводу разразился мемуарами на 30 страниц журнального формата. Показательна оценка Глинским последствий «второго 1-го марта» (1887 г.): «...покушение 1 марта не удалось, имея самые горестные последствия для заговорщиков печально и больно ударило по всей университетской жизни, чуть было не нанесло обществу вспомоществования студентам громадного нравственного ущерба»[47]. Редкостное по бестактности и цинизму посмертное обвинение пяти казненных в том, что они своими действиями «чуть было» (!) не нанесли нравственного ущерба студенческому обществу. Неудивительно, что Глинский далее почти с умилением описывает свое пребывание в Выборгской тюрьме. Любезные тюремщики разрешили ему остаться в своем платье, пользоваться книгами из тюремной библиотеки (хотя по правилам это дозволялось лишь через два месяца) и т.п. Вряд ли еще у кого-нибудь из многочисленных обитателей знаменитых «Крестов» остались о них столь идиллические воспоминания.

Как говорилось выше, «Исторический вестник» печатал воспоминания шлиссельбуржца И.П.Ювачева. На отдельное издание мемуаров Ювачева отозвался резко критической рецензией шлиссельбуржский «летописец» М.В.Новорусский. Он справедливо писал, что «из всей огромной уже литературы о русских политических узниках и ссыльных это чуть ли не единственная книга, в которой мягкому и благодушному тону совершенно соответствует почти идиллическая манера рассказа и чисто младенческая наивность анализа»[48]. Новорусский отметил, что под пером Ювачева высшая администрация оказывается повинной только в ошибках, недосмотре или неведении и даже знаменитый Ирод (Соколов), смотритель Шлиссельбурга, характеризуется лишь как «неподкупный служака». «Напрасно мы стали бы искать у г.Ювачева святого негодования на порядки, делающие возможным Шлиссельбуржский режим, или открытую укоризну по адресу лиц, row^i-тельно п пл'ио^ создавшую этот режим со всеми его скоропостижными смертями... Для нашего сердобольного автора есть только несчастные, и на стр.77 он поразительно неразборчиво называет несчастными и Грачевского, доведенного до ужасного самосожжения, и тюремщиков, которые довели его до этого!»[49]

Отчетливо заметна и принципиальная разница в отношении двух бывших шлиссельбуржцов к российской действительности. Слова Ювачева из книги о Шлиссельбурге, «может быть, теперь нет ничего подобного в современных тюрьмах» (стр.72) Новорусский иронически объясняет опасливостыо автора или «чисто детским неведением»[50]. Сажеон в своих воспоминаниях четко прослеживает генетическую связь между прошлым и настоящим царской юстиции. По процессу «вторых первомартовцев» (1887 г.) Новорусский был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. «В настоящей момент, - писал он в 1906 гг., - дело о том, чтобы отправить человека на тот свет, сильно упростилось: согласно известному распоряжению министра внутр[енних] дел (того самого лица, которое и 19 лет назад содействовало заточению меня в Шлиссельбург)[51], всякое лицо, у которого найдены на хранении взрывчатые вещества, предается военному суду, который и приговаривает его, как взятого с оружием в руках»[52].

Биографический «жанр» нашел широкое распространение в историко-революционной литературе. Наибольшее число публикаций - о народовольцах - А.И.Желябове, С.Л.Перовской, А.Д.Михайлове; выходили отдельные брошюры или журнальные статьи и Н.И.Кибальчиче, М.Р.Лангансе, Н.А.Желвакове и др. Некоторые издания являлись перепечатками с заграничных, но большая часть материалов появилась впервые.

Особо следует отметить «Галерею Шлиссельбургских узников» (СПб., 1907), в которой большое место отведено «портретам» народовольцев, причем шесть из них вышли из-под талантливого пера В.Н.Фигнер. В свою очередь о ней самой написали С.Я.Елпатьевский и ее товарищ по заключению С.А.Иванов; биографию А.И.Ульянова написала Анна Ильинична Ульянова. Как отмечал один из рецензентов «Галереи», все эти биографии «представляют один в высшей степени интересный мартиролог борцов за русскую свободу и вместе с тем страшный обвинительный акт против русского правительства»[53]. Другой рецензент, М.К.Лемке, считал, что «для молодежи книга должна быть признана прямо обязательной, настолько она поднимает настроение и дает много светлых образов людей, так доблестно рвавшихся на освобождение родины»[54]. Несомненно, подобное воздействие оказывали и другие биографии революционеров. Биографические материалы особенно выпукло рисовали нравственный облик героев-народовольцев, подчеркивали их самоотверженность и высокий интеллектуальный уровень, уясняли благородные мотивы их деятельности. Реальный облик А.И.Желябова и С.Н.Халтурина, С.Л.Перовской и В.Н.Фигнер нисколько не совпадал с искаженными образами, какими рисовала их официозная пресса на протяжении многих лет.

В годы революции в России была издана знаменитая «Подпольная Россия» С.М.Степняка-Кравчинского, на страницах которой пером мастера изображены портреты выдающихся революционеров. «Величие и чистота революционной нравственности» - центральная тема книги[55].

Консервативно-охранительная печать вынуждена была реагировать и на историко-биографические издания, посвященные деятелям революционного движения. Руководители «Исторического вестника» отказались напечатать очерк И.Фомина об Александре Михайлове, поскольку рукопись «несмотря на ее значительный интерес... прислана не по адресу: ей место или в "Былом"... или в "Мире божьем"... Вестник не может читать дифирамбов цареубийству и пр. и считать революцию и народовольчество совершенством»[56].

Когда Шубинский вознамерился опубликовать биографический очерк С.Л.Перовской, подготовленный В.А.Тимирязевым, это вызвало активный протест со стороны заместителя редактора: «Не понимаю, зачем потребовалась эта статья, основанная исключительно на "Былом" и возводящая убийство Александра II в святое дело!»[57] В результате материал о Перовской в журнале так и не появился.

«Исторический вестник» отозвался недоброжелательной рецензией на легальное издание «Подпольной России». «Говоря о своих единомышленниках,- писал рецензент, - автор... увлекается в сторону однобоких симпатий... изображение Гельфман и Перовской в самых идеальных красках едва ли совпадает с действительностью»[58]. Зато авторы «Исторического вестника» (А.П.Плетнев и др.) постарались изобразить революционеров красками вовсе не идеальными[59]. Плетнев опубликовал полубеллетристическую «Исповедь террориста», основанную якобы на документах. В этой «повести из времен Александра II» революционеры изображались людьми, способными отправить девушку на бесчестье «в интересах дела» или донести на товарища, если он уже «не наш»[60].

Свою «лепту» в извращение истории революционного движения вносили либеральные историки и публицисты. Либеральная публицистика на исторической почве старательно «поучала» правительство, указывая ему на возможность путем реформ предотвратить революцию. Либеральные писатели «либерализовали» и народовольчество. Сочувственную рецензию на воспоминания В.К.Дебагория-Мокриевича поместила «Русская мысль». Рецензия состояла из длиннейшей цитаты, суть которой в том, что, если бы не преследования со стороны властей, деятельность революционеров неизбежно свелась бы к чисто культурнической. Так бы случилось, «если бы у нас вместо злого и глупого правительства оказалось бы умное, которое сумело бы правильно взглянуть на движение и предоставить его течение самому себе».

Рецензент призывал прислушаться к голосу Дебагория, «как к голосу умного, спокойного и вдумчивого человека»[61].

Такие же идеи проводились в статьях историка А.Е.Преснякова, видевшего причину движения революционного народничества в отказе правительства «от дальнейшей творческой работы»[62]. Литературовед, «освобожденец» Е.В.Аничков в предисловии к материалам процесса «16-ти», которое он выразительно озаглавил «Год ужасов и надежд», указывал, что революционеры «подарили правительству» «целое полугодие полнейшей тишины» (1880 г.). Однако у правительства «не хватало смелости» для осуществления реформ[63]. Он сближал народничество с «освобожденством», поскольку им свойственно внимание к общественному мне

Неонародническая историография во многом идеализировала народовольчество, а некоторые публицисты и историки пытались навязать современным революционерам изжившие себя теоретические воззрения и методы борьбы. Наиболее крайнюю позицию занимал один из редакторов «Былого», В.Л.Бурцев. В одном из писем Г.А.Лопатину он призывал его смотреть на «Былое» не как на «историч[еское] издание, преследующее изучение истории как чистой науки. Нет, - для нас "Былое", - одна из форм борьбы, борьбы в духе Нар[одной] воли. Все, что мы сможем сделать для апофеоза Шародной] в[оли] и ее идей и ее борьбы, мы это сделаем "старым людям на послушание, а молодым на память"»[65]. Об этом же Бурцев писал В.Н.Фигнер: «...Все, что будет иметь отношение к событиям 1879-81 гг., - все это найдет место на страницах "Былого". Нам надо для молодежи, для всего общества создать апофеоз Нар[одной] воли: пусть они идут "на выучку" к Народной воле!...»[66]

В «Былом» односторонность Бурцева сдерживалась его соредакторами - В.Я.Богучарским и П.Е.Щеголевым, придерживавшимися менее восторженных взглядов на «Народную волю». И все-таки на первый план в публикациях журнала о «Народной воле» выходил террор. Почти из ста различных «народовольческих» материалов «Былого» лишь три относились специально к деятельности народовольцев среди рабочих, а к событию 1-го марта 1881 г. - более полутора десятков. Большинство народовольческих мемуаристов переоценивали воздействие террора на российскую действительность, в особенности это касалось цареубийства. Так, О.С.Любатович назвала его «величайшим мировым актом». По ее образному выражению, «революционеры свалили тяжелый камень, замыкавший ход в темницу, но узники испугались и не знали, куда идти»[67]. Гибель партии нередко относилась за счет случайных причин. С.А.Иванов в своих воспоминаниях довольно категорично утверждал, что «только крайне неблагоприятное стечение обстоятельств, выразившееся в ряде исключительных событий (напр., дегаевщина и др.случаи), не дали возможности организации возродиться и окрепнуть»[68]. Прежде всего терроризм в наследии «Народной воли» выделялся Бурцевым. Вышедшие под его редакцией материалы процесса «16-ти» он подчеркнуто озаглавил как «процесс 16-ти террористов», хотя подсудимые протестовали против трактовки обвинением их деятельности как террористической по преимуществу. Уделяя определенное внимание народовольческой пропаганде среди рабочих, Бурцев утверждал, что «пропагандисты всех других фракций... ни в каком отношении не расширили революционной деятельности среди городских рабочих в сравнении с тем, как она была поставлена народовольцами в 1880-81 годах»[69]. В своих заграничных исторических изданиях, посвященных в основном «Народной воле» и перепечатанных в годы революции в России, Бурцев сохранил содержавшиеся там выпады против социал-демократов.

Это вызвало справедливую критику на страницах большевистской печати. Ольминский писал, что «народовольчество как таковое отошло в область истории и подлежит только исторической оценке. Воевать против него теперь - значило бы ломиться в открытую дверь. Но точно также неуместной была бы теперь всякая попытка навязать действующему поколению миросозерцание и тактику, отошедшие в историю»[70]. Тем не менее Ольминский сотрудничал в «Былом» по совету В.И.Ленина[71] и, как уже говорилось, в целом положительно оценил публикации журнала, ибо журнал отличала ярко выраженная демократическая, антисамодержавная направленность. Сотрудничество публициста-большевика в журнале было вполне оправданно и закономерно в период буржуазно-демократической революции, когда «неизбежно

известное сплетение пролетарски-социалистических и мелкобуржуазно-демократических (и оппортунистически-демократических и революционно-демократических) элементов и тенденций»[72].

Высоко оценивая борьбу «Народной воли» за политическую свободу, стремление вовлечь в эту борьбу всех недовольных, социал-демократы отрицали народовольческие методы борьбы - заговор и террор. В.И.Ленин вскрыл реальное классовое содержание народничества, а также те объективные причины, которые толкали народовольцев на заговорщическо-террористический путь. Он указывал, что «в 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительно массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения»[73].

Во времена «Народной воли» революционеры «были кучкой героев, которые не могли ничего сделать, кроме убийства отдельных лиц»[74]. В.И.Ленин показал бесперспективность терроризма как метода революционной борьбы: «Террор был местью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс»[75]. В то же время Ленин указывал на объективные обстоятельства, обусловившие террор «Народной воли»: «Террор был результатом - а также симптомом и спутником - неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»[76]. Теперь же, подчеркивал Ленин в 1906 г. «к счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию "делали" революционные одиночки-террористы»[77].

Опыт революционной борьбы «Народной воли» мог принести практическую пользу российским революционерам начала века. В.И.Ленин «нередко прямо требовал подробного изучения конспиративной деятельности старых народовольцев» для того, чтобы «еще более углубить конспиративную работу старых народовольцев, взяв от них все те замечательные достижения в этой области, которые они несомненно имели»[78]. Эта задача становилась особенно актуальной в период первой российской революции, когда тысячи людей впервые вступали в борьбу. М.С.Ольминский обращал внимание на «недостаток преемственности в работе» как на одно из «больных мест русского освободительного движения». «Бесконечно медленно, за железными решетками и в снеговых пустынях, - писал Ольминский, - гибли молодые силы, не имея возможности поделиться опытом с теми, кто приходил на смену выбывающим. И новые поколения молодежи пролагали пути деятельности, то повторяя старые ошибки, то открывая давно открытые Америки»[79].

Рецензируя «Былое», «Русскую историческую библиотеку» «Донской речи», историк-большевик выделяет прежде всего материалы, относящиеся к истории рабочего движения 70-80-х годов, народовольческой пропаганде среди рабочих. **Опыт народовольцев наряду с использованием определенных методов и приемов пропаганды и агитации мог помочь избежать допущенных ими просчетов в теории в на практике. Этим объясняется несколько утилитарный подход к отдельным моментам истории «Народной воли». Так, оценивая поведение обвиняемых на процессе «16-ти», где «главные подсудимые не оправдывались, не выгораживали себя, - они мужественно шли на смерть и в то же время старательно выясняли подробности своей собственной деятельности», Ольминский подчеркивает, что «такое поведение вытекает из признания важности судебного разбирательства»**[80].

История революционного движения, в том числе народовольчества, использовалась большевиками в пропагандистских и агитационных целях как накануне революции[81], так и в ее период, хотя на первый взгляд современные события должны были вытеснить на время революционную историю из арсенала пропагандистов. Ленинский «Пролетарий» перепечатал саратовскую программу для занятий с крестьянскими кружками, поскольку она «может служить полезным материалом для обсуждения практической стороны работы в деревне». Программа предусматривала в числе прочих лекцию по теме «История борьбы за политическую свободу» («декабристы», «Земля и воля», «Народная

воля»), В качестве пособий рекомендовались «История революционных движений в России» А.Туна, «За сто лет» Бурцева, «Подпольная Россия» Степняка[82].

Таким образом, идейная борьба по вопросам истории революционного движения, в частности «Народной воли», была отражением и в то же время составной частью идейно-политической борьбы первой российской революции. Шел спор между большевиками и различными мелкобуржуазными партиями за выбор верных путей революционной борьбы.

1 Русанов Н.С. Из моих воспоминаний. Т. III: Снова на родине // ОР ГБЛ. Ф.678. Карт.1. Д. 8. Л. 8.

2 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.22. С.83.

3 Былое. 1906. № 3. С.36-37.

4 Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. II. С. 172.

5 Литература партии «Народной воли». СПб., 1907. Вып.II. С.154. Автор приведенного отрывка из № 10 «Народной воли» (1884 г.) — Г.А.Лопатин.

6 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 4. С. 176.

7 Там же. Т.12. С. 218.

8 Там же. Т.13. С.32.

9 Там же. С.54.

10 ЦГИА СССР. Ф.776. Оп.9. Д.823. Л.6.

11 Государственный архив Ростовской обл. Ф. 41. Оп. 2. Д. 645. Т. III. Л. 394 об. (Далее: ГАРО).

12 Там же. Л.396.

13 ЦГИА СССР. Ф.776. Оп.9. Д.823. Л.12.

14 Шумейко М.Ф. Из истории выявления и собирания документов революционного движения в России второй половины XIX—начала XX в. (По материалам архива В. Я. Богучарского): Дис.канд. ист. наук. М., 1980. С.110.

15 См.: Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983.

16 Наиболее полное — Процесс 16 террористов / Под ред. И с примеч. В.Л.Бурцева. Изд.: Донская речь. СПб., 1906.

17 Лучшее из них: К 25-летию 1881—1906 гг. Дело 1-марта 1881 г. / Со ст. и примеч. Льва Дейча. СПб., 1906.

18 Отметим, что если отчеты о процессе «16-ти», по делу 1-го марта в свое время публиковались в официальных изданиях, то материалы процесса «20-ти» и последующих народовольческих процессов появлялись в легальной русской печати впервые.

19 Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX—начало XX в. Л., 1974. С.65.

20 Письмо В.Л.Бурцева Г.А.Лопатину. Б.г. (вероятно, 1906 г.) // Рукоп. отдел ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР. Ф.534. Д.24. Л.8.

21 [Щеголев П.Е.]. Из истории «Былого» // Былое. 1917. № 1. С.5.

22 Дмитриев С.С. Исторический вестник // СИЭ. Т.6. Стб.554.

23 Богучарский В.Я. Дневник // ЦГАЛИ СССР. Ф.1696. Оп.1. Д.39. Л.143об.

24 Письмо Е.В.Тарле В.Я.Богучарскому от 13 июня 1906 v.II. Из литературного наследия акад. Е.В.Тарле. М., 1981. С.189.

25 ГАРО. Ф.41. Оп.2. Д.643. Т.1. Л.6 об.

26 Власти и здесь оказались нерасторопными. У издательницы успели изъять 167 экз. из 10 тыс. отпечатанных (ЦГИА СССР. Ф.776. Оп.9. Д.585. Л.2, 4).

27 См.: Былое. 1907. № 4. С.313. О газете «Россия», в которой таким образом характеризовались народовольцы, В.И.Ленин писал, что она «получает субсидию от правительства погромщиков за проведение взглядов этого правительства» (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.13. С.301).

28 Письмо Б.Б.Глинского С.Н.Шубинскому от 30 авг. 1905 г. // ОР ГПБ. Ф. 874 (С.Н.Шубинского). Оп.1. Д.100. Л.192об.

29 Письмо С.Н. Шубинского Б. Б. Глинскому от 15 февр. 1906. // РО ИРЛИ. Ф. 72 (Б.Б.Глинского). Д.388. Л.102.

30 Ювачев И.П. Шлиссельбургская тюрьма // Исторический вестник. 1906. № 2. С.464—465.

31 Спандони. А.А. Страница из воспоминаний // Былое. 1906. № 5. С.19.

32 Мельшин Л. (П.Ф.Якубович). Шлиссельбургские мученики // Русское богатство. 1905. № 10. Отд.II. С.110.

33 Ольминский М. Литературные беседы. «Былое». // Наша мысль. 1906. № 5. С.12.

34 Брошюра П.С.Поливанова об Алексеевском равелине привлекла внимание властей после подавления революции. В докладе С.-Петербургского комитета по делам печати прокурору судебной палаты говорилось, что «излагаемые в книжке воспоминания П. Поливанова проникнуты резко оппозиционным настроением к правительству вообще и к тюремному начальству в частности... Озлобленный против правительственной власти П.Поливанов, покончивший жизнь на свободе самоубийством, в предсмертном письме своем к товарищам-революционерам... позволяет себе оказывать дерзостное неуважение и к Верховной власти: он здесь выражает желание „дожить до той минуты, когда рухнет позорящее Россию самодержавие и с ним исчезнет зло, которое оно порождало"» (ЦГИА СССР. Ф.776. Оп.9. Д.2296. Л.3 - 3 об.).

35 Фроленко М. Ф. Милость: (Из воспоминаний об Алексеевском равелине) // Былое. 1906. № 2. С.20.

36 Былое. 1906. № 1. С.312.

37 Фигнер В.Н. Шлиссельбургская узница Людмила Александровна Волкенштейн // Былое. 1906. № 3. С.254.

38 Там же. С.261.

39 Там же. С.261.

40 Минцлов С.Р. Четырнадцать месяцев «свободы печати» // Былое. 1907. № 3. С.147.

41 У Толстого: «Яснополянские записки» Д.П.Маковицкого // Лит. наследство. М., 1979. Т.90, кн. 2. С.33.

42 Там же. С.140.

43 Там же. С.74.

44 Там же. С 154.

45 Аптекман О.В. [Рецензия] // Современная жизнь. 1906. Ноябрь. С.238. Рец. на кн.: Былое. № 1—9.

46 Письмо Л.А.Тихомирова В.Л.Бурцеву от 18 янв. 1907 г. // ЦГАЛИ. Ф.75. Оп.1. Д.32. Л.12 об.

47 Глинский Б. В тюремном заключении (отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1906. № 6. С.853.

48 Новорусский М. [Рецензия] // Былое. 1907. № 4. С.311. Рец. на кн.: И.П.Ювачев (ИП.Миролюбов). Шлиссельбургская крепость. М., 1907.

49 Новорусский М. Указ.соч. С.312.

50 Там же.

51 П. Н. Дурново (О.Б.).

52 Новорусский М.В. Как и за что я попал в Шлиссельбург // Былое. 1906. № 4. С.77.

53 Водовозов В. [Рецензия] // Былое. 1907. № 4. С.315. Рец. на кн.: Галерея Шлиссельбургских узников. СПб., 1907. Ч.1.

64 Л[емке] М. [Рецензия] // Книга. 1907. № 20, С.7.— Рец. на кн.: Галерея Шлиссельбургских узников. СПб., 1907. Ч.1.

56 Володин А. Революция, литература, нравственность // Стен-няк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С.10.

56 Письмо Б. Б. Глинского С.Н.Шубинскому, Б. г. // ОР ГПБ. Ф.874. Оп.1. Д.100. Л.321.

57 Письмо Б.Б.Глинского С.Н.Шубинскому, 1906 // Там же. Л.339-339 об.

58 П-й М. [Рецензия] // Исторический вестник. 1906. № 2. С.644. // Рец. на: С.Степняк. Подпольная Россия. СПб., 1905.

59 Плетнев А.П. Встреча с русскими эмигрантами (отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1907. № 6. С.848.

60 Плетнев Алексей. Исповедь террориста: (Повесть из времен Александра II). СПб., 1906. С.62—63. «Исповедь террориста» предназначалась первоначально для «Исторического вестника». Однако автор, выпросив аванс в 150 руб., издал ее отдельной брошюрой, что сделало невозможным появление «Исповеди» на страницах журнала. Шубинский справедливо называл Плетнева «мазуриком», но, тем но менее, печатал (Письмо С.Н.Шубинского Б.Б.Глинскому от 25 июня 1906 г. // РО ИРЛИ. Ф. 72. Л. 263. Л.103—104 об.).

61 Русская мысль. 1906. № 12. Отд.II. С.333.

62 Пресняков А. Революционное народничество // Московский еженедельник. 1906. № 27. 23 сент. С.39—40.

63 Аничков Е. В. Год ужасов и надежд // Дело 16 народовольцев. СПб., 1906. С.VIII—IX.

64 Там же. С.VII.

65 Письмо В.Л.Бурцева Г.А.Лопатину от 23 декабря 1905 г.// РО ИРЛИ. Ф. 543. № 24. Л. 1 об.

66 Письмо В.Л.Бурцева В.Н.Фигнер. Б.г. (очевидно, конец 1905— начало 1906 г.) // ЦГАЛИ. Ф.1185. Оп.3. Д.1. Л.2.

67 Любатович О.С. Далекое и недавнее // Былое. 1906. № 6. С 148.

68 Иванов Сергей. К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов // Былое. 1907. № 9. С.206.

69 Былое. Журнал, издававшийся за границей, под. ред. В.Л.Бурцева. Ростов н/Д., 1906. Вып.I. С.6.

70 Ольминский П. Рецензия на: Русская историческая библиотека. 1906. № 3, 4 и 5.— Образование. 1907. № 4, отд.II. С.90.

71 Лежава О., Нелидов Н. М.С.Ольминский. М., 1973. С.107.

72 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.17. С.292—293.

73 Там же. Т.12. С.365.

74 Там же. С.301—302.

75 Там же. С.180.

76 Там же.

77 Там же. Т.II. С.269.

78 Бонч-Бруевич В.Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Бонч-Бруевич В.Д. Избр.соч. М., 1961. Т.II. С.315.

79 Ольминский М. Литературные беседы. «Былое» // Наша мысль. 1906. № 5. С.11.

80 Ольминский М. [Рецензия] // Образование. 1907. № 4. С.91. Рец. на кн.: Русская историческая библиотека, 1906, № 3, 4 и 5.

81 Твардовская В.А. Ценные памятники марксистской агитационной литературы // Вопр. истории КПСС. 1963. № 10. С. 91-93.

82 Пролетарий. 1905. № 1. 27(14) мая // «Вперед» и «Пролетарий». М., 1924. Вып. III. С.19-20.

Борис Михайлович Шахматов

Журнал и газета «Набат» П.Н.Ткачева (указатель содержания)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tkachev.pdf

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ

М.: Наука, 1990

Б.С.Итенберг
Б.П.Балуев
Е.Л.Рудницкая
С.В.Мироненко
Т.В.Мальчикова
О.В.Будницкий
Б.М. Шахматов

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009